

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2.

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2020
2(24)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС 77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 2 (24)' 2020

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор:

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;

Заместитель главного редактора:

Лебедев И.Н.,

канд. юрид. наук, декан юридического факультета Московского университета имени С.Ю. Витте

Редакционный совет:

Председатель – Семенов А.В., *д-р экон. наук, проф., ректор Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, проф., профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой транспортного права и административного права Московского государственного университета путей сообщения Императора Николая II;*

Марченко М.Н., *д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, Почетный президент Ассоциации юридических вузов, заведующий кафедрой теории государства и права и политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, проф., председатель московской коллегии адвокатов «Юристы-профессионалы»;*

Чеха В.В., *д-р юрид. наук, руководитель представительства Россотрудничества в Республике Абхазия.*

**Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.
Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.**

Системные требования: PC не ниже класса Pentium III; 256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows 98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X и выше; мышь.

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ ПРАВО

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ПОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОМ ДОКТРИНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ	6
<i>Апольский Евгений Александрович, Мордовцев Андрей Юрьевич</i>	
РЕФОРМА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020 ГОДУ: ВОЗВРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ МАРШРУТ	13
<i>Бабурин Сергей Николаевич</i>	
О ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1907–1914 ГОДАХ	18
<i>Видова Татьяна Александровна, Головастова Юлия Александровна</i>	
ДЕМОКРАТИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ	24
<i>Сауляк Олег Петрович</i>	
СЕРГЕЙ ГЕССЕН: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФАКТ РЕАЛИЗАЦИИ МИНИМУМА ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО БЫТИЯ	30
<i>Сторчеус Надежда Вячеславовна</i>	

ГРАЖДАНСКОЕ, ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЕ И ДОГОВОРНОЕ ПРАВО

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (ОПЫТ АВСТРИИ И ФРГ).....	35
<i>Слабоспицкий Анатолий Сергеевич</i>	
О КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ.....	41
<i>Щербакова Лилия Геннадиевна, Фомичева Регина Владимировна, Свечникова Ирина Васильевна</i>	
ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА	49
<i>Челдин Артем Владимирович</i>	
ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА.....	53
<i>Давлетшин Дарий Рифович</i>	

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНАЛИСТИКА

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ: ОСНОВНЫЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ	60
<i>Козлов Антон Вячеславович</i>	
ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ДЛЯ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО), ПОДСУДИМОГО ПРИЗНАВАТЬ ВИНУ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ?	65
<i>Середнев Владимир Анатольевич</i>	

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ	74
<i>Кривошеев Сергей Владимирович</i>	

CONTENTS

CONSTITUTIONAL AND MUNICIPAL LAW

METHODOLOGY OF LEGAL KNOWLEDGE IN THE SOVIET DOCTRINAL SPACE.....6 <i>Apolski E.A., Mordovcev A.U.</i>	
REFORM OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2020: THE RETURN OF CONSTITUTIONALISM TO THE NATIONAL ROUTE13 <i>Baburin S.N.</i>	
ON THE FORM OF GOVERNMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1907–191418 <i>Vidova T.A., Golovastova Yu.A.</i>	
DEMOCRACY AS LAW AND ORDER DETERMINANT IN MODERN RUSSIA.....24 <i>Sauilyak O.P.</i>	
SERGEY GESSEN: HISTORICAL FACT AS A FACT OF THE REALIZATION OF THE MINIMUM OF TRANSCENDENTAL BEING30 <i>Storcheus N.V.</i>	

CIVIL, BUSINESS AND CONTRACT LAW

JUDICIAL LAW-MAKING DURING THE PANDEMIC (THE EXPERIENCE OF AUSTRIA AND GERMANY)35 <i>Slabospitsky A.S.</i>	
ON THE JURISDICTION AND COMPETENCE OF THE INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS COURT41 <i>Shcherbakova L.G., Fomicheva R.V., Svechnikova I.V.</i>	
EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ENTREPRENEURSHIP49 <i>Cheldin A.V.</i>	
PROSPECTS FOR REGULATORY CHANGES IN BANKRUPTCY.....53 <i>Davletshin D. R.</i>	

CRIMINAL LAW AND CRIMINOLOGY

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH: MAIN LAW ENFORCEMENT ISSUES.....60 <i>Kozlov A.V.</i>	
DOES IT MAKE SENSE FOR THE ACCUSED (SUSPECT), DEFENDANT TO ADMIT GUILT IN COMMITTING A CRIME IN THE CONTEXT OF THE CURRENT CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION?65 <i>Serednev V.A.</i>	
FEATURES OF COMMITTING CORRUPTION CRIMES IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM74 <i>Krivosheev S.V.</i>	

УДК 340.12

МЕТОДОЛОГИЯ ПРАВОВОГО ПОЗНАНИЯ В СОВЕТСКОМ ДОКТРИНАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Апольский Евгений Александрович,

канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: apolski@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону,

Мордовцев Андрей Юрьевич,

д-р юрид. наук, профессор кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: aum.07@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону

В статье рассматриваются советские диссертационные правовые учения относительно методологии правового познания, а также характеризуются перспективы использования результатов указанных исследований в отечественной юридической науке. Основной целью статьи является анализ наиболее важных и фундаментальных диссертаций советских правоведов, в которых представлены логически обоснованные учения о методологии права, а также возможности использования конкретных форм научного знания, полученных советскими правоведами, в процессе аттестации научных кадров в Российской Федерации. На основе диалектического подхода, используя принцип историзма, научной истинности и объективности, авторы показывают специфику результатов, полученных в диссертационных правовых учениях о методологии правового познания, анализируют прагматические возможности использования соответствующих форм научного знания в современной российской юридической науке, обосновывают необходимость создания электронного банка данных новых научных результатов, полученных по всем отраслям дореволюционного, советского и постсоветского правоведения.

Ключевые слова: методология права, правоведение, диссертация, правовое познание, дискурс, правовые учения

METHODOLOGY OF LEGAL KNOWLEDGE IN THE SOVIET DOCTRINAL SPACE

Apolski E.A.,

candidate of legal sciences, associate professor at the department of civil law and process,

e-mail: apolski@mail.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Rostov-on-Don,

Mordovcev A.U.,

doctor of law, professor at the department of civil law and process,

e-mail: aum.07@mail.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Rostov-on-Don

The article examines the Soviet dissertation legal doctrines on the methodology of legal knowledge, and also describes the prospects for using the results of these studies in domestic legal science. The main purpose of the article is to analyze the most important and fundamental dissertations of Soviet jurists, which present logically based teachings on the methodology of law, as well as the possibility of using specific forms of scientific knowledge obtained by Soviet jurists in the process of certification of scientific personnel in the Russian Federation. Based on the dialectical approach, using the principle of historicism, scientific truth and objectivity, the authors show the specifics of the results obtained in the dissertation legal teachings on the methodology of legal knowledge, analyze the praxeological possibilities of using appropriate forms of scientific knowledge in modern Russian legal science, justify the need to create an electronic data Bank of new scientific results obtained in all branches of pre-revolutionary, Soviet and post-Soviet law.

Keywords: methodology of law, jurisprudence, dissertation, legal knowledge, discourse, legal teachings

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-6-12

Введение

Современный юридический дискурс содержит немало исследований, результатом которых стали известные теории и концепции, смелые гипотезы и научные идеи, объясняющие сущностные и функциональные основы права, традиционно понимаемого как сложное социальное явление, служащее наиболее эффективным средством упорядочения общественных отношений, придания им стабильности и динамизма.

Отсутствие общепринятого и единого определения понятия «право» сегодня, как и на протяжении прошедших столетий, подталкивает правоведов к продолжению научного поиска, который уже сам по себе может считаться драгоценным научным наследием теоретической юриспруденции. В этом плане, однако, решающую роль имеет методология правового познания: от набора инструментов, как известно, зависит конечный результат.

Следует отметить, что к разработке методологии правового познания отечественные юристы обращались еще в XIX веке, причем делали это весьма успешно. Результатом явились соответствующие правовые учения, выраженные в диссертациях, монографиях и научных статьях, которые и послужили базой для создания системы достоверных, логически и эмпирически доказанных, систематизированных, обоснованных и проверяемых знаний о праве как ключевом историческом и социокультурном институте [1; 2].

Несравненно дальше отечественная теоретико-правовая наука продвинулась в XX столетии усилиями советских правоведов, разрабатывавших собственные учения об основных категориях права, его сущности, системе правовых явлений. Важнейшим среди них является учение о *методологии правового познания*, выраженное в квалификационных работах, а именно кандидатских и докторских *диссертациях*, прошедших «горнило» университетского обсуждения и процедуры публичной защиты. Именно они служили основой для проведения дальнейших монографических исследований и написания выдающихся статей в периодической юридической печати.

Собственно, советский этап развития общей теории права, как справедливо отмечают исследователи, крайне мало изучен. Безусловно, должно пройти не одно столетие, чтобы можно было «на расстоянии» рассмотреть черты этого сложнейшего явления («советское право»), однако, работу в этом направлении необходимо начинать уже сегодня.

Диссертационные правовые учения о методологии правового познания

Методология правового познания в советском правоведении подверглась весьма серьезной разработке. Строго и неуклонно следуя марксистской идеологии, советские правоведы планомерно разрабатывали и укрепляли в целом единый подход к познанию права и правовых явлений. По образному выражению Н.Н. Тарасова, основным фактором, определяющим особенности советского этапа развития юридической науки в области методологических исследований, являлось императивное политическое «вменение» материалистической диалектики как единственного научного метода познания права [11]. Поэтому практически в каждой работе, посвященной сущностным аспектам правовой теории, методологическим проблемам уделялось либо основное и главное место, либо они служили необходимым звеном в решении поставленных в диссертациях и монографиях задач. Рассмотрим ряд знаковых исследований в этой сфере и их роль в формировании советской теории права.

Так, заостряя проблему методологии, важность ее исследования в праве, В.П. Казимирчук в своей диссертации отмечал, что в юридической науке методологическим проблемам не уделялось почти никакого внимания. В 1964 году он писал, что «нет ни одной монографии, работы, диссертации, специально рассматривающих методологию советского правоведения» [6]. Действительно, на тот момент, как справедливо подчеркивает В.П. Казимирчук, в советской юридической литературе имелись лишь несколько посвященных исключительно проблемам методологии в праве научных статей [3; 7; 8; 13]. Однако косвенно методология юридической науки как важная проблема все же ставилась и рассматривалась в иных работах советских правоведов.

В своей диссертации В.П. Казимирчук дает определение научной методологии («применение обусловленных диалектическим методом (как теорией познания) совокупности определенных теорети-

ческих принципов, логических приемов и конкретных способов исследования предмета науки») и подчеркивает, что методология правовой науки – это применение обусловленных теоретическими принципами материалистической диалектики, система логических приемов и специальных методов (способов) исследования правовых явлений [6].

В.П. Казимирчук останавливается и на особой, «внутренне необходимой части научной методологии» – системе логических (т.е. абстрактно-научных) приемов, а также на специальных методах (способах) исследования правовых вопросов.

К системе логических приемов он относит средства, свойственные и используемые рядом или большинством наук (методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, гипотезы и аналогии и др.). Из числа этих методов в работе рассматриваются метод формализации, а также тесно связанные между собой методы моделирования и кибернетики в праве. Особое место здесь занимает Марксов метод восхождения от абстрактного к конкретному.

К числу специальных методов исследования правовых проблем, по мнению автора, следует отнести метод *судебной статистики*, метод *конкретно-социологический* и метод *сравнительно-правового изучения*.

В работе обосновывается вывод, что в выработке теоретического понимания всех важнейших и основных положений о государстве и праве решающая роль принадлежит диалектической логике, поскольку между предшествующим и новым знанием, устаревшей и новой теоретической концепцией нет такой прямой связи, как между основанием и выводом силлогизма, исследуемых формальной логикой. Поэтому и процесс познания действующего права нельзя целиком отнести к сфере формальной логики, как это пытались обосновать буржуазные юристы (например, Вурцель, Муромцев и другие), говоря о «логически замкнутых построениях права», о применении в праве только логического силлогизма и т.д.

Далее, поскольку общие категории диалектики не переходят в правовую науку в неизменном виде, а требуют раскрытия применительно к праву, поэтому и задачей правового исследования является рассмотрение того, как на конкретном правовом материале находят свое выражение эти категории.

Особое внимание уделено в диссертации сравнительному методу. Так, В.П. Казимирчук, с одной стороны, утверждает, что с марксистских позиций сравнительный метод в праве ведет к новому знанию об изучаемых институтах и правоотношениях, выявлению эффективных правовых форм (при изучении правовых систем стран социалистического лагеря с помощью метода сравнительного исследования выявляются правовые формы, которые могут быть использованы для преобразования социалистических общественных отношений в коммунистические), а с другой – объявляет о неприемлемости концепции «буржуазного компаративизма», когда целью сравнительного исследования является всегда выявление общего в изучаемых правовых объектах.

Основываясь на идеологических соображениях, В.П. Казимирчук называет идеологической задачей советских правоведов «глубоко научное и носящее наступательный характер разоблачение измышлений буржуазных идеологов и юристов о “синтезе” буржуазной и социалистической демократий». Метод сравнительного правоведения, по его мнению, должен использоваться для раскрытия за внешним сходством правовых институтов их социально политического различия по существу. В этой связи в диссертации сделана попытка продемонстрировать методологическую и идейную несостоятельность буржуазного компаративизма.

Методологии познания права были посвящены обе диссертации В.М. Сырых. В его кандидатской работе (1970 г.) были проанализированы структура, генезис и система как элементы исторического и логического методов познания права [10], а в докторской (1995 г.) – в целом структура методов теоретического познания государства и права [9]. Конечно, в рамках краткого аналитического обзора невозможно раскрыть все выводы, полученные В.М. Сырых в своих работах, однако, однозначно можно говорить, что они существенно продвинули вперед теоретическую юриспруденцию и в советской, и в современной России, способствовал получению системного знания о соотношении метода правовой науки с иными ее главными компонентами (предметом, объектом и теорией), об основных принципах систематизации методов, используемых для познания государства и права, о компонентах метода правовой науки, о взаимосвязи принципов диалектической логики с конкретными методами познания государства и права и др.

В.М. Сырых рассмотрел метод общей теории права как систему иерархически взаимосвязанных общих, специальных и частных приемов научного познания, модифицированных применительно к специфике предмета общей теории права. Исследователь отрицает правомерность деления единого предмета общей теории права на философию права, социологию права и аналитическую (догматическую) юриспруденцию, а перспективы развития теории права связывает с творческим применением метода восхождения от абстрактного к конкретному.

Рассмотрение формы и структуры знаний о праве, выраженных теорией права, обоснование и конкретизация гипотезы логической структуры теории права, которую выражает система ее основных понятий – категорий, составили цель и содержание диссертации А.М. Васильева, который главный акцент в работе сделал на проблемах логики правовой теории [4]. Автор подходит к изучению правовых категорий как к важной предпосылке дальнейших исследований и решения вопроса о системе категорий теории государства и права в целом, поэтому знания о праве, сформировавшиеся как теория, подытоженные и обобщенные системой правовых категорий, используются в диссертации в качестве объекта изучения. Правовые категории понимаются как предельные по уровню обобщения и абстрагирования в границах правовой науки понятия, отражающие самые существенные свойства и главные связи всех правовых явлений, и потому являющиеся наиболее глубокими по содержанию и широкими по объему понятиями, вырабатываемыми теорией права.

Кроме того, А.М. Васильев считает, что правовые категории выступают тем звеном, через которое проявляется единство теории права и ее метода; выраженная ими теоретическая система одновременно представляет собой и объективную основу метода теории права.

В диссертации обосновывается и логико-гносеологическое значение правовых категорий, которые синтезирует теория права. В частности, это значение заключается в том, чтобы, отразив специфику правопроявлений, выразить в итоге достоверную картину реальных процессов государственно-правового бытия. Для этого, по мнению А.М. Васильева, в логике движения и связей правовых категорий должны быть предельно адекватно отражены процессы развития и изменения правовой формы общественной жизни. Право есть явление историческое, а, следовательно, необходимой посылкой воспроизведения его сущности и его развития является *единство исторического и логического*.

В теории права оно проявляется: а) как отражение в ее понятийном строе основных исторических этапов и тенденций развития права; б) как соотношение между современными изменениями права и теорией права, ее логической структурой. Структура, содержание, категориальный состав теории права обогащается и углубляется не только за счет более глубокого изучения истории права, но и формируется за счет обобщений новых процессов государственно-правовой действительности, связанных с развитием политической системы и законодательства развитого социализма.

Развивая свою концепцию единства исторического и логического, А.М. Васильев подчеркивает, что теория права может и должна дать обоснование такой системе своих категорий, которая, отражая видимое и скрытое в правовой действительности, позволила бы логически правильно и исторически верно представить возникновение и этапы развития права, его современное состояние, роль и перспективу.

Диссертация А.М. Васильева, таким образом, способствовала существенному развитию науки права в рамках марксистской методологии познания, а анализ правовых категорий приобретает особую актуальность сегодня, в период открытия новых общественных отношений, требующих своей правовой оценки.

Еще одно знаковое для советской теоретико-правовой науки исследование провел В.П. Шаповалов в диссертации «Марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании права» (1976 г.). Повторяя своих предшественников, он также предлагает считать сущностной основой правовой действительности государственную волю господствующего класса, а в условиях развитого социализма – общенародную волю [12].

Характеризуя субординацию правовых понятий, отражающих сущностное единство государственной воли в многообразии ее проявлений, автор, вслед за А.М. Васильевым, также касается проблемы соотношения исторического и логического в познании правовых явлений.

Историческая правовая действительность в ее становлении и развитии может быть отображена правовым познанием в двух аспектах: 1) генетический аспект – становление права определенного типа; 2) актуальный аспект – функционирование сложившейся правовой действительности. Генетический

аспект может выступать как в общем праве (становление права при возникновении классового общества), так и в частном (переход от одного типа права к другому в результате социальных революций). Исследование генезиса права выражается в конкретно-историческом исследовании права какого-либо общества и в теоретическом исследовании законов становления определенного типа права. Основным и главным аспектом познания права В.П. Шапанов признает актуальный аспект, так как в развитом, «зрелом» предмете в полную силу разворачиваются специфические его закономерности.

Восхождение от абстрактного к конкретному в правовом познании есть, по мнению автора, *логическое воспроизведение исторического*. Ступени восхождения – это этапы познания и воссоздания правовой действительности, которые отражают относительно самостоятельные стороны ее функционирования. Автор приходит к выводу, что восхождение от абстрактного к конкретному в теоретическом познании права может быть не только в актуальном порядке, отражающем «зрелое» состояние предмета, но и в генетическом, что требует фундаментального исследования аспектов соотношения логического и исторического в процессе научного познания права.

В целом же роль и значение марксистского метода восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании права В.П. Шапанов видит в доказательственном раскрытии специфических черт, свойств, законов становления и развития правовой действительности, что может послужить большей практической действенности правовой науки.

Взаимодействие логического и исторического в теории права, как одна из наиболее актуальных проблем советского правоведения, нашла отражение и в диссертации Н.И. Гонцова, цель которой – развитие представлений о диалектическом взаимодействии логического и исторического методов изучения правовой действительности [5]. Автор возражает против распространенного в советской юридической литературе представления, в силу которого при историческом способе государство и право изучаются с момента возникновения и в той последовательности, в какой оно в действительности происходит, а при логическом – с той стадии, когда они достигают определенной зрелости (Г.Б. Гальперин, А.И. Королев). В этом случае, по мнению автора, происходит тактический разрыв связи между логическим и историческим (хотя номинально заявляется о необходимости их единства в исследовании права).

Н.И. Гонцов предлагает основное внимание уделять выявлению движения, взаимосвязей, взаимопереходов логического и исторического в процессе познания права. Подход, при котором с помощью исторического способа изучаются единичные исторические факты во всем их многообразии, а с помощью логического вскрываются и их закономерные связи, является недостаточно разработанным. Здесь на первый план выходит важность демонстрации того, как в единичном и случайном зарождается всеобщее и необходимое и как необходимое складывается из массы кажущихся случайных событий [5].

Кроме того, Н.И. Гонцов выступает против понимания исторического метода как вспомогательного по отношению к логическому, который служит лишь для сбора необходимых эмпирических фактов, приведения примеров, иллюстраций и т.п. По его мнению, исторический метод наряду с логическим имеет существенное доказательственное значение, а диалектика логического и исторического является одним из необходимых условий в процессе восхождения от абстрактного к конкретному.

Заключение

Таким образом, в рассмотренных и ряде иных диссертаций (объем настоящей работы не позволяет представить расширенный анализ проблематики) авторы ставили цель максимально точно обосновать выдвигаемые тезисы, аргументировать их с помощью верно подобранных методологических инструментов. Представляется, что системное исследование этих трудов, их критический анализ представляют существенный интерес для современного российского правоведения, поскольку смена научной парадигмы не подразумевает забвение предыдущих достижений, но использование их для получения новых объективных научных знаний.

Представленный выше анализ имеет и праксеологическое значение для современного российского правоведения. В частности, представляется, что развитие истории правовых учений относительно

методологии правового познания, полученных в диссертациях советских правоведов, позволит в будущем создать эффективную и практически ориентированную систему научных данных (банк данных, справочную электронную систему), включающую в себя новые научные результаты (гипотезы, научные идеи, концепции, понятия, теории и др.), сформулированные советскими правоведом по ключевым аспектам и проблемам юридической науки в целом, и методологии права в частности.

Это, в свою очередь, открывает путь к успешной реализации политики цифровизации образования и науки в Российской Федерации, а в плане аттестации научных кадров в нашей стране будет способствовать минимизации субъективных проявлений в оценке современных квалификационных работ по юриспруденции.

Список литературы

1. *Апольский Е.А.* Государственно-правовые учения XIX – начала XX в. в России: взгляд на методологию разработки и практическую применимость // Журнал российского права. – 2018. – № 2 (254). – С. 18–26.
2. *Апольский Е.А., Мордовцев А.Ю.* Гражданско-правовые учения в диссертационных исследованиях университетов Российской империи: монография. – М.: Юрлитинформ, 2017. – 184 с.
3. *Аскназий С.И.* Некоторые вопросы методологии советского гражданского права // Советское государство и право. – 1940. – № 8–9. – С. 73–90.
4. *Васильев А.М.* Категории теории права (к разработке понятийной системы): автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 1975. – 41 с.
5. *Гонцов Н.И.* О диалектике логического и исторического в теории права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1980. – 20 с.
6. *Казимирчук В.П.* Проблемы методологии в теории советского права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1964. – 20 с.
7. *Кечекьян С.Ф.* Методологические вопросы истории политических учений // Вопросы философии. – 1962. – № 2. – С. 86–98.
8. *Пионтковский А.А.* К методологии изучения действующего права // Ученые записки. Ученые записки ВИЮН. – 1946. – Вып. 6. – С. 17–59.
9. *Сырых В.М.* Метод правовой науки: структура методов теоретического познания государства и права: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – М., 1982. – 33 с.
10. *Сырых В.М.* Структура, генезис, система как элементы исторического и логического методов познания права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.00. – М., 1970. – 16 с.
11. *Тарасов Н.Н.* Методологические проблемы современного правоведения: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Екатеринбург, 2002. – 46 с.
12. *Шапанов В.П.* Марксистский метод восхождения от абстрактного к конкретному в исследовании права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – М., 1976. – 22 с.
13. *Явич Л.С.* К вопросу о методологии юридической науки // Советское государство и право. – 1963. – № 5. – С. 71–79.

References

1. *Apol'skij E.A.* Gosudarstvenno-pravovye ucheniya XIX – nachala XX v. v Rossii: vzglyad na metodologiyu razrabotki i prakticheskuyu primenimost' // Zhurnal rossijskogo prava. – 2018. – № 2 (254). – S. 18–26.
2. *Apol'skij E.A., Mordovcev A.Yu.* Grazhdansko-pravovye ucheniya v dissertacionnyh issledovaniyah universitetov Rossijskoj imperii: monografiya. – M.: Yurlitinform, 2017. – 184 s.
3. *Asknazij S.I.* Nekotorye voprosy metodologii sovetskogo grazhdanskogo prava // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1940. – № 8–9. – S. 73–90.
4. *Vasil'ev A.M.* Kategorii teorii prava (k razrabotke ponyatijnoj sistemy): avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk: 12.00.01. – M., 1975. – 41 s.
5. *Goncov N.I.* O dialektike logicheskogo i istoricheskogo v teorii prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk: 12.00.01. – M., 1980. – 20 s.
6. *Kazimirchuk V.P.* Problemy metodologii v teorii sovetskogo prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk. – M., 1964. – 20 s.

7. *Keček'yan S.F.* Metodologicheskie voprosy istorii politicheskikh uchenij // Voprosy filosofii. – 1962. – № 2. – S. 86–98.
8. *Piontkovskij A.A.* K metodologii izucheniya dejstvuyushchego prava // Uchenye zapiski. Uchenye zapiski VIYUN. – 1946. – Вып. 6. – S. 17–59.
9. *Syryh V.M.* Metod pravovoj nauki: struktura metodov teoreticheskogo poznaniya gosudarstva i prava: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. – M., 1982. – 33 s.
10. *Syryh V.M.* Struktura, genezis, sistema kak elementy istoricheskogo i logicheskogo metodov poznaniya prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.00. – M., 1970. – 16 s.
11. *Tarasov N.N.* Metodologicheskie problemy sovremennogo pravovedeniya: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. – Ekaterinburg, 2002. – 46 s.
12. *Shapanov V.P.* Marksistskij metod voskhozhdeniya ot abstraktnogo k konkretnomu v issledovanii prava: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – M., 1976. – 22 s.
13. *Yavich L.S.* K voprosu o metodologii yuridicheskoy nauki // Sovetskoe gosudarstvo i pravo. – 1963. – № 5. – S. 71–79.

УДК 342.41:323.2

РЕФОРМА КОНСТИТУЦИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В 2020 ГОДУ: ВОЗВРАЩЕНИЕ КОНСТИТУЦИОНАЛИЗМА НА НАЦИОНАЛЬНЫЙ МАРШРУТ¹

Бабурин Сергей Николаевич,

*д-р юрид. наук, профессор, научный руководитель Центра интеграционных и цивилизационных исследований; профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

*Институт государства и права РАН, г. Москва,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва*

В статье рассмотрены системные цивилизационные недостатки Конституции РФ 1993 года и обоснована актуальность и значимость конституционной реформы 2020 года, возвращение в текст Конституции традиционных духовно-нравственных ценностей российского общества, наполнение реальным содержанием социального характера современного Российского государства. Аргументируется необходимость возвращения России через конституционные новации на свой цивилизационный маршрут развития, предполагающий традиционный характер духовно-нравственных ценностей и единство вокруг православного духовного стержня общества всех авраамических и иных традиционных религий.

Ключевые слова: государство, Конституция, национальный путь развития, духовно-нравственные ценности, конституционная реформа, идеология конституционализма

REFORM OF THE CONSTITUTION OF THE RUSSIAN FEDERATION IN 2020: THE RETURN OF CONSTITUTIONALISM TO THE NATIONAL ROUTE

Baburin S.N.,

*doctor of law, professor, scientific director of the Center for integration and civilization studies;
professor, distinguished fellow of science of the Russian Federation,
e-mail: 1357343@mail.ru,*

*Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow,
Witte Moscow University, Moscow*

The article examines the systemic civilizational shortcomings of the 1993 Russian Constitution and substantiates the relevance and significance of the constitutional reform of 2020, the return to the text of the constitution of traditional spiritual and moral values of Russian society, filling with real content of the social character of the modern Russian state. The need to return Russia through constitutional innovations to its civilizational route of development, suggesting the traditional nature of spiritual and moral values and unity around the Orthodox spiritual core of society of all Abrahamic and other traditional religions.

Keywords: state, constitution, national development path, spiritual and moral values, constitutional reform, ideology of constitutionalism

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-13-17

В начале о самом земном. Пособие по безработице – 730 долларов США в месяц. Зарплата, например, медсестры – 1000 \$ в месяц. Дар государства новобрачным на покупку квартиры 64 000 \$, пособие на каждого новорожденного 7000 \$. Единовременная материальная помощь государства на открытие личного бизнеса 20 000 \$. Образование и любая медицина бесплатны, образование и стажировка за рубежом – за счет государства. За подделку лекарств – смертная казнь. Квартирная плата

¹ Статья выполнена на основе доклада автора на V Общероссийском юридическом форуме «Конституция 2020: эволюция публичной власти». Уфа, 4 декабря 2020 г.

и плата за электроэнергию отсутствуют. Кредиты на покупку автомобиля и квартиры без процентов. Литр бензина стоит 14 центов. За 40 лет численность населения выросла в 3 раза [9].

Это, к сожалению, не Россия, но и не фантастика. Это Ливия при Муаммаре Каддафи, когда она как государство шла своим национальным маршрутом развития. Ныне ничего из перечисленного уже нет. После агрессии США и их сателлитов в сегодняшней в Ливии западная демократия и гражданская война. Стоимость литра бензина порой доходит до 5 долларов США.

Цитата из 2011 года: «Я должен удерживать свою позицию, и, если Аллах пожелает, я отдам жизнь за этот путь – путь, который обогатил нашу страну плодородной землёй, принёс народу здоровье и пищу и даже позволил нам помогать нашим африканским и арабским братьям и сёстрам работать с нами здесь, в Ливийской Джамахирии. Я не хочу умирать, но если это необходимо ради спасения этой страны, моего народа, тысяч моих детей, то так тому и быть. Пусть это завещание будет моим посланием миру, свидетельством, что я сопротивлялся атакам натовских крестоносцев, противостоял жестокости, предательству, выстаивал перед натиском Запада и его колониальных амбиций» [16]. Это слова из политического завещания М. Каддафи, сделанного незадолго до злодейского убийства ливийского руководителя.

В России своя история столкновения с западными «благотельями», то с крестоносцами, как при Александре Невском, то с поставщиками гуманитарной помощи, как при Горбачеве. В 1993 году эти «благотельи» подтолкнули Ельцина к государственному перевороту, расстрелу в Москве российского Дома Советов и прекращению развития России путём опоры на свои культурно-национальные традиции.

Почему с особым трепетом и уважением я бываю в Башкирии? Вечер 4 октября 1993 года мне довелось встречать в тюремной камере, куда попал, будучи Председателем Комитета Верховного Совета РФ по судебной реформе и работе правоохранительных органов. Что говорить – тюрьма спасла мне жизнь. Но в то время, когда губернатор, например, моей родной Омской области услужливо вёз в Москву Омский ОМОН для защиты Ельцина и его порочной политики, ярким и единственным исключением стал поступок тогдашнего главы Республики Башкортостан, который отправил в столицу свой самолет, собрал отовсюду избитых и униженных народных депутатов, избранных от Башкирии, и вывез их на родину, укрывая от бессудной расправы. Этот башкирский нравственный пример навеки в моём сердце.

Конституция РФ 1993 года вобрала в себя многие важные и ценные нормы, родившиеся в предшествующий ей период, но многие её новшества граничат с национальной капитуляцией, они стали препятствием, которое не позволяет многонациональному народу России стряхнуть наваждение и встать с колен. Высшей ценностью иезуитски объявлены лишь человек, его права и свободы (ст. 2 Конституции РФ), в то время как существуют и иные, не менее значимые ценности, такие как вера и Отечество, святости и нравственность.

Земля и другие природные ресурсы предоставлены, прежде всего, в частную, и только потом в иные формы собственности (ч. 2 ст. 9). Народам, проживающим на соответствующей территории, земля и ресурсы предоставляются лишь для использования (ч. 1 ст. 9). Идеологическое многообразие основывается в РФ на запрете любой идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 2 ст. 13), что означает уравнивание в Конституции добра и зла. А я уверен, что должны быть обязательны и для общества и для государства почитание стариков, забота о детях, любовь к родине, а ведь это и есть идеология. Идеология патриотизма. А с ней уравнивают идеологию продажности и беспринципности.

Есть и иные статьи действующей Конституции, которые не позволяют России излечить свою душу и тело. Именно поэтому следовало поддержать конституционную реформу 2020 года как начало возвращения нашего государственного развития на национальный маршрут. Конституционализм любого государства не только фиксирует основы государственного устройства и управления, он отражает уже имеющийся национальный опыт и закрепляет преемственность культурно-исторического развития, цивилизационные особенности [См., напр.: 1, с. 448–452; 12, с. 380–391; см. также: 11, с. 9–92].

Россия традиционно строится как цивилизационный союз народов – равноправное единство славянских, тюркских, финно-угорских, кавказских и иных племён, что возможно лишь на федеративных началах, либо в форме союзного государства. Только все вместе они создают многонациональный народ или, как определил Президент РФ В.В. Путин в своём Указе № 703 от 6 декабря 2018 года, российскую нацию [15].

Реформа 2020 года укрепила в Конституции традиционную систему духовно-нравственных ценностей, положив начало избавлению от её неолиберальной деформации. Верно говорят о новой россий-

ской конституционной политике. Речь идет, например, о нормах ч. 2 и 3 ст. 67.1, о ст. 72 Конституции РФ. Важна характеристика Российской Федерации как государства, объединенного тысячелетней историей, хранящего память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, крайне значимы закрепленные в Конституции преемственность в развитии Российского государства, почитание государством памяти защитников Отечества, обеспечение защиты исторической правды.

Весь многонациональный народ РФ затрагивает наполнение реальным содержанием до того лишь провозглашенной в ст. 7 социальной сущности государства, ныне это ч. 4 ст. 67.1, ст. 75, ст. 75.1.

Историческая Россия имеет, как писал Н.Я. Данилевский, свои индивидуальные черты культурно-исторического типа [4, с. 481], противостоя, как много позже отметил и А.Дж. Тойнби, угрозе подпасть под влияние Западного мира [14, с. 106], а потому принципиально важны конституционное провозглашение преемственности от Советского Союза (ст. 67.1), закрепление культурного единства современной России при одновременной защите самобытности всех народов и этнических общностей РФ; объявление русского языка языком государствообразующего народа при гарантиях сохранения этнокультурного и языкового многообразия (ч. 1 и особенно ч. 4 ст. 68, ч. 2 ст. 69 Конституции). Только такое единство способно сделать государство сильным [См.: 7, с. 5–8, 78–93].

Именно в этом, хотя и не только в этом, смысл возвращения России на собственный цивилизационный путь развития, роль конституционной реформы даже при пока ещё оставшихся неизменными губительных нормах 1 главы Конституции РФ.

Закономерности национально ориентированного пути развития просты: кризис духовно-нравственных основ жизни с неизбежностью обрекает общество на социально-политические потрясения, приводит к разрыву преемственности в процессе конституционализма; конституционализм даже в революционной ситуации строится на культурно-историческом опыте национальной истории; духовность общества имеет культурно-исторический характер и строится в России на православной духовной традиции [См.: 3, с. 202–213]. По своей основе русская православная традиция общества наднациональна и не ориентирована только на одну конфессию, она гармонично соединяет в качестве опоры государства духовно-нравственные ценности всех авраамических и иных, традиционных для России религий. Не случайно ислам со времен Императрицы Екатерины II Великой был в России фактически второй государственной религией.

Святейший патриарх Московский и всея Руси Кирилл не случайно недавно напомнил, что «слепое перенесение на русскую почву чуждых мировоззренческих моделей и политических образцов, без учета национальной специфики и духовно-нравственного контекста, нередко, а лучше сказать, что почти всегда приводило к масштабным потрясениям и трагедиям» [8]. Усиленно насаждаемый на русской почве уже второе столетие европейский либерализм, с его циничным потребительством и забвением Божественного предназначения человека, убивает в каждом из народов нашей РФ не только национальное, но и истинно человеческое.

Чего стоит, например, отказ Запада от традиционных семейных ценностей, замена их ювенальной юстицией, отказ от сакральности отношений между мужчиной и женщиной с переходом к культу однополого сожителства. Между тем, как очень точно сказал в одной из своих проповедей наш выдающийся современник Верховный муфтий Талгат хазрат Таджуддин, от того, «в каком духовно-нравственном состоянии семья, сколько любви и ласки, доброты и сердечного отношения получил ребёнок, зависит во многом состояние общества и государства, их прогресс, развитие и процветание» [10].

Главную мировоззренческую ущербность не только Запада, но и в целом идеологии гуманизма выделил при толковании суры «Открывающая» выдающийся государственный деятель XX века, духовный лидер Исламской революции в Иране имам Р. Хомейни: «Все бедствия, от которых страдает человек, вытекают из его любви к себе, но если бы он воспринимал истинную причину, он бы понял, что его “я” не принадлежит ему. Следовательно, истинная любовь к себе – это любовь к остальным, но это было ошибочно принято за любовь к себе. Эта ошибка разрушает человека; все бедствия, от которых мы страдаем, возникают от этой ошибочной любви к себе и стремлению к её возвышению. Это желание ведёт людей к смерти и разрушению; оно приводит их к Адскому Огню, и это есть источник всякого греха. Когда человек сосредотачивает своё внимание на себе и всём желаемом для себя, он становится врагом любого, кто стоит на его пути, он не оставляет другим никаких прав. Это и есть источник всех наших бед» [5, с. 102, 103; см. также: 13, с. 73–82].

Конечно, поправкой к Конституции РФ в 2020 году неимоверно расширены полномочия Президента, изменился статус судебной власти, Парламент ослаблен. Дай Бог, пошли бы эти перемены на пользу! И не надо жалеть нынешний Парламент, ведь он безропотно и даже с энтузиазмом пошел на сокращение своих контрольных функций. Государственная Дума РФ вообще, на мой взгляд, перестала быть органом народного представительства, занимается только гонениями на автомобилистов и курильщиков, изменением часовых поясов или времени продажи алкогольных напитков. Вместо создания новых рабочих мест она изобретает новые налоги и штрафы. Видимо, других проблем в обществе для сегодняшней Думы нет. Необходимо, чтобы депутаты следующего созыва вернули народу настоящий парламент.

Но для верной оценки конституционной реформы 2020 года следует видеть и другое. Дважды за минувшее столетие русскую цивилизацию толкнули в сторону небытия, разрушили её государственную форму, вначале Российскую империю, потом Советский Союз, под угрозой оказался сам её духовно-нравственный стержень. Способствовали тому как духовная нищета и политическая бездарность верхов, так и нравственная слепота низов. Лишь конституционная реформа 2020 года начала возвращение РФ на национальный маршрут самостоятельного развития.

Идеология дальнейшего конституционного строительства России выражена в проповеди глубокоуважаемого не только в Республике Башкортостан, но и во всей России Шейха-уль-Ислама Талгата Сафа Таджуддина: «Родина! Дал нам Господь Щедрейший огромную, необъятную и благословенную Родину! Вместе с ней и в ней нам, нашим детям и внукам и грядущим поколениям, даст Бог, расти и жить. Преумножаться, растить детей и внуков, лелеять их, любить и учить жить, по-Божески, то есть угодными Богу и людям помыслами и делами. Не только верить, но и любить Бога и Отчизну – гордиться ею и беречь, как зеницу ока. Одна она у нас, Родина-матушка. И едина, Слава Богу!» [10].

Но помимо упрочения и даже самого признания необходимости патриотической идеологии российского конституционализма, работы по реконструкции Российской Федерации на духовно-нравственных началах ещё непочатый край. С закрепления конституционных новаций в действующем законодательстве надо начинать, но и с коренной конституционной реформой, которая должна Россию избавить от неолиберального духовного отравления и через интеграционный конституционализм воссоздать единую страну [См.: 2; 6], тоже нельзя тянуть.

Список литературы

1. *Авакьян С.А.* Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения // Размышления конституционалиста: избранные статьи. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2010. – С. 446–465.
2. *Бабурин С.Н.* Интеграционный конституционализм. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. – 264 с.
3. *Бабурин С.Н.* Нравственное государство. Русский взгляд на ценности конституционализма. – М.: Норма, 2020. – 536 с.
4. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. – М.: Книга, 1991. – 576 с.
5. *Имам Хомейни.* Толкование суры «Открывающая» / пер. с перс. К.Х. Идрисова. – М.: Научная книга, 2012. – 152 с.
6. Интернационализация конституционного права: современные тенденции: монография / под ред. Н.В. Варламовой и Т.А. Васильевой. – М.: ИГП РАН, 2017. – 224 с.
7. *Керимов А.Д., Куксин И.Н.* Сильное государство как определяющий фактор общественного развития. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. – 96 с.
8. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Выступление на XX Всемирном Русском Народном Соборе, 1 ноября 2016 года [Электронный ресурс] // Сайт Всемирного Русского Народного Собора. – URL: <http://www.vrns.ru/news/4234> (дата обращения: 07.11.2020).
9. При Каддафи в Ливии [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bear197.whotrades.com/blog/43803614699> (дата обращения: 01.12.2020).
10. Проповедь Шейха-уль-Ислама Талгата Сафа Таджуддина, посвященная «Курбан-Байрам» [Электронный ресурс] // Сайт ЦДУМР. – URL: <http://www.cdum.ru/news/44/8803> (дата обращения: 29.11.2020).
11. *Савенков А.Н.* Философия права, правовое мышление и глобальные проблемы современной цивилизации // Трансформация парадигмы права в цивилизационном развитии человечества: доклады членов РАН / под общ. ред. чл.-корр. РАН А.Н. Савенкова. – М.: ИГП РАН, 2019. – С. 9–92.

12. Саликов М.С. Дефекты в конституционном праве и федеративном строительстве // Пробелы и дефекты в конституционном праве и пути их устранения: материалы Международной научной конференции (г. Москва, 28–31 марта 2007 г.) / под ред. С.А. Авакьяна. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2008. – С. 380–391.
13. Современное государство в эпоху глобальных трансформаций: аналитический доклад / И.М. Рагимов, С.Н. Бабурин, Ю.В. Голик [и др.]. – СПб.: Юридический центр-Академия, 2019. – 344 с.
14. Тойнби А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник: пер. с англ. – М.: Прогресс – Культура; СПб.: Ювента, 1996. – 480 с.
15. Указ Президента РФ от 6 декабря 2018 г. № 703 «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 г. № 1666» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.garant/hotlaw/federal/1232406.html> (дата обращения: 29.11.2020).
16. Я пытался оградить людей от колониального засилья. Завещание Муаммара Каддафи [Электронный ресурс] // Сайт КПРФ. – URL: <http://www.kprf.ru/international/98211.html> (дата обращения: 29.11.2020).

References

1. Avak'yan S.A. Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya // Razmyshleniya konstitucionalista: izbrannye stat'i. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2010. – S. 446–465.
2. Baburin S.N. Integracionnyj konstitucionalizm. – М.: Norma: INFRA-M, 2020. – 264 s.
3. Baburin S.N. Nравstvennoe gosudarstvo. Russkij vzglyad na cennosti konstitucionalizma. – М.: Norma, 2020. – 536 s.
4. Danilevskij N.Ya. Rossiya i Evropa. – М.: Kniga, 1991. – 576 s.
5. Imam Homejni. Tolkovanie sury «Otkryvayushchaya» / per. s pers. K.H. Idrisova. – М.: Nauchnaya kniga, 2012. – 152 s.
6. Internacionalizaciya konstitucionnogo prava: sovremennye tendencii: monografiya / pod red. N.V. Varlamovoj i T.A. Vasil'evoj. – М.: IGP RAN, 2017. – 224 s.
7. Kerimov A.D., Kuksin I.N. Sil'noe gosudarstvo kak opredelyayushchij faktor obshchestvennogo razvitiya. – М.: Norma: INFRA-M, 2017. – 96 s.
8. Kirill, Patriarh Moskovskij i vseya Rusi. Vystuplenie na HKH Vsemirnom Russkom Narodnom Sobore, 1 noyabrya 2016 goda [Elektronnyj resurs] // Sajt Vsemirnogo Russkogo Narodnogo Sobora. – URL: <http://www.vrns.ru/news/4234> (data obrashcheniya: 07.11.2020).
9. Pri Kaddafi v Livii [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.bear197.whotrades.com/blog/43803614699> (data obrashcheniya: 01.12.2020).
10. Propoved' Shejh-ul'-Islama Talgata Safa Tadzhuiddina, posvyashchennaya «Kurban-Bajram» [Elektronnyj resurs] // Sajt CDUMR. – URL: <http://www.cdum.ru/news/44/8803> (data obrashcheniya: 29.11.2020).
11. Savenkov A.N. Filosofiya prava, pravovoe myshlenie i global'nye problemy sovremennoj civilizacii // Transformaciya paradigmy prava v civilizacionnom razvitii chelovechestva: doklady chlenov RAN / pod obshch. red. chl.-korr. RAN A.N. Savenkova. – М.: IGP RAN, 2019. – S. 9–92.
12. Salikov M.S. Defekty v konstitucionnom prave i federativnom stroitel'stve // Probely i defekty v konstitucionnom prave i puti ih ustraneniya: materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (g. Moskva, 28–31 marta 2007 g.) / pod red. S.A. Avak'yana. – М.: Izd-vo Mosk. un-ta, 2008. – S. 380–391.
13. Sovremennoe gosudarstvo v epohu global'nyh transformacij: analiticheskij doklad / I.M. Ragimov, S.N. Baburin, Yu.V. Golik [i dr.]. – SPb.: Yuridicheskij centr-Akademiya, 2019. – 344 s.
14. Tojnbi A.Dzh. Civilizaciya pered sudom istorii: sbornik: per. s angl. – М.: Progress – Kul'tura; SPb.: Yuventa, 1996. – 480 s.
15. Ukaz Prezidenta RF ot 6 dekabrya 2018 g. № 703 «O vnesenii izmenenij v Strategiyu gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda, utverzhdenuyu Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 dekabrya 2012 g. № 1666» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.garant/hotlaw/federal/1232406.html> (data obrashcheniya: 29.11.2020).
16. Ya pytalsya ogradit' lyudej ot kolonial'nogo zasil'ya. Zaveshchanie Muammara Kaddafi [Elektronnyj resurs] // Sajt KPRF. – URL: <http://www.kprf.ru/international/98211.html> (data obrashcheniya: 29.11.2020).

УДК 340.154

О ФОРМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УСТРОЙСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В 1907–1914 ГОДАХ

Видова Татьяна Александровна,

канд. ист. наук, заместитель заведующего кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани,

Головастова Юлия Александровна,

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой правовых и гуманитарных дисциплин,

e-mail: ugolovastova@yandex.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте», филиал в г. Рязани

В статье рассматриваются основные аспекты государственного устройства Российской империи после революции 1905–1907 годов и до 1917 года. Цель авторов заключается в том, чтобы проанализировать политические предпосылки оформления особой формы государственного устройства России, получившей в исторической литературе название «третьеиюньская монархия». Данная тема является актуальной в условиях необходимости сохранения политической стабильности в государстве и обществе. Авторы освещают основные положения Манифеста 17 октября 1905 года и избирательного закона от 3 июня 1907 года. Поднимается дискуссионный вопрос о правомерности внесения изменений в государственные законы в 1907 году, дается авторская оценка данных действий. Особое внимание уделено историческим последствиям «третьеиюньского переворота». В качестве основных результатов авторы формулируют характерные черты парламентаризма Российской империи после 1907 года. Делается вывод о закономерном нарастании внутривнутриполитического кризиса в стране, истоки которого лежат в событиях 3 июня 1907 года.

Ключевые слова: абсолютная монархия, русская революция 1905–1907 годов, Государственная Дума, «третьеиюньский государственный переворот», конституционная монархия, «третьеиюньская монархия»

ON THE FORM OF GOVERNMENT OF THE RUSSIAN EMPIRE IN 1907–1914

Vidova T.A.,

candidate of historical sciences, deputy head of the board of legal and liberal disciplines,

e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Ryazan,

Golovastova Yu.A.,

doctor of law, assistant professor, head of the board of legal and liberal disciplines,

e-mail: ugolovastova@yandex.ru,

Moscow Witte University, a branch in the city of Ryazan

The article examines the main aspects of the state structure of the Russian Empire after the revolution of 1905–1907 and before 1917. The goal of the authors is to analyze the political prerequisites for the formation of a special form of state structure in Russia, which received the name “the Third-June monarchy” in the historical literature. This topic is relevant in the context of the need to maintain political stability in the state and society. The authors cover the main provisions of the Manifesto of October 17, 1905 and the electoral law of June 3, 1907. The controversial issue of the legality of making changes to state laws in 1907 is raised, the author’s assessment of these actions is given. Special attention is paid to the historical consequences of the “June third coup”. As the main results, the authors formulate the characteristic features of the parliamentarism of the Russian Empire after 1907. The conclusion is made about a natural increase in the internal political crisis in the country, the origins of which lie in the events of June 3, 1907.

Keywords: absolute monarchy, revolution of 1905–1907, State Duma, “third June coup d’état”, constitutional monarchy, “the Third-June monarchy”

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-18-23

Введение

Вопрос сохранения политической стабильности в условиях кризисных явлений политического, социально-экономического или национального характера в настоящее время является одним из наиболее острых. В связи с этим представляется оправданным обращение к историческим событиям прошлого, анализ которых дает возможность оценить последствия деятельности власти и общества по преодолению внутреннего кризиса. Особенно ценным в этом плане является период российской истории начала XX века, когда абсолютная монархия стремилась сохранить свое существование перед лицом революции. Противоречивое движение к конституционной форме правления, конфликты между законодательной, исполнительной властью и обществом привели к установлению особой формы правления – «третьеиюньской монархии», которая, не отличаясь жизнеспособностью, ввергла страну в многолетний хаос в 1917 году.

Данная работа ставит целью провести анализ событий, предшествовавших возникновению феномена «третьеиюньская монархия», установить ее характерные черты и выявить последствия ее функционирования.

Указанная цель предполагает решение следующих задач:

- 1) выявить политические предпосылки возникновения «третьеиюньской монархии»;
- 2) проанализировать, насколько оправданно применение термина «третьеиюньский государственный переворот»;
- 3) выявить значение событий 3 июня 1907 года;
- 4) раскрыть политическую деятельность власти после 1907 года;
- 5) проследить исторические последствия существования третьеиюньской политической системы.

Начало русской революции 1905–1907 годов

В начале XX века Россия оказалась в глубоком внутривнутриполитическом кризисе. Противоречия бурного развития капитализма, нерешенный крестьянский вопрос, экономическое противостояние с ведущими европейскими странами, тягостная русско-японская война и рост национальных противоречий настоятельно требовали от верховной власти проведения решительных мер. Однако недалеконевидная политика Николая II, пренебрежение советами прогрессивных государственных деятелей и зачастую пассивность в принятии решений вынудила к активным действиям общественные силы страны.

Первая русская революция началась 9 января 1905 года, продолжалась около полутора лет и стремилась к свержению самодержавия, введению демократических свобод, решению крестьянского и рабочего вопросов. Правящие круги сделали ставку на репрессии, что не дало результатов. По словам С.Ю. Витте, к осени 1905 года вся Россия находилась «в полном волнении... авторитет действующего режима и его верховного носителя был совершенно затоптан. Смута увеличивалась не по дням, а по часам, революция все грознее и грознее выскакивала на улицу, она завлекала все классы населения» [2, т. 1, с. 352].

Попытка правительства найти компромисс выразилась в принятии 6 августа 1905 года Высочайшего манифеста об учреждении Государственной Думы. Согласно этому документу, Дума создавалась как «особое законосовещательное установление, коему предоставляется предварительная разработка и обсуждение законодательных предположений и рассмотрение росписи государственных доходов и расходов» [3, т. 25, с. 637, 638]. Статус нового учреждения должен был значительно ниже Государственного совета. Таким образом, правительство, формально вводя Государственную Думу, фактически пыталось сохранить самодержавную власть.

Выборы в Государственную Думу предполагались на основе следующих принципов: не всеобщие (избирательными правами не наделялись рабочие, женщины, военнослужащие, учащиеся); сословные (избиратели делились на курии по принадлежности к сословиям – землевладельческая, городская, крестьянская); непрямые (двухступенчатые – для помещиков и буржуазии, четырехступенчатые – для крестьян).

Идея правительства не получила поддержки в обществе. Наиболее непримиримую точку зрения выразил лидер большевиков В.И. Ленин, который назвал Думу «самым наглым издевательством над

“народным представительством”» [7, т. 11, с. 182] и призвал к ее бойкоту. В октябре 1905 года состоялась всероссийская политическая стачка, в которой приняло участие более 2 млн человек, выдвигавших как экономические, так и политические требования.

Манифест 17 октября 1905 года и учреждение законодательной Государственной Думы

Под давлением Октябрьской политической стачки и требований ряда государственных деятелей (в частности, С.Ю. Витте) об уступках Николай II подписал 17 октября 1905 года «Манифест об усовершенствовании государственного порядка». Этот документ имел серьезное политическое значение. В соответствии с ним Российская империя из самодержавной монархии превращалась в монархию конституционную: он провозглашал создание законодательной Государственной Думы, наделение населения политическими правами и свободами, в том числе расширение избирательных прав граждан [8, т. 9, с. 41].

В разгар Московского вооруженного восстания был принят Указ об изменении положения в выборах в Государственную Думу, по сравнению с августовским указом. В нем была сохранена старая система курий, однако к ранее существовавшим земледельческой, городской и крестьянской куриям добавилась рабочая курия, а также несколько расширился состав избирателей по городской курии. Выборы по-прежнему предполагались не всеобщими (исключались женщины, молодежь до 25 лет, рабочие малых предприятий; военнотружущие действительной службы, ряд национальных меньшинств); не прямыми (двухступенчатые – для помещиков и буржуазии, трехступенчатые – для рабочих, четырехступенчатые – для крестьян); не равными (1 голос землевладельца равнялся 3 голосам буржуазии, 15 голосам крестьян, 45 голосам рабочих) [9, с. 310–314].

Подписание Манифеста 17 октября и издание нового закона о выборах позволило снизить накал политической борьбы, поскольку активность значительной части общества (в первую очередь, представителей либералов и умеренно правых сил) переместилась в «законопослушную» область – создание политических партий, подготовка к выборам в Государственную Думу.

Однако дальнейшие действия верховной власти не способствовали окончательному разрешению конфликта с обществом. 20 февраля 1906 года было принято «Учреждение Государственной Думы» – документ, определявший порядок ее работы. По этому учреждению, Государственная Дума, избираемая на 5 лет, становилась нижней палатой двухпалатного парламента. Верхней палатой становился Государственный совет, который также получил законодательные права и право «вето» на решения Думы. Для принятия закона требовалось его одобрение большинством голосов в Думе и Государственном совете, а затем – подписание императором.

Полномочия образованного парламента были ограниченными: из их ведения исключались вопросы, касающиеся военного министерства, министерства иностранных дел и министерства двора. Новый орган утверждал бюджет, но не мог вмешиваться и в дело назначения министров, являвшееся прерогативой императора. Монарх обладал правом досрочного роспуска Государственной Думы и приостановления деятельности Государственного совета [10, с. 314, 315].

26 апреля 1906 года была опубликована новая редакция «Основных государственных законов» Российской империи. Они закрепили положения о статусе законодательного органа Российской империи, что отразило эволюцию самодержавия в сторону буржуазной монархии. Однако император сохранил монопольное право утверждать одобренные Думой законы, самостоятельно принимать законы, в том числе в межсессионный период; мог направлять бюджетные средства страны на чрезвычайные, военные расходы и займы; вводить военное или чрезвычайное положение, отменявшее гражданские права населения. Таким образом, императорская власть – верховное управление страной, назначение и смещение правительства, ответственного только перед императором, – фактически укреплялась.

Отдельного внимания заслуживает 87-я статья «Основных государственных законов». Статья предоставляла императору право во время перерыва в работе Думы издавать указы, имеющие силу закона. Царь не мог вносить изменения в Основные законы, учреждения Госсовета и Думы, избирательное законодательство. Указ терял силу, если он не был внесен в Думу через два месяца после возобновления ее работы или если он был отвергнут Думой или Государственным советом. Тем не менее,

эта статья подготовила плацдарм для проведения в жизнь ряда серьезных законов без одобрения в Государственной Думе. В частности, П.А. Столыпин «создал целое законодательство, основанное на этой 87 статье» [2, т. 3, с. 341].

Неудивительно, что деятельность нового законодательного учреждения не стала эффективной. Ни I Государственная Дума (по составу почти наполовину либеральная), ни II Государственная Дума (почти половина состава представлена левыми партиями) не стремились к конструктивному решению наиболее острых вопросов, сделав Думу трибуной для выражения своих политических воззрений и критики правительства.

Со своей стороны, царь и министры не были настроены бороться с враждебностью Думы. Опираясь на статью 87 Основных законов, власть проводила нужные ей мероприятия без участия депутатов. Таким, например, стал указ от 9 ноября 1906 года «О дополнении некоторых постановлений действующего закона, касающегося крестьянского землевладения и землепользования». Содержащиеся в нем положения составили основу столыпинской реформы.

Третьеиюньский государственный переворот и его оценка

Невозможность эффективного взаимодействия Государственной Думы и правительства обусловила недолгое существование как I Думы (была распущена через 72 дня после начала работы), так и II Думы (проработала 102 дня). Однако власти пришли к выводу о необходимости не просто роспуска старой Думы и созыва новой, а изменения самого политического механизма. Проблема состояла в том, что, согласно «Основным государственным законам», император не имел права изменять избирательный закон без согласия Государственной Думы, но тогда новая Дума вряд ли отличалась бы от предыдущей. Николай II все же решил выйти из сложившегося конституционного кризиса путем одновременного роспуска II Думы и изменения избирательного закона.

Под предлогом встречи депутатов от фракции социал-демократов с солдатами петербургского гарнизона думцам было предъявлено обвинение в заговоре против власти. Многих из них отстранили от участия в заседаниях Думы. В ответ Дума учредила свою комиссию, решение которой должно было появиться 4 июня 1907 года. Но, не дожидаясь его, 3 июня император распустил Думу [4, с. 328–330]. Тогда же был опубликован новый избирательный закон.

Избирательный закон от 3 июня 1907 года наделял правом голоса всех, но при этом разделял население на 4 курии (категории): землевладельцы (помещики, дворяне и другие привилегированные слои населения); городские обыватели (дополнительно делились на 2 курии, разделяя крупных и мелких собственников); крестьянскую и рабочую. Сильно возросла «неравномерность» выборов: 1 голос помещика равнялся 4 голосам крупной буржуазии, 68 голосам городских обывателей, 260 голосам крестьян, 543 голосам рабочих. Было значительно сокращено представительство Польши и Кавказа. Представители Средней Азии к выборам не допускались.

События 3 июня 1907 года получили в исторической литературе название «третьеиюньского государственного переворота», в связи с тем, что Николай II, изменив избирательное законодательство, нарушил «Основные государственные законы». С.Ю. Витте в своих «Воспоминаниях» отмечал: «Переворот этот по существу заключался в том, что новый выборный закон исключил из Думы народный голос, т.е. голос масс и их представителей, а дал только голос сильным и послушным: дворянству, чиновничеству и частью послушному купечеству и промышленникам» [2, т. 3, с. 397]. Однако, даже понимая это, оппозиция не имела сил и желания продолжать борьбу. Роспуск II Государственной Думы и новый избирательный закон были восприняты населением практически равнодушно. В итоге дата 3 июня 1907 года стала считаться окончанием первой русской революции 1905–1907 годов.

В то же время следует отметить, что конституционные основы государства не были подорваны, парламент и политические партии не были ликвидированы [6, с. 33–37]. Власть просто создала себе более благоприятные условия для функционирования, приняв закон, в результате действия которого в Думе образовалось бы большинство, способное к законодательной работе и диалогу с властью, а не политической борьбе. Это ей удалось.

Политическое развитие Российской империи после 1907 года

Состав III Государственной Думы, избранной по новому избирательному закону, полностью устраивал царя и правительство. Он включал: монархистов (33 %), октябристов (34 %), кадетов (12 %), прогрессистов (6 %), национальные партии (5 %). В результате III Государственная Дума проработала полный срок – с 1907 по 1912 год. В нее было внесено более 2,5 тысячи законопроектов, из них 2197 были утверждены царем и стали законами. Таким образом, если судить по формальному признаку, можно говорить о конструктивной работе законодательной и исполнительной ветвей власти, о превращении Думы в серьезный фактор общественно-политической жизни.

Однако беда высшей власти того времени заключалась в том, что, ориентируясь на «внешнее» благополучие, она забыла о благополучии «внутреннем»: принимаемые законы были по большей части реакционными, а действительно серьезные преобразования не получили воплощения в жизнь. В частности, во главу угла были поставлены попытки укрепить власть, предотвратить последующие революции путем репрессий, ужесточить национальную, особенно антиеврейскую политику, создать благоприятствующие условия иностранным государствам и предпринимателям в экономике.

Проводя имперскую политику, III Государственная Дума все более стала превращаться в реакционный фактор. «Противостояние центра и окраин под давлением самодержавной власти разрешалось в пользу центра, однако приводило к катастрофическому углублению конфликта и кризиса сразу в нескольких политических направлениях: власть – общество, центр – регионы, Дума – правительство, русские – инородцы, православные – иноверцы, коренные жители – переселенцы» [5, с. 13].

В то же время многие проблемы страны, требующие настоятельного разрешения, не воспринимались серьезно на государственном уровне. Идея реформ зависела от личностного фактора. Их движущей силой был премьер-министр П.А. Столыпин. Однако конфронтация П.А. Столыпина с Государственным советом, противоречие целей и методов реализации реформ обусловили неудачу всех его начинаний. Гибель П.А. Столыпина привела к дезорганизации высшего управления империей. Николай II не смог ни самостоятельно, ни через какого-либо одаренного государственного деятеля восполнить пробел в реформаторстве, и Российская империя стала неудержимо скатываться в пропасть. Во внутренней политике победу одержали представители консервативных воззрений, носителей феодально-монархических ценностей и стереотипов [1, с. 102].

Это наглядно проявилось в деятельности IV Государственной Думы, работавшей с 1912 по 1917 год. Ее состав также устраивал правительство: октябристы (22 %), националисты и умеренно правые (20 %), правые (15 %), кадеты (12 %), прогрессисты (11 %), левые (5 %). Однако ни законодательная, ни исполнительная, ни верховная власть, стремясь законсервировать политическое устройство страны, не смогли сохранить экономическую независимость России, не предотвратили втягивание ее в крупнейший военный конфликт, не решили насущные социальные проблемы, и, в конечном счете, преопределили потрясение основ государственного устройства в 1917 году.

Заключение

История России начала XX века показывает, что необходимыми факторами устойчивого развития государства и общества являются сформированность правовой культуры граждан, готовность власти делегировать полномочия населению, умение достигать политического компромисса, содействие государства в формировании гражданского общества. Отсутствие этих факторов стало причиной начала первой русской революции 1905–1907 годов.

Верховная власть стремилась всеми силами сохранить абсолютную монархию и противодействовать демократизации политической системы. Не имея возможности препятствовать самому факту появления законодательного органа, царь и правительство сделали все, чтобы минимизировать вторжение Думы во властные полномочия монарха. В результате, после 3 июня 1907 года характерными чертами политического строя Российской империи были:

- высокая концентрация власти в руках правящей элиты;
- реакционная внутренняя политика;

– отсутствие политической толерантности по отношению к оппозиции.

Можно сделать вывод о нежизнеспособности «третьеиюньской монархии» и закономерном нарастании внутривластного кризиса в стране, истоки которого лежат в событиях 3 июня 1907 года.

Список литературы

1. Видова Т.А., Головастова Ю.А. Третьеиюньская политическая система в России: политические предпосылки и исторические последствия // Евразийский юридический журнал. – 2019. – № 6 (133.) – С. 99–102.
2. *Vitte S.Yu.* Воспоминания: в 3 т. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960.
3. Высочайший манифест об учреждении Государственной Думы // Полное собрание законов Российской империи. Собр. III. Т. XXV. Отд-ние 1-е. – СПб., 1908. – Ст. 26656. – С. 637, 638.
4. Высочайший манифест от 3 июня 1907 г. // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – М.: Просвещение, 1990. – С. 328–330.
5. *Darchieva S.V.* Государственная дума и Кавказское наместничество в 1906–1914 гг. // Вестник Владикавказского научного центра. – 2006. – Т. 6, № 1. – С. 9–13.
6. *Zemcov B.N.* Третьеиюньский переворот // История государства и права. – 2011. – № 14. – С. 33–37.
7. *Lenin V.I.* Единение царя с народом и народа с царем // Полное собрание сочинений. – М., 1967. – Т. 11. – С. 182.
8. Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. Т. 9. Законодательство эпохи буржуазно-демократических революций / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Юридическая литература, 1994. – С. 41.
9. Указ об изменении положения о выборах в Государственной Думу // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – М.: Просвещение, 1990. – С. 310–314.
10. Учреждение Государственной Думы // Хрестоматия по истории СССР. 1861–1917. – М.: Просвещение, 1990. – С. 314, 315.

References

1. *Vidova T.A., Golovastova Yu.A.* Tret'eiyun'skaya politicheskaya sistema v Rossii: politicheskie predposylki i istoricheskie posledstviya // Evrazijskij yuridicheskij zhurnal. – 2019. – № 6 (133.) – S. 99–102.
2. *Vitte S.Yu.* Vospominaniya: v 3 t. – M.: Izd-vo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1960.
3. Vysochajshij manifest ob uchrezhdenii Gosudarstvennoj Dumy // Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobr. III. T. XXV. Otd-nie 1-e. – SPb., 1908. – St. 26656. – S. 637, 638.
4. Vysochajshij manifest ot 3 iyunya 1907 g. // Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917. – M.: Prosveshchenie, 1990. – S. 328–330.
5. *Darchieva S.V.* Gosudarstvennaya дума i Kavkazskoe namestnichestvo v 1906–1914 gg. // Vestnik Vladikavkazskogo nauchnogo centra. – 2006. – T. 6, № 1. – S. 9–13.
6. *Zemcov B.N.* Tret'eiyun'skij perevorot // Istoriya gosudarstva i prava. – 2011. – № 14. – S. 33–37.
7. *Lenin V.I.* Edinenie carya s narodom i naroda s carem // Polnoe sobranie sochinenij. – M., 1967. – T. 11. – S. 182.
8. Rossijskoe zakonodatel'stvo X–XX vv.: v 9 t. T. 9. Zakonodatel'stvo epohi burzhuazno-demokraticeskikh revolyucij / отв. ред. О.И. Чистяков. – М.: Yuridicheskaya literatura, 1994. – S. 41.
9. Ukaz ob izmenenih polozheniya o vyborah v Gosudarstvennoj Dumu // Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917. – M.: Prosveshchenie, 1990. – S. 310–314.
10. Uchrezhdenie Gosudarstvennoj Dumy // Hrestomatiya po istorii SSSR. 1861–1917. – M.: Prosveshchenie, 1990. – S. 314, 315.

УДК 321

ДЕМОКРАТИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРАВОПОРЯДКА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Сауляк Олег Петрович,

д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права,

e-mail: SaulyakOP@mgpu.ru,

Московский городской педагогический университет, г. Москва

В статье анализируются различные аспекты демократии как важнейшего политического фактора, влияющего на облик правопорядка в современной России.

Ключевые слова: демократия, правопорядок, социальное государство, демократические процедуры

DEMOCRACY AS LAW AND ORDER DETERMINANT IN MODERN RUSSIA

Saulyak O.P.,

*doctor of legal sciences, associate professor, professor of department of the theory
and history of state and law,*

e-mail: SaulyakOP@mgpu.ru,

Moscow City Pedagogical University, Moscow

The article analyses various aspects of democracy as the most important political factor affecting the appearance of the rule of law in modern Russia.

Keywords: democracy, the rule of law, social state, democratic procedures

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-24-29

К числу ключевых политико-идеологических факторов, оказывающих заметное воздействие на облик правопорядка, современное правоведение относит демократию. Последняя имеет множество проявлений и рассматривается в научной литературе как элемент сущности государства, особая разновидность формы правления и даже формы государственного устройства, образ жизни народа, принцип формирования и деятельности государственного аппарата и его органов, политических партий и других общественных объединений, важнейшее направление развития государства и всей политической системы общества.

Но чаще всего демократия определяется как политический режим, который характеризуется принадлежностью власти народу, активным участием широких слоев населения в управлении государством, плюрализмом мнений, гласностью, многопартийностью, существованием конструктивной оппозиции, свободными выборами, разделением властей, верховенством закона, всеобщим равенством, надежной охраной прав и свобод личности, наличием высокоавторитетного и независимого суда [18, с. 13]. Даже законность и правопорядок при таком подходе к пониманию сути демократии предлагается анализировать как ее важные структурные элементы [1, с. 429].

Безусловно, многие перечисленные выше явления общественной жизни (свободные выборы, плюрализм мнений и др.) имеют к демократии непосредственное отношение. Тесно связан с ней и правопорядок. Однако подобная взаимосвязь вовсе не является достаточным основанием для того, чтобы рассматривать последний как структурный элемент демократии, которая при такой интерпретации фактически превращается в некую панацею, способную исцелить общество от всех «болезней».

На протяжении почти всего периода радикальных реформ, продолжающихся в нашей стране почти три десятилетия, о демократии (за редким исключением) «отзываются только положительно или не говорят вообще ничего. Это стало своего рода негласным правилом независимо от того, идет ли речь о демократии как таковой или же о «настоящей», «управляемой», «суверенной» или любой иной демокра-

тии» [13, с. 6]. Лишь в последние годы заметно увеличилось число научных работ, выполненных отечественными специалистами, в которых анализируются не только позитивные моменты, но и недостатки демократических институтов, процедур и идеологии [14]. И все же удельный вес таких публикаций в общей массе научных изысканий, посвященных проблематике демократии, по-прежнему невелик. Многие российские исследователи, словно отдавая дань политической моде, традиционно рассматривают демократию как эффективный и к тому же безупречный инструмент социальных преобразований.

В современной отечественной юридической литературе нередко можно встретить суждения о том, что демократия является «необходимым объективным и субъективным условием существования правопорядка» [2, с. 21]. Многие правоведы характеризуют демократию как основную политическую гарантию правопорядка, поскольку «участие народных масс в процессах правотворчества создает необходимые условия для формирования в общественном сознании уважительного отношения к действующему законодательству и заинтересованности в его строгом и неуклонном соблюдении» [4, с. 124]. Широкое распространение в российской юриспруденции получил и другой тезис: «Чем полнее развита демократия, тем благоприятнее условия обеспечения правопорядка» [16, с. 15].

Между тем даже первичный анализ указанных выше положений вызывает очевидные сомнения в их аналитической точности и эмпирической достоверности, порождая при этом массу вопросов. Разве правопорядок существует только в условиях демократии и невозможен в рамках авторитарных или тоталитарных обществ? Какова в условиях демократии степень реального участия населения в правотворческом процессе? Почему в современной России, где демократия развита значительно полнее, чем когда-либо в ее истории, обеспеченность правопорядка, условия его функционирования, включая отношение граждан к закону, вызывают состояние тревоги?

Вопросы эти далеко не риторические и возникают не на пустом месте. Несколько перефразируя известное высказывание Дж. Дьюи, можно утверждать, что человечество сегодня является свидетелем огромного разрыва между фактами политико-правовой жизни и существующими ныне теориями, трактующими природу и характер государств [19, с. 7]. Видимо, рациональный подход к пониманию сути демократии, ее роли в жизни современных государственно-организованных обществ должен базироваться на том, что многие положения демократической доктрины нуждаются в критическом осмыслении. В пользу такого подхода говорит и исторический опыт цивилизации, свидетельствующий, что демократия сама по себе не лишена весьма существенных недостатков, а ее возможности в решении многих социальных задач весьма ограничены. Так, в ушедшем XX веке она не помогла ликвидировать бедность в развивающихся странах, а в развитых странах не смогла остановить углубляющееся социальное неравенство, политическое отчуждение и падение духа гражданственности, нарождающийся индивидуализм и массовое одиночество, рост национализма и регионального сепаратизма.

Каков же в действительности потенциал демократии в части обеспечения эффективного правопорядка в современных социумах? За этим вопросом стоит серьезная научная проблема, детальное исследование которой представляет несомненный интерес для теории и практики государственно-правового строительства. Учитывая существование трех ключевых субстантивных критериев эффективности правопорядка, в рамках указанной проблемы представляется целесообразным выделить и проанализировать три аспекта, которые связаны с оценкой практических возможностей демократии служить интересам становления соответственно легитимного, гармоничного и стабильного правопорядка в общественной жизни.

Сторонники демократии, отстаивая тезис о способности ее идей, институтов и процедур содействовать формированию правопорядка, отвечающего критерию легитимности, свою позицию обычно подкрепляют следующими аргументами:

Аргумент первый. В условиях демократии власть принадлежит народу и реализуется в его интересах [4, с. 124]. Однако это весьма привлекательное утверждение на поверку оказывается не более чем политико-правовой фикцией. Г. Моска отмечал: «Во всех обществах (начиная со слаборазвитых или с трудом достигших основ цивилизации вплоть до наиболее развитых и могущественных) существуют два класса людей – класс правящих и класс управляемых. Первый, всегда менее многочисленный, выполняет все политические функции, монополизирует власть и наслаждается теми преимуществами, которые дает власть, в то время как второй, более многочисленный класс, управляется и контролируется первым в форме, которая в настоящее время более или менее законна, более или менее произвольна и

насильственна и обеспечивает первому классу, по крайней мере, внешне, материальные средства существования и все необходимое для жизнедеятельности политического организма» [15, с. 187].

Существование политической стратификации, обуславливающей разделение общества на меньшинство (элиты, реально обладающую политической властью) и большинство (массы, которые этой власти практически лишены), – непреложный факт. Его научно-практическая достоверность не оспаривается даже апологетами западной демократии. Не отрицается ими и то обстоятельство, что государственная политика, реализуемая правящим меньшинством, не отражает требования «народа» в такой же степени, в какой она отражает запросы элит. Последние, действуя в соответствии со своим просвещенным эгоизмом, принимают решения, реализуют программы, проводят преобразования для того, чтобы сохранить существующую систему социальных ролей и позиций [7, с. 37]. Это, конечно же, не означает, что группы лиц, облеченные властью, постоянно находятся в состоянии конфронтации с обществом, что они всегда стремятся достичь своих целей за счет ущемления интересов масс. Ответственные ожидания, потребности и интересы населения, как правило, находятся в поле зрения правящих элит и в той или иной степени учитываются ими при принятии текущих, тактических и стратегических решений. Однако ответственность за благосостояние масс, равно и как забота о сохранении демократии, возложена на плечи элит. Ирония демократии, как подчеркивают американские политологи Т.Р. Дай и Х.Л. Зиглер, заключается в том, что «элиты должны мудро править, чтобы правление “народа” выжило» [7, с. 34].

Аргумент второй. Правоведы и другие ученые, разделяющие постулаты демократической доктрины, часто исходят из того, что демократия гарантирует наиболее полное осуществление на практике прав и свобод человека и гражданина (причем не только политических, но и социально-экономических, культурных), обеспечивая возможность всестороннего развития личности [6, с. 16].

В подобных утверждениях, безусловно, имеется доля истины. «Уникальность демократического общества, – отмечает Л. Зидентоп, – заключается в том, что оно отвергает все виды привилегий и основывает правовой порядок на правах и обязанностях индивидуумов, а не на правах каст, корпораций или семьи» [12, с. 71]. Демократические государства в отличие от других стран с альтернативными политическими режимами действительно стремятся предоставить своим гражданам широкий спектр прав и значительный диапазон личной свободы. Подобное стремление, как правило, получает законодательное и даже конституционное закрепление. При этом нередко страны демократии позиционируют себя как социальные государства, которые способны обеспечить реализацию эффективной социальной политики и достойный уровень жизни населения. Это стало настолько привычным, что даже в научной литературе понятия «демократическое государство» и «социальное государство» зачастую рассматриваются как синонимы [11, с. 13]. Кажется бы, совокупность указанных обстоятельств должна способствовать становлению в демократических обществах легитимного правопорядка, который пользуется необходимой поддержкой со стороны народных масс. Однако в реальной жизни это происходит далеко не всегда.

Ликвидация сословных привилегий, равно и как последующая ориентация на обеспечение равенства возможностей граждан, – это, безусловно, важные достижения демократии. В то же время, как свидетельствует практика социально-правового регулирования, закрепить на законодательном или даже конституционном уровне фундаментальные права и свободы человека и гражданина – задача для любого государства относительно простая и вполне решаемая. Значительно сложнее обеспечить минимальные гарантии реализации этих прав и свобод. И здесь многое зависит не только и не столько от желания государства, сколько от его возможностей. Если таких гарантий государство предоставить не желает или не может, то его добрые устремления порой провоцируют обратный эффект, связанный с отторжением граждан от права [17, с. 78].

При оценке потенциала демократии в части обеспечения реализации прав человека и гражданина нельзя упускать из виду еще один крайне значимый момент. В условиях демократии индивиды, обладающие формально равным правовым статусом как граждане (или подданные) своей страны, порой резко различаются по своему реальному правовому положению. В этой ситуации диапазон личной свободы определяется не только юридическими рамками, но и теми ресурсами, которыми располагает человек. Если их арсенал незначителен, то зачастую на практике вместо реального использования широко декларируемых прав и свобод индивид получает лишь возможность удостовериться в справедливости

высказывания Ф.М. Достоевского: «Что такое *liberte*? Свобода. Какая свобода? Одинаковая свобода всем делать все что угодно в пределах закона. Когда можно делать все что угодно? Когда имеешь миллион. Дает ли свобода каждому по миллиону? Нет. Что такое человек без миллиона? Человек без миллиона есть не тот, который делает все что угодно, а тот, с которым делают все что угодно» [9, с. 427].

Писатель интуитивно уловил опасную тенденцию, сопряженную с существованием потенциальной угрозы правопорядку в демократическом обществе. Она заключается в следующем: если в условиях демократии индивид часто сталкивается с тем, что не может реализовать предоставленные ему законодательством права и свободы только по причине того, что лишен необходимых ресурсов, то ключевые положения демократической идеологии – идеи равенства возможностей, формального равенства перед законом – воспринимаются человеком как «насмешка» [9, с. 427]. Защищать и бороться за такой демократический правопорядок многие люди принципиально не готовы.

Вряд ли правомерно отождествлять понятия «демократическое государство» и «социальное государство». Представляется, что эти понятия, даже если они совмещаются в рамках конкретного государства, характеризуют различные стороны его жизни, при этом ни одна из них сама по себе не исключает, но в то же время и не гарантируют проявление другой. Опыт государственно-правового строительства свидетельствует, что социальное государство не всегда является демократическим (например, Советский Союз). Справедливым является и другой тезис: не каждая демократическая страна способна стать государством социальным. Демократии, как подчеркивается в научной литературе, могут быть бедными и даже совместимы с нищетой, в силу чего возможности государства в части реализации действительной социальной политики и обеспечения достойного уровня жизни населения весьма ограничены [20, с. 58]. Если демократическое государство демонстрирует неспособность или нежелание успешно разрешать социально-экономические проблемы, то рано или поздно выстраиваемый им правопорядок, при котором значительная часть населения вынуждена в буквальном смысле выживать, «латая дыры» в семейном бюджете, утрачивает свойство легитимности.

Аргумент третий. Идеологи демократии часто акцентируют внимание на преимуществах демократических процедур, которые формально обеспечивают широким слоям населения (как правило, всем тем, кто достиг совершеннолетия) равные возможности эффективного участия в решении государственных и общественных проблем, в том числе в плане голосования, контроля за повесткой дня и т.д. [8, с. 358, 359]. Предполагается, что наличие подобных возможностей призвано способствовать повышению политико-правовой активности населения, а стало быть, и становлению легитимного правопорядка.

Однако реализовать на практике эти процедурные преимущества в полной мере индивиды могут лишь в условиях небольших ассоциаций. Реальные возможности масс, связанные с активным участием в политических процессах, существенно ограничены даже на уровне серьезных общественно-политических объединений, не говоря уже о масштабах государства. Наличие подобных ограничений объективно обусловлено и объясняется не столько недостатками демократии, сколько существованием в современных социумах (даже самых демократических) жесткой ролевой структуры. Как отмечает Э. Геллнер, «чтобы человеческие сообщества были жизнеспособными, в них должна существовать система социальных ролей и позиций, которая никогда (или почти никогда) не строится по принципу равноправия. И никогда (или почти никогда) члены одного сообщества не имеют равных прав в ситуации принятия решений. Представления о равенстве, заключенные в понятие “демократия”, не имеют серьезных оснований ни в социальной действительности, ни в душе человека» [5, с. 209].

Существование социальных позиций и жесткой ролевой структуры в условиях демократии ограничивает допуск широких слоев населения к таким стадиям политического процесса, как совещание и разработка ключевых решений. Как отмечают зарубежные исследователи, во всех современных демократических государствах эти стадии политического процесса хорошо защищены от влияния, а тем более контроля масс. Современные демократические общества производят результаты, которые являются скорее продуктом переговоров лидеров политических сил, чем продуктом всеобщего обсуждения. Этап голосования, к которому допускаются массы, зачастую имеет символическую ценность. Его функциональная роль заключается в том, чтобы ратифицировать результаты политических переговоров или утвердить в должности тех, кто был их причиной. Голосование позволяет экономить время, а также

подпытывает в общественном сознании иллюзию того, что рядовые индивиды являются релевантными субъектами политико-правовых процессов [20, с. 32].

Объективная оценка потенциала демократии, свидетельствующая о недопустимости идеализации ее возможностей содействовать становлению легитимного, гармоничного и стабильного правопорядка, вовсе не ставит под сомнение ценность и значимость демократических идей, институтов и процедур. Какой-либо другой, более действенной альтернативы демократии, рассматриваемой в качестве инструмента общественного влияния на политико-правовую жизнь страны, просто не существует. Но демократический инструментарий требует умелого обращения.

Изъяны и недостатки, присущие демократии, должны восприниматься как объективная данность, которую следует учитывать в ходе процессов социально-правового регулирования. В частности, процедурные вопросы функционирования демократических институтов требуют четкой юридической регламентации, а демократические идеалы и ценности нуждаются в надежной правовой охране, сопряженной с совершенствованием правопорядка, действующего законодательства, практики его применения, повышением уровня правосознания и правовой культуры индивидов, социальных групп, общества в целом.

Список литературы

1. *Байтин М.И.* Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). – 2-е изд., доп. – М.: ООО ИД «Право и государство», 2005. – 544 с.
2. *Борисов В.В.* Некоторые актуальные вопросы развития правового порядка // Вопросы теории государства и права. – 1998. – № 1. – С. 21–33.
3. *Веденеев Ю.А.* Политическая демократия и электорально-правовая культура граждан // Государство и право. – 1997. – № 2. – С. 33–38.
4. *Вопленко Н.Н.* Законность и правовой порядок. – Волгоград: Волгогр. гос. ун-т, 2006. – 135 с.
5. *Геллнер Э.* Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники: пер. с англ. – М., 2004. – 240 с.
6. *Горлачев Р.Ю.* Конституционно-правовые гарантии непосредственной демократии в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. – М., 2003. – 176 с.
7. *Дай Т.Р., Зиглер Л.Х.* Демократия для элиты: введение в американскую политику: пер. с англ. – М.: Юрид. лит., 1984. – 320 с.
8. *Даль Р.* Демократия и ее критики / пер. с англ. под ред. М.В. Ильина. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2003. – 576 с.
9. *Достоевский Ф.М.* Зимние заметки о летних впечатлениях // Собрание сочинений: в 15 т. – Л., 1989. – Т. 4. – 783 с.
10. *Дьюи Дж.* Демократия и образование: пер. с англ. – М.: Педагогика-пресс, 2000. – 384 с.
11. *Затонский В.А.* Эффективная государственность в личностно-правовом измерении: общетеоретическое исследование: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2008. – 55 с.
12. *Зидентоп Л.* Демократия в Европе: пер. с англ. – М., 2001. – С. 71.
13. *Марченко М.Н.* Актуальные проблемы теории и практики современного государства. Вступительная статья // Современное государство: вопросы теории / А.Д. Керимов. – М.: Норма, 2008. – 144 с.
14. *Марченко М.Н.* Российская демократия на распутье. Изъяны и недостатки демократии // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. – 2019. – № 1 (19). – С. 38–47.
15. *Моска Г.* Правящий класс // Социс. – 1994. – № 10. – С.187–198.
16. *Назаров П.С.* Правопорядок в условиях формирования правового государства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2005. – 28 с.
17. *Немытина М.В.* Право России как интеграционное пространство. – Саратов: Научная книга, 2008. – 260 с.
18. *Нойхауз Н.* Ценности христианской демократии: пер. с нем. – М.: Республика, 2005. – 192 с.
19. *Общество и его проблемы:* пер. с англ. – М.: Идея-пресс, 2002. – 160 с.
20. *Пшеворский А.* Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке: пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. – 320 с.

References

1. *Bajtin M.I.* Sushchnost' prava (Sovremennoe normativnoe pravoponimanie na grani dvuh vekov). – 2-e izd., dop. – M.: OOO ID «Pravo i gosudarstvo», 2005. – 544 s.
2. *Borisov V.V.* Nekotorye aktual'nye voprosy razvitiya pravovogo poryadka // *Voprosy teorii gosudarstva i prava*. – 1998. – № 1. – S. 21–33.
3. *Vedeneev Yu.A.* Politicheskaya demokratiya i elektoral'no-pravovaya kul'tura grazhdan // *Gosudarstvo i pravo*. – 1997. – № 2. – S. 33–38.
4. *Voplenko N.N.* Zakonnost' i pravovoj poryadok. – Volgograd: Volgogr. gos. un-t, 2006. – 135 s.
5. *Gellner E.* Usloviya svobody. Grazhdanskoe obshchestvo i ego istoricheskie soperniki: per. s angl. – M., 2004. – 240 s.
6. *Gorlachev R.Yu.* Konstitucionno-pravovye garantii neposredstvennoj demokratii v Rossijskoj Federacii: dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.02. – M., 2003. – 176 s.
7. *Daj T.R., Zigler L.H.* Demokratiya dlya elity: vvedenie v amerikanskuyu politiku: per.s angl. – M.: Yurid. lit., 1984. – 320 s.
8. *Dal' R.* Demokratiya i ee kritiki / per. s angl. pod red. M.V. Il'ina. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2003. – 576 s.
9. *Dostoevskij F.M.* Zimnie zametki o letnih vpechatleniyah // *Sobranie sochinenij: v 15 t.* – L., 1989. – T. 4. – 783 s.
10. *D'yui Dzh.* Demokratiya i obrazovanie: per. s angl. – M.: Pedagogika-press, 2000. – 384 s.
11. *Zatonskij V.A.* Effektivnaya gosudarstvennost' v lichnostno-pravovom izmerenii: obshcheteoreticheskoe issledovanie: avtoref. dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. – Saratov, 2008. – 55 s.
12. *Zidentop L.* Demokratiya v Evrope: per. s angl. – M., 2001. – S. 71.
13. *Marchenko M.N.* Aktual'nye problemy teorii i praktiki sovremennogo gosudarstva. Vstupitel'naya stat'ya // *Sovremennoe gosudarstvo: voprosy teorii / A.D. Kerimov*. – M.: Norma, 2008. – 144 s.
14. *Marchenko M.N.* Rossijskaya demokratiya na rasput'e. Iz'yany i nedostatki demokratii // *Vestnik Moskovskogo universiteta imeni S.Yu. Vitte. Seriya 2: Yuridicheskie nauki*. – 2019. – № 1 (19). – S. 38–47.
15. *Moska G.* Pravyashchij klass // *Socis*. – 1994. – № 10. – S.187–198.
16. *Nazarov P.S.* Pravoporyadok v usloviyah formirovaniya pravovogo gosudarstva: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. – Saratov, 2005. – 28 s.
17. *Nemytina M.V.* Pravo Rossii kak integracionnoe prostranstvo. – Saratov: Nauchnaya kniga, 2008. – 260 s.
18. *Nojhauz N.* Cennosti hristianskoj demokratii: per. s nem. – M.: Respublika, 2005. – 192 s.
19. *Obshchestvo i ego problemy: per. s angl.* – M.: Ideya-press, 2002. – 160 s.
20. *Pshevorskij A.* Demokratiya i rynek. Politicheskie i ekonomicheskie reformy v Vostochnoj Evrope i Latinskoj Amerike: per. s angl. – M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2000. – 320 s.

УДК 1(091)

СЕРГЕЙ ГЕССЕН: ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКТ КАК ФАКТ РЕАЛИЗАЦИИ МИНИМУМА ТРАНСЦЕНДЕНТНОГО БЫТИЯ

Сторчеус Надежда Вячеславовна,
доцент кафедры правовых и гуманитарных дисциплин,
e-mail: n.storcheus@365.rsu.edu.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани

Статья посвящена С.И. Гессену, представителю русского баденского неокантианства, чьи взгляды (С.И. Гессена, Б.В. Яковенко, Ф.А. Степуна) относительно исторического процесса (так же, как и использование индивидуализирующего метода для теоретизации исторической реальности) дают основание говорить о русском баденском неокантианстве как самобытном образовании. Творчество С.И. Гессена демонстрирует как рецепцию главного принципа в трактовке истории, которая понимается как имеющая относительный характер, поскольку всё решают ценности, так и методологических разработок основателей Баденской школы неокантианства.

Ключевые слова: неокантианство, трансцендентальное, трансцендентное, история, историософия, С.И. Гессен

SERGEY GESSEN: HISTORICAL FACT AS A FACT OF THE REALIZATION OF THE MINIMUM OF TRANSCENDENTAL BEING

Storcheus N.V.,
associate professor of the department of legal and humanitarian disciplines,
e-mail: n.storcheus@365.rsu.edu.ru,
Moscow Witte University, a branch in the city of Ryazan

The article is dedicated to S.I. Gessen, a representative of Russian Baden neo-Kantianism, whose views (S.I. Gessen, B.V. Yakovenko, F.A. neo-Kantianism as a distinctive formation. The creativity of S.I. Gessen demonstrates both the reception of the main principle in the interpretation of history, which is understood as having a relative character, since everything is decided by values, and the methodological developments of the founders of the Baden school of neo-Kantianism.

Keywords: neo-Kantianism, transcendental, transcendental, history, historiosophy, S.I. Hessen

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-30-34

Чуть более ста лет назад, летом 1917 года на должность ординарного профессора кафедры филологии новообразованного историко-филологического факультета Томского университета был назначен Сергей Иосифович Гессен, русский философ-неокантианец Баденской школы. «В Томске я провел 4 года. Это были годы революции и гражданской войны, эпидемии сыпного тифа и больших материальных лишений; несмотря на это, я вспоминаю эти годы с большим удовольствием. Факультет, в котором я сначала замещал декана, а позже в течение двух лет состоял деканом, представлял собою дружную семью, не знающую ни интриг, ни взаимных подсиживаний, что так часто характеризовало провинциальные университеты... прекрасная библиотека Томского университета с богатым собранием книг по философии была удачно дополнена семинарской библиотекой... Так что в течение всех этих лет не чувствовалось, что живешь в отдаленном провинциальном городе» [2, с. 740]. Здесь он проработал до лета 1921 года; лекции, прочитанные как в Томском университете, так и в педагогическом институте, на Сибирских Высших женских курсах и нескольких учительских курсах Томской и Новониколаевской губернии, стали основой его самой известной работы «Основы педагогики. Введение в прикладную философию». Здесь Гессен формулирует свое решение некоторых философских вопросов, например, учение о личности. В этой книге Сергей Иосифович определяет свою философскую точку зрения как попытку синтеза разума и интуиции, монизма и плюрализма, рационализма и иррационализма. Гессен

позиционирует её как близкую риккертскому «принципу гетерологии», сущность которого состоит в том, что противоборство двух начал превращается в единство двух моментов, когда «одно» постигается через обнаружение в нём «другого». Гессен называет это «вечным мотивом диалектики».

Поскольку революционные события и гражданская война совсем не способствовали развитию университетской науки, Сергей Иосифович был командирован в Петроград, чтобы как-то повлиять на ситуацию острой нехватки преподавателей и учебной литературы. В Томск он уже не вернулся и в декабре 1921 философ вместе с семьёй был вынужден эмигрировать.

Помимо «Основ педагогики», С.И. Гессен также известен своей работой в журнале «Логос» вместе с другими русскими мыслителями, также учениками В. Виндельбанда и Г. Риккерта – Ф.А. Степун и Б.В. Яковенко. Философские взгляды представителей этой группы, которую мы называем «Русский Баден» (критерием, позволяющим говорить о принадлежности мыслителя к какой-либо группе или школе, в данном случае является представление об истории, формирование определенной позиции по отношению к основным темам), сформировались посредством рецепции идей И. Канта, Г.Ф.В. Гегеля, И. Фихте, Л. Фейербаха, М. Экхарта и через его посредство – неоплатонизма, а также русских мыслителей – Владимира Соловьева и Василия Розанова. Однако влияние Баденской школы неокантианства было основополагающим: идеи В. Виндельбанда и Г. Риккерта стали начальной базой, основой, на которой осуществлялось самостоятельное философствование, в том числе определённая манера историософствования. Правда, нельзя не признать, что «районирование» западноевропейского неокантианства в России проходило в атмосфере как его пропаганды, так и беспощадной, иногда даже злой, критики, касающейся не только самой философии, но и моментов, ее обуславливающих.

В свою очередь, взгляды отцов-основателей формировались под влиянием Г. Лотце. Его взгляды на историю и смысл исторического действия представлены в работе «Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии». В главе 2 «Смысл истории» Лотце рассматривает четыре наиболее популярные, на его взгляд, концепции:

– история как воспитание. «Сколько ни превозносят историю как наставницу людского рода, человечество редко пользуется ее уроками», – сетует философ. Правда, имеется в виду воспитание образованного меньшинства при наличии огромных масс духовно нищего человечества;

– история – «поэма Божия, истекшая из творческой его фантазии со всей свободой и теплотой истинно-художественного произведения». Иногда это – эпос, иногда трагедия, а когда и комедия;

– истории нет как поступательного движения. Земная жизнь – всегдашнее круговращение в прежних же несовершенствах. «Только постоянный, непосредственный возврат единичного сердца к Богу и к парению в сверхчувственный мир... можно считать настоящим успехом». Но это невозможно без «круговращения» – «кто ничего не пережил, того одиночество не умудрит»;

– неисторический подход: «неисторическая жизнь, не ведется ли и в самом деле большею частью человечества? Ведь вся тревога, все многообразие тех постоянных переворотов и преобразований, которым ищем мы объединительного смысла, разве не есть, наконец, история одних только мужчин? Сквозь все эти бури и непогоды проходят, едва замечая их переменные освещения, женщины, и повторяют все на один и тот же лад простые и великие жизненные формы человеческого духа» [3, с. 59].

Интерес к истории также присущ и отцам-основателям Баденской школы. Вильгельм Виндельбанд исходит из идеи о том, что ценности, царству которых причастна реальность, обладают значимостью без необходимости быть и, следовательно, нет смысла говорить о них вне их нормативного отношения к каждому содержанию представления во временном и пространственном порядке; сказанное, в том числе, относится и к пониманию истории.

История – особая наука, объект которой есть конкретное, обрабатываемое с помощью единичных понятий, в отличие от объектов естественно-научных, материал которых обрабатывается с помощью общих понятий, – такова вкратце установка Г. Риккерта. Гессен позиционирует себя как его сторонник: «В понимании истории как индивидуализирующей науки о культуре мы согласны с Риккертом, который, на наш взгляд, глубже других понял существо исторического метода» [2, с. 273]. Ценности – базовое понятие историософии: историософское толкование исторического процесса предполагает воплощение в ходе истории тех или иных аксиологических принципов, это переживание истории как своей личной судьбы, в то время как философия истории требует абстрагирования от личности познающего.

Историософия основывается на том, что:

- есть целостный взгляд на историю, понимание ее как целого;
- имеет пограничный характер – выход за рамки как собственно исторической науки, так и философии.

Итак, с точки зрения основателей Баденской школы неокантианства, сама история – относительно, всё решают ценности. Замечательно сформулировал это В.В. Бибихин: «Что может им предоставить идиографическая наука, по определению тонущая в неповторимых деталях? *Ценность!* Через мир культуры, истории, религии проходит один, одинаковый во всех индивидах, *закон*, если хотите, или, вернее, *норма ценностная*, и соответственно идея *долга*, долженствования. Она объединяет все неповторимые индивидуальности... В работе Риккерта *Der Gegenstand der Erkenntnis* (1915) предмет познания как у Канта дан *априори*, не в каком-то бытии вне сознания: отыскивается познающим всегда *ценность*, или *должное*. Это закон в нас. Что бы мы ни познавали, мы ищем *ценное*, судим, следуя *должному*» [1, с. 241].

Русские ученики основателей Баденской школы занимались и методологией истории, и интерпретацией исторического процесса тем более, что рубеж XIX–XX столетий был весьма богат на потрясения как в жизни страны, так и мира в целом: интерес к теоретизации истории, разработка методологии исторического познания представляются более чем оправданным. По словам Б.В. Яковенко, история – смесь тенденций: познания – с эмоционально-волевым переживанием, науки – с изложением образов.

Рассуждая об этапах исторического процесса, Гессен выделил три пласта или плана человеческого бытия – биологический, социальный и духовно-культурный, что вполне вписывается как «частный человеческо-бытийный» случай в представления Риккерта, как тот излагает свои взгляды в «Системе философии»: три части мира – субъект (профизическое бытие), ценности (умопостигаемый мир), мир действительности – предполагают нечто трансцендентное, основание, которое можно мыслить лишь символически (излагается по: Новая философская энциклопедия. Риккерт). В конце 1930-х годов ввел четвертый – это план благодатного бытия, в котором воспитание выступает как Спасение, которое осуществляется через любовь к ближнему и любовь к Богу и ведет человека к личному бессмертию. В этом высшем, эсхатологическом смысле, Гессен понимает и образование, которое есть «забота о смерти», забота об идущих на смену поколениях, которым передается культурное наследие, живой поток творчества. Таковы этапы истории человечества, движения от биологического бытия к Царству Божьему, в процессе которого возможны периоды упадка в духовно-культурной сфере. Само понятие Царства Божьего Гессен однозначно не формулирует в связи с понятиями «культура», «ценности», но анализ его идей показывает, что Царство Божие в аспекте темы культурных ценностей можно определить как состояние человечества, когда для воплощения ценностей культурные формы уже не нужны.

Взаимоотношение философии и истории Гессен видит так: «Вся философия в целом, а не одна только этика должна была бы “обосновывать” историю. Но *как знание*, история зависит только от логики, и задача ее не оценивать и судить, а познавать, т.е. сохранять в знании изучаемую ею индивидуальную действительность, “постигать умом отсутствующее как присутствующее”»¹.

Перманентные изменения в социуме время от времени придают новое содержание проблеме смысла истории, и не все уверены, что история демонстрирует прогрессивное движение человечества; события новейшей истории, проявления варварства в течение последнего столетия существенно охладили энтузиазм и веру в прогресс. Угрозы существованию человечества, как в цивилизационном, так и экологическом аспектах, вновь доказывают значимость этого «вечного вопроса философии»: ждет ли человечество, проходящее сквозь огонь и медные трубы какой-либо пока неизвестный нам финал? Иначе говоря, есть ли смысл истории?

Изучая историческую динамику, мы вынуждены предполагать наличие какого-то смысла Истории; в противном случае придется признать арену истории царством абсурда. По понятным причинам, говоря о неокантианце, нельзя обойтись без ссылки на мнение великого кёнигсбержца, Иммануила Канта. Несколько расстроенный общей картиной исторического процесса, Иммануил Кант все же усматривает в ней общую прогрессивную тенденцию. И не просто тенденцию, но считает прогресс истинной це-

¹ Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – С. 260.

лью исторического процесса, находя основания для такой идее в самой Природе, предположившей для человека нечто большее, чем просто животное существование. Природа, в которой нет ничего лишнего, нет расточительства, дала человеку Разум и свободную волю, но наделила минимальным количеством возможностей по сравнению с животными, чтобы побудить человека к саморазвитию. Иммануил Кант в эссе «Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане» приходит к выводу, что «историю человеческого рода в целом можно рассматривать как выполнение тайного плана природы – осуществить внутренне и для этой цели также внешне совершенное государственное устройство как единственное состояние, в котором она может полностью развить все задатки, вложенные ею в человечество».

Смысл истории может пониматься как цель, направление или как значимость. В первом случае, предполагая наличие «пункта назначения», логично задаваться вопросом о конечности истории, а также тем, что было, и было ли что-то до начала истории. Стремится ли человечество к реализации какого-то неясного замысла? Во втором случае, вопрос можно переформулировать так: можно ли выявить тенденцию, увидеть исторические законы за внешней беспорядочностью событий, которые сделают историю интеллигибельной для тех, кто ее изучает? Мнение Сергея Иосифовича Гессена относительно смысла истории изложено в его статье «Мистика и метафизика», его выкладки приводят к следующей формулировке: смысл истории – предмет веры. «Реализация же ценностей в процессе истории, а в особенности уверенность в их реализации в будущем – есть предмет веры, преимущественно религиозной. Постольку и идея миропорядка и идея прогресса есть вера в миропорядок и прогресс, т.е. объект переживания» [2, с. 154]. Гессен, несомненно, историософствует, полагая предельными основаниями исторического бытия ценности и Царство Божие. Для понимания сути гессеновских историософских идей необходимо привести его интерпретацию понятия «исторический факт», которое он отличает от понятия «факт, свидетельствующий об исторических событиях».

Одной из характеристик исторического времени является то, что ничто не повторяется в точно такой же манере. Исторический факт – событие всегда уникальное, единственное в своем роде. Историческое прошлое есть особый, чем-то отмеченный, избранный вид прошлого, поэтому исторический факт не исчерпал себя в своем, во времени возникшем и во времени исчезнувшем же бытии; передался от поколения к поколению, (история – есть предание). Он не прошел, но вошел составным элементом в настоящее. Историческое прошлое – непреходящее, надвременное, сверхличностное, которое именно поэтому можно восстановить в знании. И именно поэтому прошлое – историческое, потому что причастно началам непреходящим, надвременным, сверхличностным. Изучая исторический факт, историк раскладывает его на составляющие культурные компоненты, тем самым, устанавливая его связь с неким, более обширным целым, понимаемое, в свою очередь, из «облегающей его индивидуальной совокупности культурных “влияний”». Этот процесс последовательного включения исторического факта в объемлющую его связь индивидуального целого не имеет конца»², уходя, таким образом, в трансцендентное для нас. Исторический факт – факт реализации недостижимых в своей неисчерпаемости ценностей, которые есть минимум трансцендентного бытия. Трансцендентное – иррациональное по сути. «Реализованная ценность – это иррациональный факт истории, который абсолютно дан, который можно только пережить, найти, вскрыть»³. И далее: «Для исторического знания исторический универсум, точно очерчивающий начало и конец истории, есть такая же неразрешимая идея, как для естественно-научного знания неразрешимой идеей является тот последний закон, та общая формула Лапласа, которая устанавливает в единой совокупности перекрещивающихся рядов все известные законы природы и каждому событию в природе указывает в ней свое определенное, числом закрепленное место»⁴.

Однако, по мнению Гессена, можно говорить о том, что есть некое начало – культурные ценности, цели-задачи, в движении к ним происходит развитие: усилия, направленные на их разрешения, продолжают друг друга; достигнутое раньше сохраняется в последующем. Они объединяют поколения общностью задач, в виде этих задач они предстоят человеческому творчеству. Они:

– ценны сами в себе;

² Гессен С.И. Основы педагогики. Введение в прикладную философию: учеб. пособие для вузов / отв. ред. и сост. П.В. Алексеев. – М.: Школа-Пресс, 1995. – 448 с. – С. 261.

³ Там же.

⁴ Там же.

– неисчерпаемы.

Такие цели-задания присутствуют во всех областях: в науке, искусстве, хозяйственной деятельности. Например, задача науки никогда не будет исчерпанной, лишь переформулируются задачи: во времена Гессена говорили – «господство над природой», сейчас – использование её (прагматизм), в будущем, возможно, речь будет идти о коэволюции. Ценность же этих задач в том, что они служат условиями и средствами решения других задач. Эти культурные ценности безусловны в своей значимости; безусловная значимость – называется бесконечностью, так как их значимость в каждый данный момент превышает действительность. Совокупность таких ценностей – есть существо культуры. Мыслитель считает, что история есть там, где есть культура и народ тем культурнее, чем дольше живет исторической жизнью, чем больше накопил он того непреходящего прошлого, которое, сохраняясь, передаётся от поколения к поколению.

Итак, С.И. Гессен выстраивает своё понимание истории «по горизонтали»: исторический факт является таковым в силу своей причастности настоящему через посредство сверхвременных, сверхличных начал, которые он называет целями-задачами, культурными ценностями. Культурные ценности носят трансцендентальный характер, поскольку содержат в себе общезначимое, и благодаря этому содержанию могут быть восстановлены в знании. Сами же культурные ценности есть бесконечное движение к «тому последнему закону», к тому единому, абсолютно трансцендентному в отношении ко всему бытию в целом, являясь, таким образом, его минимумом.

Список литературы

1. *Бибихин В.В.* История современной философии (единство философской мысли). – СПб.: Владимир Даль, 2014. – 398 с.
2. *Гессен С.И.* Избранные сочинения. – М.: РОССПЭН, 1998. – 812 с.
3. *Лотце Г.* Микрокосм. Мысли о естественной и бытовой истории человечества. Опыт антропологии: в 3 т. / пер. Е. Корша. – М.: Изд. К. Солдатенкова, 1866–1867. – 160 с.
4. *Найбороденко Л.М.* Участие профессора Томского университета С.И. Гессена в профессиональном развитии сибирского учительства в годы революции и гражданской войны // Вестник ТГПУ. – 2009. – № 2. – С. 11–17.
5. *Сторчеус Н.В.* Русское неокантианство Баденской школы в истории русской и европейской философии начала XX века: дис. ... канд. филос. наук: 09.00.03. – М., 2016. – 150 с.

References

1. *Bibihin V.V.* Istoriya sovremennoj filosofii (edinstvo filosofskoj mysli). – SPb.: Vladimir Dal', 2014. – 398 s.
2. *Gessen S.I.* Izbrannye sochineniya. – M.: ROSSPEN, 1998. – 812 s.
3. *Lotce G.* Mikrokosm. Mysli o estestvennoj i bytovoj istorii chelovechestva. Opyt antropologii: v 3 t. / per. E. Korsha. – M.: Izd. K. Soldatenkova, 1866–1867. – 160 s.
4. *Najborodenko L.M.* Uchastie professora Tomskogo universiteta S.I. Gessena v professional'nom razvitii sibirskogo uchitel'stva v gody revolyucii i grazhdanskoj vojny // Vestnik TGPU. – 2009. – № 2. – S. 11–17.
5. *Storcheus N.V.* Russkoe neokantianstvo Badenskoj shkoly v istorii russkoj i evropejskoj filosofii nachala XX veka: dis. ... kand. filos. nauk: 09.00.03. – M., 2016. – 150 s.

УДК 347.97/.99

СУДЕБНОЕ ПРАВОТВОРЧЕСТВО В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ (ОПЫТ АВСТРИИ И ФРГ)

Слабоспицкий Анатолий Сергеевич,

ст. преподаватель кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

Потенциал аналогии права, позволивший найти новые формы и методы процессуального взаимодействия с тяжущимися, не исчерпан полностью и активно развивался в условиях пандемии. Пример Австрии и ФРГ говорит о том, что важно соблюсти золотую середину между прослеживающейся тенденцией к децеремонизации судебного разбирательства и необходимостью следования фундаментальным началам правосудия. Задача исследования – краткий обзор опыта судопроизводства по гражданским делам в условиях пандемии на примере Австрии и ФРГ, рассмотрение отдельных аспектов цифровизации правосудия. Цель исследования – осветить практические предложения зарубежных юрисдикций по повышению доступности правосудия, отразить преимущества и недостатки полученного опыта модернизации подходов использования информационных технологий. Методологической основой проведенного исследования стали: формально-юридический, сравнительно-правовой, а также общенаучные методы познания. Анализ зарубежного опыта работы законодателя и правоприменителя в кризисной ситуации позволяет сформулировать на будущее некоторые идеи, высветившиеся условиями пандемии и требующие публичной дискуссии. Показательно, что, несмотря на анализ опыта двух независимых систем, ряд механизмов, предложенных к внедрению, носит общие основополагающие черты: переход на активное использование видеоконференцсвязи, в том числе со сторонами, находящимися за границей, наличие выработанных механизмов приостановления процессуальных сроков в период чрезвычайных событий.

Ключевые слова: пандемия, гражданское судопроизводство, информационные технологии, дистанционное правосудие, процессуальные сроки

JUDICIAL LAW-MAKING DURING THE PANDEMIC (THE EXPERIENCE OF AUSTRIA AND GERMANY)

Slabospitsky A.S.,

senior lecturer at the department of civil law and procedure,

e-mail: slabospitskyas@gmail.com,

Moscow Witte University, Moscow

The potential of the analogy of law, which made it possible to find new forms and methods of procedural interaction with litigants, has not been fully exhausted and has been actively developing in a pandemic. The example of Austria and the Federal Republic of Germany suggests that it is important to keep the golden mean between the observed tendency towards de-ceremonization of court proceedings and the need to follow the fundamental principles of justice. The objective of the research is to provide a brief overview of the experience of civil law proceedings in the context of a pandemic using the example of Austria and the Federal Republic of Germany, and to consider certain aspects of the digitalization of justice. The purpose of the study is to highlight the practical proposals of foreign jurisdictions to increase the accessibility of justice, to reflect the advantages and disadvantages of the experience gained in modernizing approaches to the use of information technologies. The methodological basis of the study was: formal legal method, comparative legal method, as well as general scientific methods of cognition. An analysis of the foreign experience of the legislator and law enforcement officer in a crisis situation allows us to formulate for the future some ideas highlighted by the conditions of the pandemic and requiring public discussion. It is indicative that despite the analysis of the experience of two independent systems, a number of mechanisms proposed for implementation have common fundamental features: the transition to the active use of video conferencing, including with parties located abroad, the presence of developed mechanisms for the suspension of procedural deadlines during extraordinary events.

Keywords: pandemic, civil proceedings, information technology, remote justice, procedural deadlines

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-35-40

Кроме системы здравоохранения, на которую пришелся основной удар пандемии 2020 года, перестройке подверглись все общественные отношения, в том числе и судебная система, включая межгосударственные суды. Несмотря на наличие различных одновременно возникших запросов общества проблемы судопроизводства не отошли на второй план в исследуемых странах. Как показала практика, оперативные решения задач по организации правосудия были возложены на высшие судебные инстанции рассматриваемых стран.

Несмотря на то, что на межгосударственном и внутригосударственном уровне уже были разработки в сфере электронных технологий, которые факультативно оказались успешным решением в период пандемии 2020 года, но, тем не менее, этих механизмов, как и критериев применения таких механизмов, оказалось недостаточно.

В результате, в целях продолжения осуществления судопроизводства по гражданским и экономическим делам суд Международной торговой палаты был вынужден уже после возникновения проблем, связанных с пандемией, дополнительно 9 апреля 2020 года издать руководящую записку по международному третейскому разбирательству с протоколом о дистанционном рассмотрении судебных дел по гражданским и экономическим спорам [3]. Кроме того, в период пандемии 2020 года показали свою эффективность и уже действующие соглашения, так, государства-члены Конвенции о правах человека должны руководствоваться правом каждого на справедливое судебное разбирательство [11], а страны, входящие в состав Европейского союза, в частности, попадают под действие постановления Европейского союза № 1206 от 2001 года «О сотрудничестве между судами государств-членов в сборе доказательств по гражданским или экономическим спорам» [2] и регламента Европейского союза от 11 июля 2007 года № 861/2007 «Об установлении Европейской процедуры рассмотрения мелких претензий». Стоит отдельно отметить, что в соответствии с таким регламентом еще в 2007 году был выработан механизм дистанционного участия в судебном заседании лиц, участвующих в деле, находящихся за рубежом, т.е. за пределами государства, в котором рассматривается спор [5].

Переходя к опыту рассмотрения гражданских дел в Австрии, следует отметить, что в этой стране существует четыре уровня судов: районные, региональные, региональные суды высшей инстанции и Верховный суд Австрии [4]. Судебные процессы по гражданским и экономическим спорам начинаются либо в районном, либо в региональном суде, в зависимости от суммы исковых требований и категории дела. Иски на сумму до 15 000 евро, а также споры, вытекающие из семейного права, и споры между арендодателем и арендатором подлежат рассмотрению в районных судах, которые выступают в качестве судов первой инстанции. Апелляционные жалобы на судебные акты, принятые районным судом, рассматривают организационно обособленные апелляционные суды, тогда как жалобы на акты, принятые апелляционным судом, рассматривает Верховный суд Австрии, который является судом высшей инстанции [12].

Правила судопроизводства по гражданским делам кодифицированы в двух основных законах: в Гражданском процессуальном уложении Австрии в отношении дел, где имеется спор между тяжущимися, и в законе «О внесудебном разбирательстве». Под действие закона «О внесудебном разбирательстве» отнесены дела, не затрагивающие спор о праве [8]. Такая процедура менее формализована по сравнению с установленной в соответствующем процессуальном уложении. Кроме того, этот закон применяется при рассмотрении споров, возникающих из семейного права.

Суд в австрийских гражданских процессах играет активную роль. Суд открывает, направляет и закрывает разбирательство, предоставляет слово, допрашивает свидетелей. Более того, суд уполномочен дать указание сторонам в части представления объяснений и доказательств по делу, и в целом обеспечивает всестороннее рассмотрение дела.

С точки зрения организации рассмотрения дела в суде – как правило, стороны должны участвовать в судебном разбирательстве лично, присутствуя в зале судебного заседания. В части использования электронных технологий в процессе рассмотрения дела в Гражданском процессуальном уложении Австрии прямо говорится, что, принимая во внимание принцип процессуальной экономии, суд может, если это технически возможно, собирать доказательства с использованием технических средств для передачи слов и изображений, за исключением случаев, когда для сбора доказательств необходимо личное присутствие в суде. В то же время такое процессуальное уложение не содержит ограничений в отношении типов доказательств, которые могут быть получены с помощью видеоконференцсвязи. Одна-

ко могут быть практические ограничения, например, в отношении визуального осмотра доказательств. В этом процессуальном уложении также нет ограничений в отношении места проведения видеоконференции. Что касается тех категорий дел, которые подпадают под действие Закона «О внесудебном разбирательстве», то данный Закон вместо повторного описания по факту идентичной процедуры дистанционного судебного разбирательства содержит нормы, отсылающие к механизму, установленному в Гражданском процессуальном уложении Австрии.

С 2011 года все суды, прокуратуры и тюрьмы в Австрии оснащены как минимум одним комплектом оборудования для осуществления видеоконференцсвязи. Если обратиться к статистике, то в 2017 году видеоконференцсвязь использовалась примерно в 4000 судебных разбирательствах, из которых 12 % были рассмотрены с привлечением иностранных судов [14]. Кроме того, в настоящее время ведется работа по расширению возможности использования системы видеоконференцсвязи путем подключения к такой технологии не только в вышеприведенных государственных структурах, но и адвоката для того, чтобы последний мог участвовать в дистанционных заседаниях, находясь на своем рабочем месте.

Начиная с 22 марта 2020 года в Австрии вступил в силу так называемый «2-й Закон о COVID-19», который, среди прочего, вносит поправки для гражданских судебных процессов [9]. Вышеуказанный закон предусматривает, что, если необходимо осуществить непосредственное участие сторон в судебном процессе, то в этом случае под личным, т.е. непосредственным присутствием сторон в зале судебного заседания будет признаваться онлайн-присутствие таких лиц с применением соответствующих технических средств связи, а именно видеоконференцсвязи. Введенные таким законом меры носят временный характер, и действие закона прекращается с начала 2021 года.

Как отмечали К.Л. Брановицкий, И.Г. Ренц и В.В. Ярков, применительно к гражданскому судопроизводству в Австрии в качестве последствий пандемии было, в частности, приостановление всех процессуальных сроков, которые не истекли к 22 марта 2020 года, и течение процессуальных сроков должно было возобновиться заново с 1 мая 2020 года [7]. И в этом случае особенностью процессуального законодательства Австрии является то, что механизм «заморозки» процессуальных сроков был введен задолго до пандемии 2020 года, и предусматривает расширенный перечень оснований к его применению, в том числе и пандемию.

Вопрос закрытия конкретного звена судебной системы Австрии решается в индивидуальном порядке с учетом рисков распространения коронавирусной инфекции, а в исключительных случаях, когда рассмотрение дела не требует отлагательств, а суд, уполномоченный рассматривать дела, был закрыт, вышестоящая инстанция по ходатайству сторон вправе перенаправить дело в другой суд и, если вышестоящий суд также приостановил свою деятельность ввиду пандемии, решение по данному вопросу принимается непосредственно Верховным судом Австрии.

Приведенный опыт Австрии обращает на себя внимание следующими обстоятельствами: во-первых, соответствующие процессуальные уложения, с одной стороны, прямо не содержат ограничений в отношении места проведения видеоконференции, а с другой – на практике в Австрии к таким местам относятся суды, прокуратуры и тюрьмы, и в настоящее время ведется работа по предоставлению аналогичных условий и в отношении рабочего места адвоката. Во-вторых, обращает на себя внимание положительный опыт активного использования системы видеоконференцсвязи не только внутри страны, но и с привлечением зарубежных судов. В-третьих, гражданское процессуальное уложение Австрии предусматривает, что деятельность суда прекращается вследствие начала войны или иного события, в том числе и вследствие пандемии, т.е. происходит приостановление рассмотрения судебных дел на время этих чрезвычайных событий, как и «заморозка» процессуальных сроков [1].

Обращаясь к опыту немецкого законодательства, следует отметить, что споры, вытекающие из гражданских правоотношений, осуществляют суды земель и федеральные суды: местные окружные, региональные, высшие региональные суды и Федеральный суд Германии [13]. Компетенция суда по гражданским делам начинается с местного окружного суда или регионального суда, и зависит от цены иска. Акты, принятые такими судами, могут быть обжалованы соответственно в региональный или вышестоящий суд, а высшей судебной инстанцией является Федеральный суд Германии. Из-за смешения судов земель и федеральных судов, а также различий в бюджетах земель, техническое оборудование для проведения дистанционных судебных процессов может быть доступно не в каждом суде.

Суд в немецком гражданском процессе, как и в Австрии, играет активную роль. Суд открывает судебное разбирательство и направляет его ход, допрашивает свидетелей, предоставляет им право выступить и закрывает судебное разбирательство, когда суд считает, что вопрос был всесторонне рассмотрен. Кроме того, судья ведет обсуждение со сторонами обстоятельств и фактов рассматриваемого дела [6].

Переходя к механизмам осуществления правосудия по гражданским делам, следует отметить, что, как правило, стороны должны лично присутствовать в зале судебного заседания. Однако статья 128а Гражданского процессуального кодекса Германии предусматривает, что в некоторых случаях судебное разбирательство и сбор доказательств могут осуществляться с помощью видеоконференцсвязи. Кроме того, переводчики могут участвовать в судебных процессах посредством видеоконференцсвязи, а звук и видео должны использоваться одновременно. В отличие от ряда других стран Европейского союза слушания только по телефонной связи в Германии не допускаются.

Стороны по делу обладают правом на подачу ходатайства суду о проведении судебного разбирательства в режиме видеоконференцсвязи, кроме того, суд может по своей инициативе провести заседание в режиме видеоконференцсвязи, и для этого не требует согласия сторон.

В постановлении суда о проведении видеоконференцсвязи должно быть определено место, из которого стороны будут участвовать в судебном заседании. Как отмечает Хендрик Шульцки, закон не ограничивается местом проведения видеоконференцсвязи только залом судебных заседаний, это может быть и адрес юридической фирмы или публичная площадка, позволяющая технически осуществить видеоконференцсвязь. Однако это место должно находиться на территории Германии [15]. В части возможности осуществления трансграничной видеоконференцсвязи через механизм оказания судебной помощи такая процедура предусмотрена межгосударственным соглашением: разделом 8 европейского регламента процедуры рассмотрения мелких претензий [5].

Несмотря на описанную выше возможность применения видеоконференцсвязи, немецкий законодатель не прописал правила в отношении дистанционного исследования судом письменных оригиналов документов и похожих процедур.

Используемое на практике программное обеспечение также разнообразно, например, Высший региональный суд Ганновера использует программу «Skype для бизнеса». Однако императивного права сторон на проведение видеоконференцсвязи законом не установлено. В результате, как отмечает Аннели Кауфман, Высший окружной суд Дрездена еще не проводил судебное разбирательство с применением видеоконференцсвязи, в то время как Высшие окружные суды Дюссельдорфа и Берлина часто используют видеоконференцсвязь. Такая неоднозначная тенденция вызвана и тем, что, как правило, видеоконференцсвязь в судах Германии используется в тех случаях, когда ожидается, что разбирательства будут короткими [10].

В отличие от процессуального законодательства ряда зарубежных стран в Германии допускается проведение дистанционного судебного заседания путем применения именно видеоконференцсвязи и не допускается использование только аудиосвязи, что вступает в противоречие с регламентами, заключенными в рамках Европейского союза. Что касается места, откуда стороны могут участвовать в судебном заседании по видеоконференцсвязи, то тут закон ограничивается лишь территорией Германии, а не залами судебных заседаний, местом нахождения прокуратуры и тюрьмы, как это определено в Австрии, что касается механизма «заморозки» процессуальных сроков, то и в Германии, и в Австрии процессуальное законодательство четко определило критерии их применения на время этого чрезвычайного события, в том числе пандемии.

Список литературы

1. Брановицкий К.Л., Ренц И.Г., Ярков В.В. Судебное правотворчество в условиях пандемии коронавируса: нонсенс или необходимость? // Закон. – 2020. – № 5. – С. 107–117.
2. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (заключена в Риме 04.11.1950) (с изм. от 13.05.2004) (вместе с Протоколом № 1 (подписан в Париже 20.03.1952), Протоколом № 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней (подписан в Страсбурге 16.09.1963), Протоколом № 7 (подписан в Страсбурге 22.11.1984)) // Соборание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2. – Ст. 163.

3. *Annelie Kaufmann*. Richter, anwalt und zeuge beim Skype-chat, LTO [Электронный ресурс] // 2020. – Jan. 2. – URL: <https://www.perma.cc/7CKY-J4PV> (дата обращения: 20.04.2020).
4. Consolidated Version of European small claims procedure regulation [Электронный ресурс] // 2007. – O.J. (L 199) 1, art. 8. – URL: <https://www.perma.cc/42MQ-45GB> (дата обращения: 25.06.2020).
5. Council Regulation 1206/2001 [Электронный ресурс] // 2001. – O.J. (L 174) 1. – URL: <https://www.perma.cc/T6Z3-PWH2> (дата обращения: 20.04.2020).
6. Court Constitution Act [GVG] [Электронный ресурс] // Federal Law Gazette [BGBl.] – 1975. – 9 May. – I at 1077, as amended, § 12. – URL: <https://www.perma.cc/C34R-J8QY> (original), <https://www.perma.cc/9CDT-A3WA> (дата обращения: 25.07.2020).
7. COVID-19-Gesetz [Электронный ресурс] // BGBl. – 2020. – Nr. 16. – URL: <https://www.perma.cc/CCV2-62Z7> (дата обращения: 20.06.2020).
8. Federal constitutional law [B-VG] [Электронный ресурс] // Federal Law Gazette [BGBl.] – No. 1/1930 as promulgated in BGBl. – No. 194/1999, as amended, art. 92, para. 1. – URL: <https://www.perma.cc/93CR-JJ7W> (дата обращения: 25.07.2020).
9. Federal Ministry of constitutional affairs, reforms, deregulation and justice, IT applications in the Austrian justice system 35 [Электронный ресурс] // 2018. – Dec. – URL: <https://www.perma.cc/D8LN-JRJF> (дата обращения: 25.08.2020).
10. *Hendrik Schultzky*. Videokonferenzen im zivilprozess // Neue Juristische Wochenschrift [NJW]. – 2003. – Vol. 56. – P. 313, 314.
11. International Court of Arbitration. ICC guidance note on possible measures aimed at mitigating the effects of the COVID-19 pandemic [Электронный ресурс] // 2020. – Apr. 9. – URL: <https://www.perma.cc/MMQ4-TLFE> (дата обращения: 25.06.2020).
12. Jurisdiktionsnorm [JN], Reichsgesetzblatt [RGBL.] [Электронный ресурс] // Nr. 111/1895, as amended, § 1. – URL: <https://www.perma.cc/FPJ3-KW8J> (дата обращения: 20.06.2020).
13. *Musiela H.-J.* Kommentar zur zivilprozessordnung. – Verlag Franz Vahlen, 2019. – § 245.
14. See non-dispute proceedings, oesterreich.gv.at [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.perma.cc> (дата обращения: 10.06.2020).
15. Zivilprozessordnung [ZPO] [Электронный ресурс] // BGBl. – 2005. – Dec. 5. – I at 3202; BGBl. – 2006. – I at 431; BGBl. – 2007. – I at 1781, as amended, § 136. – URL: <https://www.perma.cc/F24M-2D2L> (original), <https://www.perma.cc/HT5P-X2FN> (дата обращения: 20.06.2020).

References

1. *Branovickij K.L., Renc I.G., Yarkov V.V.* Sudebnoe pravotvorchestvo v usloviyah pandemii koronavirusa: nonsens ili neobhodimost' // *Zakon*. – 2020. – № 5. – S. 107–117.
2. Konvenciya o zashchite prav cheloveka i osnovnykh svobod (zaklyuchena v Rime 04.11.1950) (s izm. ot 13.05.2004) (vmeste s Protokolom № 1 (podpisan v Parizhe 20.03.1952), Protokolom № 4 ob obespechenii nekotorykh prav i svobod pomimo tekhn, kotorye uzhe vklyucheny v Konvenciyu i pervyj Protokol k nej (podpisan v Strasburge 16.09.1963), Protokolom № 7 (podpisan v Strasburge 22.11.1984)) // *Sobranie zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii*. – 2001. – № 2. – St. 163.
3. *Annelie Kaufmann*. Richter, anwalt und zeuge beim Skype-chat, LTO [Elektronnyj resurs] // 2020. – Jan. 2. – URL: <https://www.perma.cc/7CKY-J4PV> (data obrashcheniya: 20.04.2020).
4. Consolidated Version of European small claims procedure regulation [Elektronnyj resurs] // 2007. – O.J. (L 199) 1, art. 8. – URL: <https://www.perma.cc/42MQ-45GB> (data obrashcheniya: 25.06.2020).
5. Council Regulation 1206/2001 [Elektronnyj resurs] // 2001. – O.J. (L 174) 1. – URL: <https://www.perma.cc/T6Z3-PWH2> (data obrashcheniya: 20.04.2020).
6. Court Constitution Act [GVG] [Elektronnyj resurs] // Federal Law Gazette [BGBl.] – 1975. – 9 May. – I at 1077, as amended, § 12. – URL: <https://www.perma.cc/C34R-J8QY> (original), <https://www.perma.cc/9CDT-A3WA> (data obrashcheniya: 25.07.2020).
7. COVID-19-Gesetz [Elektronnyj resurs] // BGBl. – 2020. – Nr. 16. – URL: <https://www.perma.cc/CCV2-62Z7> (data obrashcheniya: 20.06.2020).

8. Federal constitutional law [B-VG] [Elektronnyj resurs] // Federal Law Gazette [BGBl.] – No. 1/1930 as promulgated in BGBl. – No. 194/1999, as amended, art. 92, para. 1. – URL: <https://www.perma.cc/93CR-JJ7W> (data obrashcheniya: 25.07.2020).
9. Federal Ministry of constitutional affairs, reforms, deregulation and justice, IT applications in the Austrian justice system 35 [Elektronnyj resurs] // 2018. – Dec. – URL: <https://www.perma.cc/D8LN-JRJF> (data obrashcheniya: 25.08.2020).
10. *Hendrik Schultzky*. Videokonferenzen im zivilprozess // Neue Juristische Wochenschrift [NJW]. – 2003. – Vol. 56. – P. 313, 314.
11. International Court of Arbitration. ICC guidance note on possible measures aimed at mitigating the effects of the COVID-19 pandemic [Elektronnyj resurs] // 2020. – Apr. 9. – URL: <https://www.perma.cc/MMQ4-TLFE> (data obrashcheniya: 25.06.2020).
12. Jurisdiktionsnorm [JN], Reichsgesetzblatt [RGBL.] [Elektronnyj resurs] // Nr. 111/1895, as amended, § 1. – URL: <https://www.perma.cc/FPJ3-KW8J> (data obrashcheniya: 20.06.2020).
13. *Musielak H.-J.* Kommentar zur zivilprozessordnung. – Verlag Franz Vahlen, 2019. – § 245.
14. See non-dispute proceedings, oesterreich.gv.at [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.perma.cc> (data obrashcheniya: 10.06.2020).
15. Zivilprozessordnung [ZPO] [Elektronnyj resurs] // BGBl. – 2005. – Dec. 5. – I at 3202; BGBl. – 2006. – I at 431; BGBl. – 2007. – I at 1781, as amended, § 136. – URL: <https://www.perma.cc/F24M-2D2L> (original), <https://www.perma.cc/HT5P-X2FN> (data obrashcheniya: 20.06.2020).

УДК 347.985

О КОМПЕТЕНЦИИ И КОМПЕТЕНТНОСТИ СУДА ПО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПРАВАМ

Щербакова Лилия Геннадиевна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса,

e-mail: lilia2107@mail.ru,

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов,

Фомичева Регина Владимировна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры арбитражного процесса,

e-mail: rv302009@mail.ru,

Саратовская государственная юридическая академия, г. Саратов,

Свечникова Ирина Васильевна,

канд. юрид. наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса,

e-mail: irsvechnikova@yandex.ru,

Поволжский институт управления им. П.А. Столыпина, филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Саратов

Актуальность исследования обусловлена тем, что создание в системе арбитражных судов РФ Суда по интеллектуальным правам возобновило научную полемику о соотношении компетенции судов общей юрисдикции и арбитражных судов. Специализация судебной системы в настоящее время является приоритетным направлением судебной реформы, поэтому наука не может не исследовать вопросы компетенции и компетентности Суда по интеллектуальным правам. Целью является разработка модели разрешения дел об исключительных правах и арбитражного процессуального законодательства, чтобы на этой основе сформулировать предложения по совершенствованию арбитражного процессуального законодательства. Фундаментальную базу исследования составляет диалектический метод, в качестве иных методов исследования использовались общенаучные и специально-правовые, в том числе системный, сравнительно-правовой и др. В результате были исследованы особенности содержания правовых категорий «компетенция» и «компетентность» Суда по интеллектуальным правам как специализированного судебного органа. Проведен анализ критериев разграничения компетенции между смежными органами. Показаны общие проблемы в сфере реализации Судом по интеллектуальным правам своих полномочий по рассмотрению дел в рамках существующей компетенции. Доказана необходимость изменения состава Суда по интеллектуальным правам путем введения института арбитражных заседателей. Представляется целесообразной научная разработка понятия «компетенция суда по интеллектуальным правам» – это совокупность подведомственности и подсудности дела указанному суду, а критерием разграничения подведомственности спора служат предмет спора и его субъектный состав. Такое определение компетенции позволит разграничить полномочия судебных органов.

Ключевые слова: арбитражный суд, суд по интеллектуальным правам, компетенция суда, состав суда, компетентность суда

ON THE JURISDICTION AND COMPETENCE OF THE INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS COURT

Shcherbakova L.G.,

candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the arbitrarily process department,

e-mail: lilia2107@mail.ru,

Saratov State Law Academy, Saratov,

Fomicheva R.V.,

candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the arbitrarily process department,

e-mail: rv302009@mail.ru,

Saratov State Law Academy, Saratov,

Svechnikova I.V.,

*candidate of legal sciences, associate professor, associate professor of the civil law and procedure department,
e-mail: irsvechnikova@yandex.ru,*

*Povolzhsky Institute of Management named after P.A. Stolypin, the branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration, Saratov*

The relevance of the present research is served by the fact that creation of intellectual property rights court in the system of arbitrary courts in RF reopened scientific discussion about the correlation between the jurisdiction of the regular courts and arbitrary courts. Nowadays specialization of judiciary is being prior area of the judicial reform, that's why issues of jurisdiction and competence of the intellectual property rights court are included into the scientific discourse. Objective: is to develop a model for resolving cases of exclusive rights and arbitration procedural legislation in order to formulate proposals on this basis for improving arbitration procedural legislation. The fundamental basis of the research is built upon dialectical method. The authors also use the other methods of the research which are general scientific and special legal methods including systematic, comparative legal ones, etc. Results: the article examines the features of the content of the legal categories "competence" and "competence" of the intellectual property Court as a specialized judicial body. The analysis of criteria for dividing competence between related bodies is carried out. It shows the General problems in the sphere of implementation by the intellectual property Court of its powers to consider cases within the existing competence. The necessity of changing the composition of the intellectual property Court by introducing the institution of arbitration assessors is proved. It seems appropriate to develop the concept of competence of the court of intellectual rights-a set of jurisdiction and jurisdiction of the case to the specified court, and the criterion for distinguishing the jurisdiction of the dispute is the subject of the dispute and its subject matter. This definition of competence will help to differentiate the powers of the judiciary.

Keywords: arbitrary court, intellectual property rights court, jurisdiction of the court, composition of the court, court competence

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-41-48

Круг дел, который правомочен рассматривать Суд по интеллектуальным правам как специализированный орган в системе арбитражных судов РФ, является проблемным вопросом науки и практики. Определение его через специализированную категорию дел, которые вправе рассматривать суд, субъектный состав участников процесса и характер спора достаточно распространено в науке и основывается на законе.

В практике существуют дела, вытекающие из интеллектуальных прав, которые правомочны рассматривать суды общей юрисдикции и арбитражные суды, а не специализированный юрисдикционный орган. Именно разграничение компетенции между юрисдикционными органами и поиск правомочного для рассмотрения спора суда является основным проблемным вопросом науки и практики.

Специализация судебной системы в настоящее время является приоритетным направлением судебной реформы, поэтому наука не может не исследовать вопросы компетенции судов.

Само понятие компетенции пришло в теорию процесса из административного права. Слово «компетенция» в переводе с латыни означает «добиваться, соответствовать, походить». Большой юридический словарь определяет компетенцию как совокупность юридически установленных полномочий, прав и обязанностей конкретного органа или должностного лица, определяющую его место в системе государственных органов (органов местного самоуправления).

Компетенция как категория структуры правовой системы представляет собой правовое средство, позволяющее определить роль и место конкретного субъекта в управленческом процессе путем законодательного закрепления за ним определенного объема публичных дел. При этом указанный объем закрепляется в формате прав и обязанностей, которые имеют единую структуру. Концепция «права – обязанности» разработана в литературе и применительно к деятельности арбитражных судов [3, с. 83].

Научные дискуссии относительно необходимости принятия единого процессуального закона не привели к унификации процесса. Это обусловлено объективными обстоятельствами – разница предметной компетенции судов существенна, и арбитражное правосудие отличается значительной спецификой. В контексте Суда по интеллектуальным правам можно говорить о том, что он подчиняется всем

тем же нормам арбитражного правосудия, что и суды подсистемы арбитражного правосудия, поэтому некая легальная обособленность может служить только следствием отдельной компетенции этого суда.

На наш взгляд, узкий легальный подход к компетенции, отрицающий достижения юридической науки прошлых лет, является недопустимым. Полагаем, что применительно к специализированным судам в юридической литературе вполне целесообразно употребление термина «подведомственность» в его традиционном процессуальном смысле.

В качестве аргумента приводится то, что предметный и субъектный критерии подведомственности не работают в условиях единой судебной системы. Однако арбитражные суды все еще рассматривают исключительно споры экономического характера. Тем более, на наш взгляд, не приемлемо изымать понятие подведомственности из теории исследования компетенции Суда по интеллектуальным правам.

Под предметным характером понимался экономический характер спора. В.С. Анохин замечает, что категория «задачи арбитражного правосудия», в том числе и специализированного, коррелирует такому понятию, как экономический характер спора. Ранее в литературе данное понятие именовали также предпринимательским характером спора. Однако современное арбитражное правосудие вышло за рамки сугубо предпринимательских споров. Деятельность Суда по интеллектуальным правам в этом отношении наиболее показательна – он рассматривает категории дел по предметной подведомственности без учета наличия или отсутствия в процессе участников, имеющих статус физического лица.

Задачи Суда по интеллектуальным правам соотносятся с целью правосудия в целом. Данный орган защищает интеллектуальные интересы, которые могут быть нарушены. Эти задачи вполне соответствуют общей цели и задачам арбитражного правосудия [2, с. 32–37].

Анализ предметного критерия компетентности позволяет утверждать, что «в ранее действующем законодательстве разграничение дел осуществлялось по смежному критерию относимости спора к предпринимательской и иной экономической деятельности. Фактически арбитражные суды принимали к своему рассмотрению исключительно дела, возникающие из экономической сферы, субъекты которой нацелены на систематическое извлечение прибыли. “Иные виды экономической деятельности” нуждались в более четком легальном определении, и в ходе судебной реформы законодатель охарактеризовал их, определив споры из акционерных, корпоративных и банкротных отношений в качестве исключительной сферы компетенции арбитражных судов. В результате реформирования к этим категориям споров и дел добавились и дела из интеллектуальных прав, рассматриваемые как в порядке искового, так и в формате административного производства» [1, с. 69].

Теоретическая конструкция компетентности включала в себя помимо прочего и субъектный критерий.

Анализируя АПК РФ 1995 года, В.М. Шерстюк отмечает, что физические лица могут быть привлечены к участию в деле, если это необходимо для полного и всестороннего рассмотрения арбитражного спора [5, с. 101]. Постепенно такие лица становятся полноценными участниками экономического судопроизводства. Их участие или неучастие в деле больше не влияет на место его рассмотрения, если в деле присутствует весь необходимый предметный состав. Иначе говоря, прежние критерии подведомственности размываются [14, с. 69]. Применительно к Суду по интеллектуальным правам закон определяет виды категорий дел, которые он рассматривает. Понятие подсудности же относительно Суда по интеллектуальным правам имеет смысл только применительно к делам, которые он рассматривает по первой и кассационной инстанции, а само по себе оно представляется абстрактным. Создание Суда по интеллектуальным правам явилось ответом на множественные нарушения авторских и изобретательских прав, которые имеют место в современной России. Суд достаточно сложно создавался, от его формального утверждения и принятия закона до формирования составов и начала деятельности прошло несколько лет. В настоящее время Суд по интеллектуальным правам функционирует в полном объеме и наработал свою практику. Его компетенция может быть оценена в большей степени по предметному, а не по субъектному критерию, что соответствует деятельности специализированных судов. Предметная компетенция определяется как защита интеллектуальных прав. В ходе реформы гражданского законодательства сфера интеллектуальной собственности была значительно расширена.

Изменения в законодательстве затронули сферу интернет-правоотношений и привели к тому, что музыкальные файлы и информация, опубликованные на сайтах в сети Интернет, также стали предметом деятельности Суда по интеллектуальным правам. Законодатель жестко ограничивает компетенцию

Суда исключительно делами по интеллектуальным правам, что соответствует цели деятельности суда. Его основной задачей является обеспечение единообразной судебной практики в сфере интеллектуальных прав. Специализация суда предполагает привлечение к рассмотрению дел не только профессиональных судей, специализирующихся на интеллектуальном праве, но и специалистов, обладающих необходимым объемом научных, технических и прикладных знаний, позволяющих рассматривать данную сложную категорию дел [13].

Главный практический вопрос – это разграничение компетенции по рассмотрению споров и дел из интеллектуальных прав между звеньями судебной системы. Статья 43.4 ФКЗ «Об арбитражных судах»¹ содержит перечень дел, которые подведомственны Суду по интеллектуальным правам.

Она также определяет круг субъектов, которые могут участвовать в процессе в специализированном суде: участниками процесса могут быть носители перечисленных в указанной статье прав, а также государственные и муниципальные органы и должностные лица этих органов, имеющие право в рамках своей компетенции выносить акты, затрагивающие данные правоотношения [12, с. 88].

Территориальная подсудность определяет, что обозначенные дела могут рассматриваться только в единственном Суде по интеллектуальным правам и пересматриваться в кассационном порядке там же. Таким образом, компетенция Суда по интеллектуальным правам – это совокупность подведомственности и подсудности дела указанному суду, а критерием разграничения подведомственности спора служат предмет спора и его субъектный состав. Такое определение компетенции позволит разграничить полномочия судов общей юрисдикции, арбитражных судов и Суда по интеллектуальным правам по рассмотрению и разрешению споров, связанных с интеллектуальными правами.

Таким образом, теоретическое понятие компетенции Суда по интеллектуальным правам может быть определено как установленные в законе полномочия суда по рассмотрению и разрешению круга дел, закрепленных в его ведении. Разграничение между компетенцией арбитражных судов, судов общей юрисдикции и Суда по интеллектуальным правам происходит по критериям субъектного состава, предмета спора и сути спора. Это соответствует не только теоретическому понятию подсудности, но и подведомственности, которая в настоящее время легально не определена. Полагаем, что для целей науки использование понятия подведомственности дела Суду по интеллектуальным правам является достаточно обоснованным. Данная категория могла бы определить предметную и субъектную области компетенции данного органа.

Что касается компетентности Суда по интеллектуальным правам, необходимо отметить, что одним из решающих факторов создания данного суда выступала острая необходимость в органе, способном рассмотреть спор качественно не только с правовой точки зрения, но и с учетом специфики того или иного интеллектуального права, подлежащего защите [11]. При этом обращалось внимание на использование специальных знаний, для получения которых Суд по интеллектуальным правам может воспользоваться несколькими способами. Рассмотрим их более подробно.

Как известно, наряду с созданием специализированного суда законодатель ввел в арбитражное процессуальное законодательство нового субъекта процесса – специалиста. Однако правовой статус данного участника арбитражного процесса в полной мере не определен.

Нормы арбитражного процессуального законодательства указывают, что специалист – это лицо, обладающее необходимыми знаниями по соответствующей специальности, осуществляющее консультации по касающимся рассматриваемого дела вопросам. Согласно ст. 55.1 АПК РФ обязанность специалиста в арбитражном процессе состоит в явке в суд для участия в судебном заседании, в ходе которого он отвечает на поставленные перед ним вопросы, дает консультации и пояснения. В соответствии с нормами ст. 87.1 АПК РФ консультация дается специалистом в устной форме без проведения специальных исследований, назначаемых на основании определения арбитражного суда [11].

При этом следует обратить внимание на то, что специалистов привлекают, если требуется именно получение разъяснений, консультаций, выяснение профессионального мнения лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого спора [8].

¹ Об арбитражных судах в Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1995. – № 18. – Ст. 1589.

Согласно п. 5 ст. 45 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации» для целей изучения специальных вопросов, возникающих при рассмотрении конкретных дел, относящихся к компетенции специализированного арбитражного суда, в его аппарате формируется группа советников, обладающих квалификацией, соответствующей специализации данного суда.

С учетом этого советник аппарата специализированного суда вправе готовить для судьи информацию о круге научных знаний, необходимых для изучения возникающих при рассмотрении конкретного дела технических и естественно-научных вопросов. Его мнение по правовому вопросу суд не запрашивает, а в случае наличия в его мнении таких выводов – не учитывает [9].

Вместе с тем в научной литературе дается неоднозначная оценка деятельности специалиста в арбитражном процессе. Некоторые ученые называют его «суфлером суда» [4, с. 20], обосновывая свою точку зрения указанием на устную форму консультации и отсутствие указания на предупреждение об уголовной ответственности.

Несомненно, привлеченный специалист (в том числе и советник аппарата специализированного арбитражного суда), обладающий квалификацией, соответствующей специализации суда, не может делать правовых выводов, давая консультацию в пределах своих профессиональных знаний [4].

Таким образом, можно сделать вывод о том, что роль указанного субъекта в арбитражном процессе – оказание помощи суду в оценке экспертизы, восполнение специальных знаний [4, с. 76].

Следующим способом получения специальных знаний является запрос. Суду по интеллектуальным правам как специализированному арбитражному суду на основании ч. 1.1 ст. 16 АПК РФ в целях получения разъяснений, консультаций и выяснения профессионального мнения ученых, специалистов и прочих лиц, обладающих теоретическими и практическими познаниями по существу разрешаемого специализированным арбитражным судом спора, предоставлено право направлять запросы [4].

При этом в научной литературе выделяют два вида запросов:

- 1) направленный Судом по интеллектуальным правам при рассмотрении им дела в качестве суда в первой инстанции;
- 2) направленный Судом по интеллектуальным правам при рассмотрении им дела в кассационной инстанции [10, с. 77].

Что касается запросов первого вида, то он направляется Судом по интеллектуальным правам при рассмотрении им дела в качестве суда первой инстанции, при этом перед учеными, специалистами и иными лицами, обладающими теоретическими и практическими познаниями, могут быть поставлены любые вопросы, в том числе требующие специальных знаний в области науки и техники, круг и содержание которых определяются судом.

Второй вид запроса может направляться, а полученный ответ оцениваться с соблюдением правил ч. 2 ст. 287 АПК РФ, согласно которым суд кассационной инстанции, в частности, не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены в решении или постановлении либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими.

Направление такого запроса с учетом положений ч. 1 ст. 286 АПК РФ может иметь целью подтверждение (опровержение) правильности применения судом норм права при рассмотрении дела и принятии обжалуемого судебного акта.

Данная форма получения специальных знаний также способствует обеспечению более правильного разрешения дела Судом по интеллектуальным правам.

Однако, как отмечается в научной литературе, консультация специалиста и запрос Суда по интеллектуальным правам не способны качественно изменить ситуацию, связанную с правовой защитой в данной сфере, поскольку судьи, имеющие юридическое образование, будут испытывать затруднения при формулировании вопросов к специалистам и составлении запроса, необходимо решение кадрового вопроса путем проведения специализации судей [4, с. 79].

Особенности объектов интеллектуальной собственности таковы, что квалифицированное рассмотрение и разрешение возникшего спора требует наличия у судей не только правовых, но и технических, а иногда и естественно-научных знаний [10, с. 174].

Уже изначально при создании Суда по интеллектуальным правам законодатель предпринимал попытку разрешить эту проблему. Так, согласно Закону РФ от 26 июня 1992 г. № 3132 «О статусе судей в Российской Федерации»² помимо общих требований, предъявляемых к кандидату на должность судьи, установленных Законом о статусе судей, лицо, претендующее на должность судьи Суда по интеллектуальным правам, должно достичь возраста 30 лет и иметь стаж работы по юридической специальности не менее 7 лет. В этом отношении требования к кандидату соответствуют тем, которые предъявляются к лицам, претендующим на должность судьи федерального арбитражного суда округа или арбитражного апелляционного суда. При этом в случае, если вакантной должности судьи специализированного арбитражного суда соответствует несколько кандидатов, учитывается также наличие у кандидатов специальности и (или) квалификации, соответствующих специализации суда. Таким образом, обладание претендентом на должность судьи Суда по интеллектуальным правам специальными знаниями является приоритетным.

Наличие у судьи Суда по интеллектуальным правам специальности и (или) квалификации, соответствующей специализации суда, благотворно скажется на качестве принимаемых им решений, однако не возникает ли при этом смешение различных процессуальных функций: профессионального судьи и эксперта [9, с. 176]?

Вместе с тем в настоящее время в арбитражном процессе существует уникальный институт – арбитражные заседатели.

Согласно действующему законодательству арбитражными заседателями арбитражных судов субъектов Российской Федерации являются граждане Российской Федерации, наделенные в порядке, установленном Федеральным законом, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами субъектов Российской Федерации в первой инстанции отнесенных к их компетенции дел, возникающих из гражданских правоотношений³. Арбитражные заседатели принимают участие в рассмотрении дела и принятии решения наравне с профессиональными судьями. Как указано в Законе, регламентирующем деятельность данных участников процесса, при осуществлении правосудия они пользуются правами и несут обязанности судьи.

В соответствии с нормами законодательства арбитражными заседателями могут быть граждане, достигшие возраста 25 лет, но не старше 70 лет, с безупречной репутацией, имеющие высшее образование и стаж работы в сфере экономической, финансовой, юридической, управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет (ст. 2).

В научной литературе неоднократно отмечалась необходимость внедрения института арбитражных заседателей в число участников Суда по интеллектуальным правам. Однако конкретных предложений, направленных на реализацию данного тезиса, не вносилось [4, с. 21; 6, с. 174; 10, с. 79].

На наш взгляд, введение института арбитражных заседателей в Суд по интеллектуальным правам является единственным выходом из сложившейся непростой ситуации.

Исходя из этого, мы считаем необходимым внесение следующих изменений в Федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации»:

1) из названия Закона следует исключить словосочетание «субъектов Российской Федерации», тем самым будет снято ограничение для участия арбитражных заседателей в иных арбитражных судах, в том числе специализированных. Данное положение позволит исключить коллизии, которые могут возникнуть в будущем в случае, если в системе арбитражных судов будут созданы специализированные суды помимо Суда по интеллектуальным правам;

2) часть 1 ст. 1 целесообразно изложить в следующей редакции: «Арбитражными заседателями арбитражных судов являются граждане Российской Федерации, наделенные в порядке, установленном настоящим Федеральным законом, полномочиями по осуществлению правосудия при рассмотрении арбитражными судами Российской Федерации в первой инстанции отнесенных к их компетенции дел, возникающих из гражданских правоотношений»;

² О статусе судей в Российской Федерации: Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132 // Ведомости СНД и ВС РФ. – 1992. – № 30. – Ст. 1792.

³ Федеральный закон от 30 мая 2001 г. 70-ФЗ «Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2001. – № 23. – Ст. 2288.

3) часть 1 ст. 2 целесообразно изложить в следующей редакции: «Арбитражными заседателями могут быть граждане, достигшие 25 лет, но не старше 70 лет, с безупречной репутацией, имеющие высшее образование и стаж работы в сфере естественных, технических наук, а также экономической, финансовой, юридической и управленческой или предпринимательской деятельности не менее пяти лет».

Таким образом, на наш взгляд, нет необходимости «нагружать» судей обязанностью «владения специальными познаниями», следует использовать уже имеющиеся, хорошо зарекомендовавшие себя институты арбитражного процесса.

На основании проведенного исследования компетенции Суда по интеллектуальным правам как его полномочий по рассмотрению и разрешению круга дел, закрепленных в его ведении, а также компетентности как органа, обладающего исключительными инструментами по разрешению особой категории дел, можно сделать вывод о том, что действующее законодательство не позволяет ему реализовать поставленные при его создании задачи.

Список литературы

1. Анохин В.С. Эффективность правосудия в сфере экономики: состояние и перспективы улучшения // Российская юстиция. – 2010. – № 2. – С. 32–37.
2. Бурганов Б.Р. Экономический спор как правовая категория арбитражного процессуального законодательства // Электронный журнал Арбитражного суда Поволжского округа. – 2018. – № 6. – С. 10–14.
3. Елисейкин П.Ф., Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел // Правоведение. – 1975. – № 1. – С. 130–133.
4. Еременко В.И. О создании в Российской Федерации Суда по интеллектуальным правам // Законодательство и экономика. – 2012. – № 8. – С. 9–23.
5. Комментарий к постановлениям Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации по вопросам арбитражного процессуального права / В.М. Шерстюк. – 2-е изд. – М.: Акад. нар. хозяйства при Правительстве Рос. Федерации: Дело, 2001. – 206 с.
6. Михайлов С.М., Михайлов Л. Владение специальными знаниями как гарантия независимости судей Суда по интеллектуальным правам // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 5 (54). – С. 173–177.
7. Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 60 «О некоторых вопросах, возникших в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.
8. Постановление Пленума ВАС РФ от 8 октября 2012 г. № 59 «О некоторых вопросах, возникающих в связи с принятием Федерального закона от 08 декабря 2011 г. № 422-ФЗ “О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с созданием в системе арбитражных судов Суда по интеллектуальным правам”» // Вестник ВАС РФ. – 2012. – № 12.
9. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 23 сентября 2019 г. С01-871/2019 по делу № А50-32881 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SI&n=53652#09973658945282318> (дата обращения: 20.04.2020).
10. Право интеллектуальной собственности: актуальные проблемы: монография / Е.А. Моргунова, С.М. Михайлов, А.А. Рябов; под общ. ред. Е.А. Моргуновой. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2014. – 176 с.
11. Проект федерального конституционного закона «О внесении изменений в федеральные конституционные законы “О судебной системе Российской Федерации” и “Об арбитражных судах в Российской Федерации”» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/902314840> (дата обращения: 20.04.2020).
12. Рожкова М.А. Вправе ли Суд по интеллектуальным правам запрашивать правовые заключения или все же *ius novit curia*? // Закон. – 2016. – № 3. – С. 88–94.
13. Справка «О некоторых вопросах привлечения специалистов и направления запросов судом по интеллектуальным правам» (утверждена постановлением Президиума Суда по интеллектуальным правам от 14 ноября 2014 г. № СП-21/90) // СПС КонсультантПлюс.
14. Фомичева Р.В., Щербакова Л.Г., Казакова С.П. О некоторых вопросах реформирования цивилистического процессуального законодательства // Вестник Российской правовой академии. – 2019. – № 2. – С. 67–74.

References

1. *Anohin V.S.* Effektivnost' pravosudiya v sfere ekonomiki: sostoyanie i perspektivy uluchsheniya // Rossijskaya yusticiya. – 2010. – № 2. – S. 32–37.
2. *Burganov B.R.* Ekonomicheskij spor kak pravovaya kategoriya arbitrazhnogo processual'nogo zakonodatel'stva // Elektronnyj zhurnal Arbitrazhnogo suda Povolzhskogo okruga. – 2018. – № 6. – S. 10–14.
3. *Elisejkin P.F., Osipov Yu.K.* Podvedomstvennost' yuridicheskikh del // Pravovedenie. – 1975. – № 1. – S. 130–133.
4. *Eremenko V.I.* O sozdanii v Rossijskoj Federacii Suda po intellektual'nym pravam // Zakonodatel'stvo i ekonomika. – 2012. – № 8. – S. 9–23.
5. Kommentarij k postanovleniyam Plenuma Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii po voprosam arbitrazhnogo processual'nogo prava / V.M. Sherstyuk. – 2-e izd. – M.: Akad. nar. hozyajstva pri Pravitel'stve Ros. Federacii: Delo, 2001. – 206 s.
6. *Mihajlov S.M., Mihajlov L.* Vladienie special'nymi znaniyami kak garantiya nezavisimosti sudej Suda po intellektual'nym pravam // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2015. – № 5 (54). – S. 173–177.
7. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 8 oktyabrya 2012 g. № 60 «O nekotoryh voprosah, vznikshih v svyazi s sozdaniem v sisteme arbitrazhnyh sudov Suda po intellektual'nym pravam» // Vestnik VAS RF. – 2012. – № 12.
8. Postanovlenie Plenuma VAS RF ot 8 oktyabrya 2012 g. № 59 «O nekotoryh voprosah, vznikayushchih v svyazi s prinyatiem Federal'nogo zakona ot 08 dekabrya 2011 g. № 422-FZ “O vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii v svyazi s sozdaniem v sisteme arbitrazhnyh sudov Suda po intellektual'nym pravam”» // Vestnik VAS RF. – 2012. – № 12.
9. Postanovlenie Suda po intellektual'nym pravam ot 23 sentyabrya 2019 g. S01-871/2019 po delu № A50-32881 [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=SIP&n=53652#09973658945282318> (data obrashcheniya: 20.04.2020).
10. Pravo intellektual'noj sobstvennosti: aktual'nye problemy: monografiya / E.A. Morgunova, S.M. Mihajlov, A.A. Ryabov; pod obshch. red. E.A. Morgunovoj. – M.: Norma: INFRA-M, 2014. – 176 s.
11. Proekt federal'nogo konstitucionnogo zakona «O vnesenii izmenenij v federal'nye konstitucionnye zakony “O sudebnoj sisteme Rossijskoj Federacii” i “Ob arbitrazhnyh sudah v Rossijskoj Federacii”» [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.docs.cntd.ru/document/902314840> (data obrashcheniya: 20.04.2020).
12. *Rozhkova M.A.* Vprave li Sud po intellektual'nym pravam zaprashivat' pravovye zaklyucheniya ili vse zhe jura novit curia? // Zakon. – 2016. – № 3. – S. 88–94.
13. Spravka «O nekotoryh voprosah privlecheniya specialistov i napravleniya zaprosov sudom po intellektual'nym pravam» (utverzhdena postanovleniem Prezidiuma Suda po intellektual'nym pravam ot 14 noyabrya 2014 g. № SP-21/90) // SPS Konsul'tantPlyus.
14. *Fomicheva R.V., Shcherbakova L.G., Kazakova S.P.* O nekotoryh voprosah reformirovaniya civilisticheskogo processual'nogo zakonodatel'stva // Vestnik Rossijskoj pravovoj akademii. – 2019. – № 2. – S. 67–74.

УДК 347.19

ВОЗНИКНОВЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИНСТИТУТА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Челдин Артем Владимирович,
студент 3-го курса юридического факультета,
e-mail: azaleavas@mail.ru,
Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье рассматриваются особенности возникновения и развития института предпринимательства. Цель исследования выражается в необходимости изучения возникновения и развития института предпринимательства. Автор указывает на особенности предпринимательской деятельности, начиная с Древней Руси и заканчивая развалом СССР.

Ключевые слова: предпринимательство, предпринимательская деятельность, торговое население, купечество

EMERGENCE AND DEVELOPMENT OF THE INSTITUTE OF ENTREPRENEURSHIP

Cheldin A.V.,
student of the 3rd faculty of law,
e-mail: azaleavas@mail.ru,
Moscow Witte University, Moscow

The purpose of the research is expressed in the need to study the emergence and development of the Institute of entrepreneurship. The article discusses the features of the emergence and development of the Institute of entrepreneurship. The author points out the features of entrepreneurial activity starting from Ancient Russia and ending with the collapse of the USSR.

Keywords: entrepreneurship, business activity, commercial population, merchants

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-49-52

Развитие предпринимательской деятельности в России произошло на фоне падения СССР и перехода нашей страны к рыночным механизмам в экономике вместо плановых. Принципы рыночной экономики были отражены даже на конституционном уровне, что указывает о значимости данного социального института.

Предпринимательская деятельность в Киевской Руси в своей основе являлась, прежде всего, торговлей, а не производством товаров. Это объясняется в основном очень небольшим удельным весом горожан среди населения и слабыми внутриэкономическими связями русских земель.

Положение купечества регулировалось в древнерусских законах («Русская Правда» Ярослава Мудрого, «Пространная Правда» Владимира Мономаха), но статус купцов в полной мере не был определен.

Среди русских князей XIV–XV столетий наибольшую хозяйственную активность проявляли московские князья – Иван I Калита и его дети. Московские князья умело сочетали политическую деятельность по присоединению земель к своему княжеству с предпринимательской активностью.

К сожалению, не сохранилось практически никаких исторических документов и других свидетельств о причинах роста материального благополучия Московского княжества. Сам московский князь стал и политиком, и предпринимателем в одном лице.

По словам В.О. Ключевского, «В Северной Руси привыкли смотреть на московского князя как на образцового хозяина, а на Московское княжество – как на самый благоустроенный удел» [3, с. 7].

Одним из важнейших торговых партнеров России в это время была созданная в 1554 году Московская компания английских купцов, имевшая многие привилегии в торговле. Царь Иван IV настойчиво стремился выйти за пределы чисто торговых и установить политические отношения с Англией и

лично с королевой Елизаветой. Но идея создания англо-русского политического союза была отклонена английской стороной.

В конце XVI века царь и его окружение сформировали из числа купцов три небольшие группы наиболее богатых торговцев и создали корпорации.

Наивысшее положение занимали государевы гости, получавшие жалованную грамоту от царя. Звание «гостя» обязывало предпринимателя переселиться в Москву, если он жил в другом городе.

Они были освобождены от государственных повинностей (тягла), могли быть судимы лично царем, могли приобретать вотчины и поместья.

Раз в пять лет гости должны были выполнять поручения дипломатического или иного характера. В эту корпорацию попадали в строго индивидуальном порядке, после тщательного отбора [3, с. 8].

Торговое население (основная часть предпринимателей занималась торговлей) возрастало за счет притока посадских и крестьян. Численность привилегированных торговцев из гостиной и суконной сотни сокращалась с 608 чел. в XVI веке до 287 чел. в середине XVII в. Общий рост предпринимателей происходил за счет увеличения числа небогатых торговцев, а не привилегированных, которым все сложнее было платить налоги и выполнять повинности. В XVII столетии многие представители высшего купечества разоряются (XVI в. – 70 чел., сер. XVII в. – 30 чел.) [Там же].

Это говорило о том, что в государстве далеко не всегда создавались условия для предпринимательской деятельности, для сохранения и умножения капиталов их владельцами¹. Институт частной собственности в Московском государстве в этот исторический период не сформировался, главные законы государства (Соборное уложение 1649 г.) не защищали имущество и капиталы предпринимателей, что, соответственно, не способствовало появлению среднего сословия, как в ряде стран Западной Европы.

С целью защиты русских купцов от конкуренции со стороны иностранцев правительство принимает торговый устав 1653 года и Новоторговый устав 1667 года. Автором устава 1667 года был А.Л. Ордин-Нащокин, глава Посольского приказа, крупный государственный деятель 1660–1670-х годов. А.Л. Ордин-Нащокин стремился оказать поддержку купцам со стороны государства, был активным сторонником меркантилизма.

Реформы Петра I в начале XVIII столетия серьезно изменили структуру предпринимательского мира и привели к упадку одних центров торговли и появлению новых.

Купечество Поволжья (в Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Балахне и др. городах), владевшее крупным торговым капиталом, продавая местную продукцию, терпит значительные убытки из-за переноса столицы в Петербург и развития балтийского направления торговли с Западной Европой.

В середине XVIII столетия государство создает благоприятный финансовый климат, в первую очередь, для дворян: 13 мая 1754 года в Петербурге и Москве учреждены государственные Заемные банки при Сенате и Банк при Санкт-Петербургском порте. Тем самым поддерживалось, прежде всего, дворянство, сословие, не отличавшееся коммерческой активностью.

В этот период существенно возросло количество крепостных крестьян и, соответственно, окрепли позиции дворянства.

Дворяне получили монопольное право на винокурение и откупа. В это время возникло много вотчинных мануфактур, где эксплуатировали крестьян. Вместе с тем, после подавления восстания Пугачева Указом 1782 года вводится свободная торговля на всей территории государства. Мелкие торговцы получают право открывать лавки в собственных домах и вести торговлю, что ускоряло товарооборот и повышало общую прибыль от торговых операций.

По Указу 25 мая 1775 года («Жалованная грамота городам») купечество становилось самостоятельным сословием, объединенным по размерам капитала в три гильдии. Каждая гильдия получала статус и определенные привилегии. Но в купеческое сословие могли попасть крестьяне, мещане и представители некоторых других социальных групп населения, дворянству запрещалось заниматься торговой деятельностью и записываться в купеческие гильдии.

¹ Бессолицын А.А. История российского предпринимательства: учебник для студ. высш. учеб. заведений, обучающихся по направлению 050400 «Социально-экономическое образование». – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Синергия, 2013. – 399 с. – С. 128.

Политику Екатерины II можно назвать экономическим либерализмом, при котором в 1770–1780-х годах для каждого сословия, кроме крестьян, старались создать благоприятные экономические условия.

По условиям Манифеста 1807 года Александр I дарит купечеству новые выгоды, преимущества и льготы, но и настоятельно советует дворянам входить в торговые товарищества и записываться в гильдии. У руководства страны существовало желание объединить капиталы купцов и тем самым увеличить объемы производства и торговли. Но это направление политики оказалось неперспективным [6, с. 35].

Российская империя первой половины XIX столетия не была экономически развитым государством, т.к. большая часть населения, 90 %, занималась малопроизводительным сельскохозяйственным трудом.

В промышленности России господствовали три типа мануфактур: крепостная или вотчинная, по-сессионная и вольнонаемная. Наиболее успешно (с высокими прибылями) развивались вольнонаемные мануфактуры, на которых производились хлопчатобумажные ткани (Морозовы, Лямины, Коншины), шелк, кожи, сахар (Кондрашевы).

Созданные властями в 1820-е годы Мануфактурный совет и Коммерческий совет оказались бюрократическими структурами и не развивали российскую промышленность.

В случавшихся в дореформенной России противостояниях между предпринимателями и представителями власти (министрами, крупными чиновниками), выигрывали часто именно последние. Это свидетельствовало о всемогуществе российской бюрократической машины. Характерным примером может служить судьба известного московского купца Василия Варгина (1791–1859), первого монополиста среди русских купцов, поставлявшего холсты для русской армии с 1808 по 1829 годы. В 1830 году с подачи военного министра А.И. Чернышева было заведено уголовное дело о финансовых нарушениях со стороны Варгина, и он был заключен по ложному обвинению в Петропавловскую крепость, а затем сослан в Выборг [1, с. 280].

У российского капитализма 2-й половины XIX века появилась такая отличительная черта, как «русская некультурность», что выражалось в почти отсутствии защиты прав наемных работников, низкой заработной платой, увеличении рабочего дня, обеспечивших более высокую, чем в Европе, эксплуатацию рабочих [4, с. 376].

Показательным событием была стачка рабочих Морозовской мануфактуры в 1885 году, после которой при вмешательстве государства создается система фабричных инспекторов, трудовых договоров о найме на работу и ряд других нововведений в трудовом законодательстве.

Большая часть рабочих, участвовавших в стачке, была оправдана на открытом судебном процессе [5, с. 210].

Ряд серьезных проблем экономического и социального характера, которые приобрели угрожающие масштабы в России на рубеже XIX–XX веков, решает С.Ю. Витте. Будучи министром финансов в 1893–1903 годах, С.Ю. Витте изменяет устав Крестьянского банка, основанного в 1882 году, чтобы банк помогал развитию «мелкой земельной собственности крестьян» [2, с. 160]. В итоге предлагает покупать на средства банка земли помещиков и, предварительно разделив на участки, перепродавать их крестьянам, призывает к введению бессрочной земельной аренды для крестьян.

Политику С.Ю. Витте по отношению к отечественной промышленности можно назвать протекционистской: главная задача заключалась в ограждении российской промышленности и торговли от иностранной конкуренции, от ввоза иностранных машин и станков, прежде всего, из Германии. Подобная политика по ограничению ввоза проводилась Петром.

Рост благосостояния предпринимателей и их процветание зависели от политики правительства и царского двора: они определяли цены на продукцию винокурения, следили за работой сахарных заводов, устанавливали тарифы для перевозки товаров на казенных железных дорогах и т.д. Правительство и правящие верхи Российской империи размещали казенные заказы лишь на определенных предприятиях. Как писал исследователь А. Ерманский, везде и всюду было желание задеть предпринимателей «зубцами колеса бюрократической машины» [3, с. 14].

К началу XX века Российская империя была страной с высокими темпами развития промышленности, но основная масса населения проживала в сельской местности, где господствовал неэффективный способ земледелия, что серьезно тормозило превращение страны из аграрной в индустриальную. Развитию предпринимательства мешал бюрократический аппарат и неразвитая законодательная система.

В Советской России предпринимательство было фактически запрещено. Зарождение предпринимательства в СССР связано с «перестройкой».

Список литературы

1. *Бурыйшкин П.А.* Москва купеческая. – М.: Эксмо, 2015. – 380 с.
2. *Ильин С.В.* Витте. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 509 с.
3. *Некрасов И.А.* Взаимоотношения власти и предпринимательства в истории России (от Киевской Руси до XX столетия) // 21 век: фундаментальная наука и технологии: материалы XXII Международной научно-практической конференции. – North Charleston, 2020. – С. 6–15.
4. *Туган-Барановский М.И.* Избранное. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. – М.: Наука, 1997. – 735 с.
5. *Федорец А.И.* Савва Морозов. – М.: Молодая гвардия, 2013. – 348 с.
6. *Эгнатовян Л.Р., Назаров М.А.* Индивидуальное предпринимательство в РФ: история и современность // Вектор экономики. – 2020. – № 1. – С. 33–36.

References

1. *Buryshkin P.A.* Moskva kupecheskaya. – M.: Eksmo, 2015. – 380 s.
2. *Il'in S.V.* Vitte. – M.: Molodaya gvardiya, 2012. – 509 s.
3. *Nekrasov I.A.* Vzaimootnosheniya vlasti i predprinimatel'stva v istorii Rossii (ot Kievskoj Rusi do XX stoletiya) // 21 vek: fundamental'naya nauka i tekhnologii: materialy XXII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii. – North Charleston, 2020. – S. 6–15.
4. *Tugan-Baranovskij M.I.* Izbrannoe. Russkaya fabrika v proshlom i nastoyashchem. Istoricheskoe razvitie russkoj fabriki v XIX veke. – M.: Nauka, 1997. – 735 s.
5. *Fedorec A.I.* Savva Morozov. – M.: Molodaya gvardiya, 2013. – 348 s.
6. *Egnatosyan L.R., Nazarov M.A.* Individual'noe predprinimatel'stvo v RF: istoriya i sovremennost' // Vektor ekonomiki. – 2020. – № 1. – S. 33–36.

УДК 347.736.3

ПЕРСПЕКТИВЫ ИЗМЕНЕНИЙ РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ БАНКРОТСТВА

Давлетшин Дарий Рифович,

студент, индивидуальный предприниматель, арбитражный управляющий,

e-mail: ss2201@yandex.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

Статья посвящена проблемам необходимости внесения изменений в законодательное регулирование в сфере банкротства по назревшим в отрасли вопросам и возможному поиску компромиссных решений для заинтересованных лиц. Автор исследует два законопроекта по внесению изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)», отзывы на данные проекты, а также проблематику со стороны сообщества арбитражных управляющих, экспертов и организаций, так или иначе вовлеченных в сферу банкротства. Используя систематический метод исследования, автор отражает в статье проблему разности позиций и отсутствия согласованности по главным идеям реформирования отрасли банкротства между разработчиками закона и сообществом арбитражных управляющих. Делается вывод о необходимости дальнейшей проработки рассмотренных законопроектов о внесении изменений в Федеральный закон «О несостоятельности (банкротстве)» или разработки совершенно нового закона, который бы учитывал довольно весомые и обоснованные мнения сообщества арбитражных управляющих.

Ключевые слова: банкротство, проект закона, арбитражный управляющий, саморегулируемая организация, должник, реабилитация, внесудебное банкротство, реестр требований кредиторов

PROSPECTS FOR REGULATORY CHANGES IN BANKRUPTCY

Davletshin D. R.,

student, individual entrepreneur, arbitration manager,

e-mail: ss2201@yandex.ru,

Moscow Witte University, Moscow

The article is devoted to the problems of the need to amend legislative regulation in the field of bankruptcy on issues that have matured in the industry and the possible search for compromise solutions for interested parties. The author examines two bills to amend the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)”, as well as reviews of these projects, as well as issues from the community of arbitration managers, experts and organizations, one way or another involved in the field of bankruptcy. Using a systematic research method, the article reflects the problem of differences in positions and lack of coordination on the main ideas of reforming the bankruptcy industry between the developers of the law and the community of arbitration managers. The conclusion is drawn on the need for further elaboration of the draft laws on amendments to the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy)” or the development of a completely new law that would take into account the rather significant and reasonable opinions of the community of arbitration managers.

Keywords: bankruptcy, draft law, bankruptcy trustee, self-regulatory organization, debtor, rehabilitation, extrajudicial bankruptcy, creditors' claims register

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-53-59

О несовершенстве регулирования в сфере банкротстве в последнее время говорят очень много. Отсюда и возникают столь многочисленные проекты законов по внесению изменений для решения той или иной назревшей проблемы в отрасли, но нередко даже при наличии неплохой первоидеи эти законопроекты остаются в статусе проектов, так как разработчики этих проектов очень слабо погружены во все тонкости проблематики, а «горячие» темы, на которые обращает внимание само сообщество арбитражных управляющих, так и остаются без внимания.

Для того чтобы более ясно оценить вектор развития инициатив разработчиков законов в сфере банкротства, хотелось бы осветить два относительно «свежих» законопроекта. Это законопроект № 792949-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” в части внесудебного банкротства гражданина» и законопроект № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр)».

Первый проект закона о внесудебном банкротстве гражданина внесен депутатами Государственной Думы России и был направлен, прежде всего, на повышение доступности потребительского банкротства.

«Во многих странах есть институт упрощенной процедуры банкротства, который несет в себе реабилитационную процедуру, направлен на помощь тем людям, которые оказались в очень сложном положении», – пояснил идею законопроекта автор законопроекта – глава комитета по собственности Госдумы депутат Николай Николаев. По словам Николаева, действующая сейчас в РФ процедура банкротства граждан достаточно дорогая: «Если у тебя нет имущества, если у тебя ничего нет, то тогда банкротство тебе недоступно, потому что сама процедура стоит где-то порядка 100 тыс. рублей», – напомнил депутат [2].

Сопровождение внесудебного порядка банкротства гражданина предлагается возложить на арбитражного управляющего, который будет обязан проверить соответствие гражданина предъявляемым законом требованиям и удостоверить данный факт. Важным аспектом, предусмотренным проектом федерального закона, также является бесплатность сопровождения данного порядка для гражданина. Вознаграждение арбитражному управляющему, а также возмещение его расходов на публикацию в Едином федеральном реестре сведений о банкротстве будет выплачиваться из фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, формируемого национальным объединением саморегулируемых организаций арбитражных управляющих на основе взносов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих [9]. Данный проект федерального закона в первоначальном его виде предусматривал, как уже указано выше, создание и обеспечение формирования фонда поддержки внесудебного банкротства граждан за счет взносов саморегулируемых организаций арбитражных управляющих, перечисляемых в размере не менее пятнадцати тысяч рублей с каждой саморегулируемой организации арбитражных управляющих ежемесячно. По сути это означало бы финансирование внесудебного банкротства гражданина за счет средств самих арбитражных управляющих, так как непосредственно они и участвуют в формировании бюджета своей саморегулируемой организации.

Смоделируем данную ситуацию: допустим, банк выдает кредит (возможно, без должной проверки финансового состояния и проверки потенциала возвратности) гражданину, который по тем или иным причинам не может выплатить этот кредит, и тут «прибегает» арбитражный управляющий и за свой счет проводит процедуру банкротства. Ситуация абсурдна.

Рассмотрим экономическое обоснование расчетов данного проекта закона. Исходя из статистики, с января по сентябрь 2019 года банкротами в России признаны 46 734 гражданина, а за весь 2018 год – 43 000 граждан [4]. То есть количество потенциальных физических лиц с задолженностью от 50 до 500 тысяч рублей, которые могут попасть в категорию внесудебного банкротства граждан в 2020 году, может составить не менее 20 000 граждан. Если исходить из сегодняшнего количественного состава действующих саморегулируемых организаций (48), то ежегодная сумма фонда поддержки внесудебного банкротства граждан, согласно проекта закона, составит 8 640 000 рублей ($48 \text{ СРО} * 15 000 \text{ руб.} * 12 \text{ мес.}$), которая не представляется достаточной, так как этой суммы хватит, чтобы произвести оплату только одной публикации (430,17 руб.) в ЕФРСБ [5] по 20 085 процедурам банкротства граждан. В одной процедуре банкротства физического лица необходимо минимум 7 таких публикаций в ЕФРСБ, также необходимо произвести дорогостоящую публикацию в газете «Коммерсантъ» (8–9 тысяч рублей), и покрыть почтовые и иные судебные расходы. Если еще учесть и заложенный в проекте закона размер вознаграждения финансового управляющего в 3 тысячи рублей, то количество граждан, которые смогут пройти такую процедуру банкротства, не превысит и тысячи.

Ведение процедуры банкротства гражданина финансовым управляющим за 25 тысяч рублей фиксированного вознаграждения и то зачастую представляется недостаточным. В процедурах банкротства физических лиц тоже необходимо проводить анализ и оспаривание сделок, а также решать вопрос

об определении части имущества должника из состава совместно нажитого супругами. Достаточно обширно финансовая составляющая стоимости и сложности процедуры банкротства физического лица рассмотрена в статье Д.Ю. Гришмановского, Л.В. Сотниковой «Проблемы формирования российского правового института банкротства физических лиц», где, в том числе, обозначены вопросы юридической грамотности населения [3], вследствие чего гражданам для сбора необходимой документации приходится обращаться к дорогостоящей юридической помощи организаций, наводнивших сегодня рынок банкротства граждан. Однако нельзя согласиться с выводами в данной статье о необходимости снижения вознаграждения арбитражного управляющего. Физическое лицо – должник отдает фирмам по юридической помощи аналогичные средства для формирования пакета документов с заявлением о банкротстве и зачастую уже утвержденный финансовый управляющий получает вознаграждение даже гораздо меньше, чем такая фирма-«подготовщик» за свои услуги. Вопрос, скорее, в правильном перенаправлении потока нуждающихся в банкротстве граждан к арбитражным управляющим через правильно выстроенный регламент. Возможное снижение вознаграждения финансового управляющего только навредит отрасли, непременно повлияет на снижение качества проведения процедуры банкротства гражданина и может привести к ситуации, когда и вовсе не будет арбитражных управляющих, согласных на утверждение в такой процедуре.

Возможно, самым правильным и обоснованным решением проблемы повышения доступности потребительского банкротства является определение источника финансирования процедуры банкротства. Если у физического лица возникли непосильные для него обязательства, то это проблема самого должника и собственно кредитора, которые в большинстве случаев представлены в лице банков и микрофинансовых организаций, в связи с чем необходимо определить бремя финансирования внесудебной процедуры именно на кредитора, который в этом заинтересован. Причем при появлении у кредиторов (банков и микрофинансовых организаций) такой своеобразной «ответственности» по финансированию процедуры банкротства граждан, которым выданы заведомо неоплаченные ссуды, будет постепенно выправляться и ситуация с качеством кредитных портфелей в отрасли потребительского кредитования. Банки будут осторожнее и качественнее подходить к вопросам изучения кредитных историй и возможности выдачи ссуд исходя из состоятельности потенциальных заявителей.

Следует отметить, что у нас уже имеется хороший пример, когда кредитор (ФНС России) обязан в строго ограниченных сроках принять решение и направить в суд заявление о банкротстве должника, а, значит, как заявитель в деле – нести бремя расходов. Так, согласно пункта 2 «Положения о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве», утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве»: «В случае неисполнения должником требований Российской Федерации в размере, достаточном для возбуждения производства по делу о банкротстве в соответствии с Федеральным законом “О несостоятельности (банкротстве)”, уполномоченный орган не ранее чем через 30 дней с даты принятия решения о взыскании налога, сбора, страховых взносов за счет денежных средств на счетах налогоплательщика, но не позднее чем через 90 дней с даты направления судебному приставу-исполнителю постановления налогового органа о взыскании налога, сбора, страховых взносов за счет имущества должника или соответствующего исполнительного документа, либо в течение 30 дней с даты получения уведомлений федеральных органов исполнительной власти, выступающих кредиторами по денежным обязательствам (их территориальных органов), о наличии задолженности по обязательным платежам или о задолженности по денежным обязательствам перед Российской Федерацией (с приложением заверенных в установленном порядке копий документов, указанных в пунктах 7 и 8 настоящего Положения), принимает решение о направлении в арбитражный суд заявления о признании должника банкротом [8]. В указанном Постановлении Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 четко регламентирован порядок действия ФНС России в случае появления оснований для банкротства должника. Конечно, в этом регламенте ФНС России есть и положения, предусматривающие отложение принятия решения о банкротстве должника, только по четко определенным причинам, но суть этого регламента с учетом некоторых доработок отлично могла бы быть использована законодателем для решения вопроса об источниках финансирования банкротства

граждан, у которых не имеется возможностей для оплаты расходов на процедуру банкротства. Причем у кредиторов – банков – намного больше юридических ресурсов и возможностей для проведения подготовительной досудебной работы по признанию должников банкротами.

Следует отметить, что законопроект № 792949-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” в части внесудебного банкротства гражданина» уже прошел первое чтение и уже ко второму чтению представлен проект, где отсутствует упоминание о фонде поддержки внесудебного банкротства граждан, а вознаграждение в размере 3 тысяч рублей и все расходы вновь, как это и было, адресованы должнику. Также в проекте уточнен значительный перечень условий и документов, который необходимо собрать гражданину для обоснования его несостоятельности. Видится, что за сбор данных доказательств вновь возьмутся юридические фирмы, которые будут требовать за свои услуги в разы больше средств, чем, в конечном счете, получит нотариус или арбитражный управляющий за услуги удостоверения несостоятельности.

Сопровождение внесудебного банкротства гражданина арбитражным управляющим без взимания платы – это желание переложить бремя распределения расходов «с большой головы на здоровую». Повышать доступность и эффективность банкротства для граждан в ущерб финансам арбитражных управляющих, причем при увеличении ответственности арбитражных управляющих и саморегулируемых организаций за принятие управленческих решений – это утопия.

Второй законопроект, на который хотелось обратить внимание, – это законопроект № 598603-7 «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр)». Идея данного законопроекта связана с переложением на арбитражного управляющего первичной стадии проверки обоснованности требований о включении в реестр требований кредиторов, дабы снизить неоправданную нагрузку на судей, возрастание расходов на отправку судебной корреспонденции, отвлечение времени, сил и внимания судей и сотрудников аппарата судов от сложных дел, в которых имеется настоящий спор о праве, на дела хотя и бесспорные, но требующие значительных трудозатрат [10].

Прежде всего, необходимо обратить внимание на субъект права законодательной инициативы – проект закона был предложен Верховным Судом РФ, что качественно отличает его от первого рассмотренного нами законопроекта.

Согласно данному проекту закона, реестр требований кредиторов, в том числе и по текущим платежам, в делах о банкротстве будет вести только арбитражный управляющий в электронной форме с использованием программно-технических средств, а информация из этих реестров подлежит размещению в открытом публичном доступе. В случае заявления лицами разногласий арбитражный управляющий будет обязан предоставить суду мотивированный отзыв с указанием оснований принятого им решения, причем под угрозой наложения судебного штрафа в размере до 100 000 рублей [6]. Предполагается, что требование кредитора будет предоставлять право голоса на собрании кредиторов не с момента включения в реестр, как это было ранее, а с момента истечения срока на предъявление возражений в суд. Если такие возражения все же будут поданы, право голоса возникнет с момента вынесения судебного акта о включении требований в реестр.

Этот проект действительно имеет положительные моменты. В случае принятия данного закона непременно возрастет (расширится) особый публично-правовой статус арбитражного управляющего. Сегодня очень много откликов арбитражных управляющих на недостаточность полномочий для исполнения возложенных на них обязанностей. Так, например, нередко при запросе информации арбитражный управляющий, в случае получения отказа от органа или организации, вынужден направить соответствующее ходатайство об истребовании информации в суд, обеспечить явку в судебное заседание, получить определение суда об удовлетворении его ходатайства и направить его судебным приставам или непосредственно в орган или организацию, которая изначально отказывалась выдать сведения. В итоге у арбитражного управляющего уходит с учетом почтового пробега от двух до четырех месяцев для того, чтобы на основании достоверной информации принять верное управленческое решение и предпринять соответствующие меры. Такие сроки получения сведений в процедуре банкротства недопустимы. Необходимо расширять статус арбитражного управляющего и предоставить ему право доступа к электронным базам данных, как, например, это организовано у нотариусов, причем решение данного вопроса тоже повлияет на снижение нагрузки арбитражных судов.

Еще один положительный момент, который можно отметить из проекта закона – это сокращение сроков формирования реестра требований кредиторов.

Также будет достигнута и главная идея законопроекта по снижению нагрузки на судей и сотрудников аппарата судов. У суда действительно появится больше времени для рассмотрения действительно сложных дел. Однако тут следует отметить и «обратную сторону монеты». Инициатор законопроекта – Верховный Суд РФ – достаточно конкретно заметил, что в случае принятия закона будут значительно снижены трудозатраты и нагрузка судей и сотрудников аппарата суда, а также существенно снизятся расходы на отправку судебной корреспонденции. Но резкое увеличение нагрузки на арбитражного управляющего и неизбежный рост расходов на процедуру банкротства в законопроекте никак не учитываются. Причем законопроект предусматривает практически двойную техническую работу арбитражного управляющего – нужно направлять в суд отчеты и возражения по требованиям кредиторов, а после – дополнительно размещать эти же сведения в ЕФРСБ.

Также нужно отметить и коррупционные риски. Так как арбитражного управляющего в дело о банкротстве выбирает первоначальный заявитель, то фактически реформа приведет к тому, что «судью первой инстанции» для всех кредиторов и для должника будет выбирать первый заявитель [7]. Так, юристы уже высказались в поддержку инициативы, однако некоторые опасаются, что проверку может осложнить конфликт интересов. Не стоит забывать, что в большинстве банкротств управляющий «представляет интересы мажоритария или бенефициара должника», – рассказала ранее «Право.ru» старший юрист Althaus Legal Екатерина Емелина. «Свой» управляющий может направить копию требования позже срока или вообще ее не выслать, когда это невыгодно, – предостерегает руководитель практики сопровождения банкротств Alliance Legal Consulting Group Алина Манина [1].

Законопроект не предусматривает какой-либо градации подлежащих рассмотрению арбитражным управляющим требований кредиторов, а также отсутствуют основания, по которым можно было бы субординировать требование корпоративного характера. Арбитражный управляющий, не имея и не получив никаких специфических судебных средств, как, например, судебная экспертиза, опрос свидетелей, истребование объяснений, приостановление производства или отложение (продление) рассмотрения, фактически ограничен пресекательным тридцатидневным сроком, в течение которого обязан рассмотреть поступившее требование кредитора по существу.

Также в качестве недостатков законопроекта можно указать на отсутствие у арбитражного управляющего «права на ошибку». То есть, если определение суда, по которому требование кредитора включено в реестр требований незаконно, у лиц, участвующих в деле, имеется возможность обращения в апелляционную и кассационную инстанцию, а в случае с неверным решением, принятым арбитражным управляющим – направлением возражений лицами, участвующими в деле, история по требованию кредитора точно не закончится. На арбитражного управляющего начнут направлять жалобы о привлечении к административной ответственности, о признании действий незаконными, об его отстранении и взыскании убытков лица, участвующие в деле о банкротстве. То есть в законопроекте нужно включить положение, предусматривающее четкий регламент для всех заинтересованных лиц и суда при возникновении обстоятельств, опровергающих состоятельность принятого арбитражным управляющим решения (пересмотр требования кредитора в судебном порядке без последствий для арбитражного управляющего).

Все вышеуказанные недостатки законопроекта вкупе с тем, что арбитражному управляющему попросту не предоставлено права передать на рассмотрение суда какое-либо из спорных требований, может сыграть злую шутку и, напротив, сохранить, а, возможно, и усилить нагрузку на судебную систему, так как на порядок увеличится поток жалоб на действия арбитражного управляющего, а, в свою очередь, арбитражные управляющие, чувствуя риски предъявления к себе претензий, практически каждое заявление о включении в реестр требований кредиторов будут ставить под сомнение, направляя тем самым вопрос о включении заявителей в реестр требований кредиторов снова с суд.

Таким образом, по рассмотренным законопроектам, следует отметить следующее:

– по вопросу возможности реабилитации для граждан, попавших в затруднительную ситуацию с непосильными долгами, нужно действительно найти золотую середину с определением источников финансирования и создать простой и понятный регламент внесудебного банкротства;

– в отношении проекта по наделению арбитражных управляющих функциями проверки обоснованности требований о включении в реестр требований кредиторов проблема также состоит в необходимости разработки более подробного регламента, чтобы не допустить нагрузки судов по аналогичным и смежным вопросам.

В целом идеи для решения назревших проблем в регулировании банкротства хорошие, но надо дорабатывать законопроекты, с учетом мнений профессионального сообщества арбитражных управляющих, экспертов, а также саморегулируемых организаций.

Список литературы

1. Арбитражный управляющий включит кредитора в реестр банкрота без суда [Электронный ресурс] // Право.ru. ООО «Правовые новости». – URL: <https://www.pravo.ru/news/211959> (дата обращения: 06.05.2020).
2. Госдума предложила упрощенное банкротство для борьбы с закредитованностью. Обобщение [Электронный ресурс] // Сайт Международной информационной группы Интерфакс, 12 сентября 2019 г. – URL: <https://www.interfax.ru/business/676294> (дата обращения: 06.05.2020).
3. Гришмановский Д.Ю., Сотникова Л.В. Проблемы формирования российского правового института банкротства физических лиц // Вестник ЮУрГУ. Серия «Право». – 2019. – Т. 19, № 1. – С. 33–41. – DOI: 10.14529/law190107.
4. Единый федеральный реестр юридически значимых сведений о фактах деятельности юридических лиц, индивидуальных предпринимателей и иных субъектов экономической деятельности. «Банкротства граждан – статистика за 9 мес. 2019 года» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fedresurs.ru/news/8f252102-75dd-464f-898e-26d27c7d5bf0?attempt=1> (дата обращения: 03.05.2020).
5. ЕФРСБ – Единый федеральный реестр сведений о банкротстве [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.bankrot.fedresurs.ru> (дата обращения: 03.05.2020).
6. Мнение по законопроекту № 598603-7 о передаче рассмотрения требований кредиторов арбитражным управляющим (подготовленному ко второму чтению в Государственной Думе РФ). Домнин Сергей Анатольевич [Электронный ресурс] // Закон.ру. ООО «Издательская группа “Закон”». – URL: https://www.zakon.ru/blog/2019/09/25/mnenie_po_zakonoproektu_598603-7_o_peredache_rassmotreniya_trebovanij_kreditorov_arbitrazhnym_upra (дата обращения: 06.05.2020).
7. Открытое письмо по законопроекту № 598603-7 о передаче полномочий по включению в реестр от арбитражных судов в ведение арбитражных управляющих. Rechkin Roman [Электронный ресурс] // Закон.ру. ООО «Издательская группа “Закон”». – URL: https://www.zakon.ru/blog/2019/6/21/otkrytoe_pismo_po_zakonoproektu_598603-7_o_peredache_polnomochij_po_vklyucheniyu_v_reestr_ot_arbitr (дата обращения: 06.05.2020).
8. Постановление Правительства РФ от 29.05.2004 № 257 (ред. от 21.07.2017) «Об обеспечении интересов Российской Федерации как кредитора в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве» (вместе с «Положением о порядке предъявления требований по обязательствам перед Российской Федерацией в деле о банкротстве и в процедурах, применяемых в деле о банкротстве») [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW> (дата обращения: 03.05.2020).
9. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” в части внесудебного банкротства гражданина» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sozd.duma.gov.ru/bill/792949-7> (дата обращения: 03.05.2020).
10. Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О несостоятельности (банкротстве)” (в части уточнения порядка включения требований кредиторов в реестр)» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sozd.duma.gov.ru/bill/598603-7> (дата обращения: 04.05.2020).

References

1. Arbitrazhnyj upravlyayushchij vklyuchit kreditora v reestr bankrota bez suda [Elektronnyj resurs] // Pravo.ru. ООО «Pravovye novosti». – URL: <https://www.pravo.ru/news/211959> (data obrashcheniya: 06.05.2020).

2. Gosduma predlozhila uproshchennoe bankrotstvo dlya bor'by s zakreditovannost'yu. Obobshchenie [Elektronnyj resurs] // Sajt Mezhdunarodnoj informacionnoj gruppy Interfaks, 12 sentyabrya 2019 g. – URL: <https://www.interfax.ru/business/676294> (data obrashcheniya: 06.05.2020).
3. *Grishmanovskij D.Yu., Sotnikova L.V.* Problemy formirovaniya rossijskogo pravovogo instituta bankrotstva fizicheskikh lic // Vestnik YuUrGU. Seriya «Pravo». – 2019. – T. 19, № 1. – S. 33–41. – DOI: 10.14529/law190107.
4. Edinyj federal'nyj reestr yuridicheski znachimyh svedenij o faktah deyatel'nosti yuridicheskikh lic, individual'nyh predprinimatelej i inyh sub»ektov ekonomicheskoy deyatel'nosti. «Bankrotstva grazhdan – statistika za 9 mes. 2019 goda» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.fedresurs.ru/news/8f252102-75dd-464f-898e-26d27c7d5bf0?attempt=1> (data obrashcheniya: 03.05.2020).
5. EFRSB – Edinyj federal'nyj reestr svedenij o bankrotstve [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.bankrot.fedresurs.ru> (data obrashcheniya: 03.05.2020).
6. Mnenie po zakonoproektu № 598603-7 o peredache rassmotreniya trebovanij kreditorov arbitrazhnym upravlyayushchim (podgotovlennomu ko vtoromu chteniyu v Gosudarstvennoj Dume RF). Domnin Sergej Anatol'evich [Elektronnyj resurs] // Zakon.ru. OOO «Izdatel'skaya gruppy “Zakon”». – URL: https://www.zakon.ru/blog/2019/09/25/mnenie_po_zakonoproektu_598603-7_o_peredache_rassmotreniya_trebovanij_kreditorov_arbitrazhnym_upra (data obrashcheniya: 06.05.2020).
7. Otkrytoe pis'mo po zakonoproektu № 598603-7 o peredache polnomochij po vklyucheniyu v reestr ot arbitrazhnyh sudov v vedenie arbitrazhnyh upravlyayushchih. Rechkin Roman [Elektronnyj resurs] // Zakon.ru. OOO «Izdatel'skaya gruppy “Zakon”». – URL: https://www.zakon.ru/blog/2019/6/21/otkrytoe_pismo_po_zakonoproektu_598603-7_o_peredache_polnomochij_po_vklyucheniyu_v_reestr_ot_arbitr (data obrashcheniya: 06.05.2020).
8. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 29.05.2004 № 257 (red. ot 21.07.2017) «Ob obespechenii interesov Rossijskoj Federacii kak kreditora v dele o bankrotstve i v procedurah, primenyaemyh v dele o bankrotstve» (vmeste s «Polozheniem o poryadke pred»yavleniya trebovanij po obyazatel'stvam pered Rossijskoj Federaciej v dele o bankrotstve i v procedurah, primenyaemyh v dele o bankrotstve») [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW> (data obrashcheniya: 03.05.2020).
9. Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)” v chasti vnesudebnogo bankrotstva grazhdanina» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.sozd.duma.gov.ru/bill/792949-7> (data obrashcheniya: 03.05.2020).
10. Poyasnitel'naya zapiska k projektu Federal'nogo zakona «O vnesenii izmenenij v Federal'nyj zakon “O nesostoyatel'nosti (bankrotstve)” (v chasti utochneniya poryadka vklyucheniya trebovanij kreditorov v reestr)» [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://www.sozd.duma.gov.ru/bill/598603-7> (data obrashcheniya: 04.05.2020).

УДК 343.2/7

ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ЖИЗНИ И ЗДОРОВЬЯ: ОСНОВНЫЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Козлов Антон Вячеславович,

магистрант 2-го курса,

e-mail: justatiana@rambler.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

Актуальность затронутого в статье исследования предопределена тем, что в современном мире уголовные преступления против жизни и здоровья можно смело отнести к одной из основных угроз национальной безопасности как в России, так и в мире в целом. Поэтому в рамках данной статьи рассмотрены наиболее важные правоприменительные проблемы в сфере преступлений против жизни и здоровья личности. Кроме того, определены направления последовательной оптимизации действующего механизма уголовно-правового урегулирования. На примере преступления, предусмотренного статьей 110 Уголовного кодекса РФ, обозначены проблемы квалификации указанного преступления против жизни. Отмечены тенденции уголовно-правовой политики нашего государства в качестве основных направлений противодействия уголовным преступлениям против жизни и здоровья личности, сделаны соответствующие выводы.

Ключевые слова: преступления против жизни и здоровья, оптимизация, ответственность, наказание, доведение до самоубийства, побой

CRIMES AGAINST LIFE AND HEALTH: MAIN LAW ENFORCEMENT ISSUES

Kozlov A.V.,

master student, 2 course,

e-mail: justatiana@rambler.ru,

Moscow Witte University, Moscow

The relevance of the research mentioned in the given article is predetermined by the fact that in the modern world criminal offences against life and health can constitute one of the basic threats of national safety both in Russia and in the world. Therefore, this article considers the most important enforcement problems in sphere of crimes against life and health. Besides, some vectors of consecutive optimization of criminally legal settlement operating mechanism are stated. On an example of the crime stipulated by art. 110 of the Criminal code of the Russian Federation, problems of qualification of the specified crime against life are designated. Some tendencies of our state criminally legal policy are noted as basic directions of counteraction to criminal offences against life and health. The corresponding conclusions are drawn.

Keywords: crimes against life and health, optimization, responsibility, punishment, incitement suicide, actual bodily harm

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-60-64

Наиболее значимой задачей нашего государства в условиях современной глобализации считается обеспечение прав и свобод человека и гражданина. Таким образом, особое внимание вызывает последовательная оптимизация действующего механизма уголовно-правового урегулирования, которая предполагает в качестве главной цели, прежде всего, гармонизацию как законодательных, так и организационно-практических ресурсов, направленных на нейтрализацию причин и условий, порождающих такие преступления, как преступления против жизни и здоровья личности, и усовершенствование правоприменительной деятельности.

При этом правовая оценка эффективности действующих мер уголовно-правового урегулирования подразумевает под собой обращение к данным статистики, отражающей преступления, ответствен-

ность за совершение которых, прежде всего, регламентирована нормами раздела VII Уголовного кодекса РФ¹. Однако, в современном мире существует целый ряд правоприменительных проблем в сфере преступлений против жизни и здоровья. Так, в качестве одной из основных мер отметим, прежде всего, повышение уровня эффективности правового воздействия посредством оптимизации отечественного законодательного урегулирования. Тем самым, предпринятая в последние годы новеллизация российского уголовного закона была непосредственно нацелена на криминализацию и пенализацию деяний, регламентированных гл. 16 УК РФ. К примеру, Федеральный закон от 7 февраля 2017 года № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации»² способствовал оптимизации редакции ст. 116 УК РФ («Побои»). Обозначенный состав уголовного преступления в измененной указанной редакции закона предопределил своего рода декриминализацию деяния, регламентированного ранее действовавшей ч. 1 ст. 116 УК РФ. Таким образом, ч. 2 ст. 116 УК РФ выступает нормой, которая содержит в себе основной и, пожалуй, единственный состав уголовного преступления, а именно побои или иные насильственные действия, не повлекшие регламентированные ст. 115 УК РФ последствия, среди которых:

- 1) совершенные из хулиганских побуждений;
- 2) по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной, религиозной ненависти или вражды;
- 3) по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-нибудь социальной группы [1, с. 7].

Вследствие активизации суицида принятые Федеральный закон от 7 июня 2017 года № 120-ФЗ³ и Федеральный закон от 29 июля 2017 года № 248-ФЗ⁴ определяют детализацию представления о доведении до самоубийства, а также производных его формах. Таким образом, наметилась криминализация, прежде всего, посредством введения в действующий уголовный закон совершенно новых квалифицированных видов доведения до самоубийства.

Кроме того, пенализация деяния, которое охватывается основным составом такого преступления против жизни и здоровья, как доведение до самоубийства, предусмотренного ч. 1 ст. 110 УК РФ, как правило, характеризуется регулированием наиболее строгой санкции, которая включает в себя новые сроки лишения свободы, а также исключением одних видов уголовного наказания и введением иных. Повышению с двух месяцев соответственно до 2 лет подлежал минимальный срок лишения свободы, а также с пяти лет до шести лет максимальный. При этом усиление карательного воздействия непосредственно основного вида уголовного наказания дополняется, прежде всего, лишением права занимать определенные должности либо же заниматься определенной деятельностью на срок до 7 лет. Тем самым, исключение из санкции рассматриваемой уголовно-правовой нормы способствовало ограничению свободы, которое вовсе не может быть назначено осужденному за тяжкое уголовное преступление [6, с. 158].

Весомые перемены связаны с включением в норму ст. 110 УК РФ вновь образованных квалифицированных составов такого преступления против жизни и здоровья, как доведение до самоубийства. При этом, среди отягчающих обстоятельств особого внимания заслуживают, безусловно, урегулированные пп. «а»–«д» ч. 2 ст. 110 УК РФ, квалифицирующие признаки основного состава рассматриваемого преступления, а именно:

- а) в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного оказавшегося в беспомощном состоянии либо в материальной, или иной зависимости;
- б) в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности;
- в) в отношении двух или более лиц;
- г) группой лиц по предварительному сговору или организованной группой;
- д) в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетях, включая сеть Интернет [3, с. 71].

¹ Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 07.04.2020) // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 25. – Ст. 2954.

² Федеральный закон от 07.02.2017 № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации».

³ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» от 07.06.2017 № 120-ФЗ.

⁴ Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации» от 29.07.2017 № 248-ФЗ.

Проводя анализ наметившейся в последние годы новеллизации действующего уголовного закона, следует сконцентрировать особое внимание на проблемных вопросах, которые вызывают определенное сомнение. К примеру, анализ диспозиций, исследованных выше в рамках данной статьи норм, указывает непосредственно на повышенную общественную опасность преступных деяний в результате наличия регламентированных законом отягчающих обстоятельств. Наряду с этим возникает проблема, согласно которой представляется в недостаточной степени обоснованным отнесение указанных деяний, прежде всего, к категории особо тяжких уголовных преступлений. При этом нарушение юридической техники в процессе построения санкций действующих уголовно-правовых норм, как правило, повлекло за собой регламентацию чрезвычайно строгих видов и размеров уголовных наказаний. Так, доведение до самоубийства при наличии отягчающих обстоятельств, следуя из содержания санкции ч. 2 ст. 110 УК РФ, все же считается в большей степени общественно опасным посягательством на жизнь и здоровье человека, в отличие от основного состава убийства [4, с. 28].

Кроме того, дополнительным подтверждением можно считать анализ санкций указанных уголовно-правовых норм. Следует особо акцентировать внимание на том, что более высокий нижний предел уголовного наказания, установленный для лишения свободы (а именно 8 лет в соответствии с ч. 2 ст. 110 УК РФ и 6 лет согласно ч. 1 ст. 105 УК РФ), и сама возможность назначения наказания за рассматриваемое в рамках настоящей статьи преступление в виде ограничения свободы соответственно на срок до 2 лет, просто необходимы с целью предупреждения в дальнейшем рецидива подобных преступлений, а также это касается и лишения права занимать определенные должности, либо же заниматься определенной деятельностью.

Согласно данному подходу российского законодателя, нижний предел уголовного наказания в виде 8 лет лишения свободы осужденного за квалифицированный вид доведения до самоубийства, в результате оказался идентичным границе уголовной ответственности именно за квалифицированное убийство. При этом верхний предел санкции составляет 15 лет лишения свободы и считается тождественным максимальному пределу уголовного наказания за основной состав убийства. На основании этого меры уголовной ответственности осужденного за квалифицированные виды доведения до самоубийства, как правило, активизируются как с минимальными, так и с максимальными пределами относительно определенных санкций, отражающих определенные границы назначения уголовного наказания в виде лишения свободы за убийство и его квалифицированные виды, предусмотренные ч. 1 и 2 ст. 105 УК РФ [2, с. 27].

На наш взгляд, правовую природу убийства, обусловленную умышленным причинением смерти другому человеку, вовсе нельзя сопоставить с самой сущностью доведения до самоубийства либо же покушения на его совершение. Во-первых, виновный, прежде всего, умышленно лишает конкретного потерпевшего жизни, а во-вторых, сам потерпевший доводится до самоубийства либо же покушения на его совершение посредством каких-либо угроз, а также достаточно жестокого обращения или же вовсе систематического унижения человеческого достоинства. При этом субъект в данной ситуации не осуществляет лично умышленного посягательства на жизнь, а также не интенсифицирует факта наступления биологической смерти человека, как собственно при совершении убийства.

Особо хотелось бы остановиться на проблемах назначения ответственности за покушение на убийство, которая не может быть выше трех четвертей максимального предела санкции, предусмотренной за рассматриваемое преступление, иными словами, не может быть выше 11 лет и 3 месяцев лишения свободы. Такая дифференциация уголовной ответственности вовсе исключается, если имеют место быть квалифицированные виды доведения до самоубийства [5, с. 57].

Тем самым, налицо несоответствие вновь сформированных санкций тому характеру, а также тяжести самого преступления и соответственно степени общественной опасности личности виновного лица, кроме того, имеющиеся разногласия принципа справедливости (ст. 6 УК РФ) с общими началами назначения уголовного наказания за преступления против жизни и здоровья (ст. 60 УК РФ).

На наш взгляд, несоответствие санкций вновь образованных уголовно-правовых норм вовсе не содействует решению такой задачи, как противодействие насильственной преступности, а также преступности, сопряженной с посягательствами непосредственно на жизнь человека. Рост размеров санкций при доведении до самоубийства вследствие отягчающих обстоятельств, наказываемое лишением

свободы соответственно на срок от 8 до 15 лет с лишением права занимать определенные должности либо же заниматься определенной деятельностью на срок до 10 лет с ограничением свободы до 2 лет либо же без такового, безусловно, требует, беря во внимание качественное различие умышленного причинения смерти другому человеку и доведения до самоубийства, достаточно разумной дифференциации видов и определенных размеров уголовных наказаний, урегулированных ч. 1, 2 ст. 105 УК РФ и ч. 1, 2 ст. 110 УК РФ [3, с. 74].

Наряду с этим среди иных направлений отечественной законодательной новеллизации следует обозначить регламентацию в действующем Уголовном кодексе РФ совершенно новых составов уголовных преступлений против жизни и здоровья. Увеличение количества случаев доведения до самоубийства, а также покушения на его совершение предопределило криминализацию подобных деяний, которые регламентированы в ст. 110.1 и ст. 110.2 УК РФ, предусматривающих под собой склонение лица к совершению самоубийства либо же определенное содействие в совершении самоубийства, кроме того, организацию деятельности, которая была бы нацелена на побуждение лица к совершению такого преступления против жизни и здоровья, как самоубийство. При этом следует отметить, что склонение лица к совершению самоубийства, следуя диспозиции, предусмотренной ч. 1 ст. 110.1 УК РФ, реализуется посредством уговоров, различных предложений, а также даже зачастую подкупа и обмана, иным способом в рамках рассматриваемого преступления. Тем самым, провоцирующая на суицид целенаправленная деятельность лица образует у потерпевшего определенную решимость покончить свою жизнь самоубийством. Кроме того, содействие в совершении данного преступления против жизни и здоровья при помощи дачи совета, указания, а также предоставления соответствующей информации, инструментов или же вовсе орудий совершения самоубийства, либо устранение каких-либо препятствий к его совершению или же обещание скрыть инструменты или сами орудия совершения самоубийства в соответствии с ч. 2 ст. 110.1 УК РФ, как правило, влекут за собой указанную в данной норме квалификацию преступления [6, с. 160].

Таким образом, исходя из вышесказанного, уголовно-правовая политика нашего государства в качестве основных направлений противодействия уголовным преступлениям против жизни и здоровья личности предусматривает, прежде всего, расширение имеющегося перечня общественно опасных деяний, которые признаются преступными и уголовно наказуемыми. Наряду с этим регламентации подлежали наиболее строгие виды и размеры уголовных наказаний, которые непосредственно указывают на достаточно высокую степень общественной опасности как уже совершенных уголовных преступлений, так и самой личности виновных лиц. Тем не менее, предпринятая новеллизация современного уголовного закона вовсе не обеспечила на должном уровне соответствующую эффективность действующего механизма уголовно-правового урегулирования охраны жизни и здоровья личности.

Таким образом, как мы успели убедиться, современный этап трансформации российского уголовного закона в вопросах противодействия уголовным преступлениям против жизни и здоровья личности преимущественно предполагает как криминализацию, так и пенализацию преступных деяний. Наряду с этим недостаточная степень научной обоснованности реализации рассмотренных выше направлений подтверждается отсутствием должного уровня согласованности принимаемых в нашей стране законопроектных с общей концепцией отечественной уголовной политики в аспекте установления взаимосвязи институционализации, а также инструментальной сущности. Производимое правовое воздействие, безусловно, должно быть сбалансированным и наиболее эффективным, что собственно достигается посредством дифференциации мер уголовной ответственности, учитывая всю специфику действия российского законодательства.

Необходимо также отметить, что оптимизации правоприменения в вопросах преступлений против жизни и здоровья личности может содействовать, прежде всего, разъяснение наиболее значимых вопросов правовой оценки внедренных в уголовный закон России норм в соответствии с постановлением Верховного Суда РФ, учитывающего самые проблемные вопросы квалификации вновь образованных составов уголовных преступлений, которые посягают на жизнь и здоровье личности. Особое внимание необходимо уделить также вопросам разграничения подвергнутых криминализации современных общественно опасных деяний, а также адекватизации уголовного наказания за их совершение. Необходимо обратить внимание на то, что неотвратимость и справедливость действующих мер уголов-

ной ответственности, как правило, должны определять наиболее значимые направления при превенции и противодействии посягательствам на жизнь и здоровье другого человека. При этом просто необходим единообразный подход к вопросам толкования уголовно-правовых норм, который содействовал бы профилактике уголовных преступлений, регламентированных ст. 105–125 УК РФ [1, с. 9].

Рост уровня эффективности существующего в настоящий момент механизма уголовно-правового урегулирования в вопросах обеспечения права человека на жизнь и здоровье весьма закономерно предполагает усовершенствование как собственно правотворческой, так и, соответственно, правоприменительной деятельности. Тем самым, внедрение новых составов уголовных преступлений, безусловно, требует определенно дополнительного осмысления. Наряду с этим актуализируется также проблема соответствия диспозиций и санкций действующих уголовно-правовых норм, предусмотренных гл. 16 УК РФ. Тем самым, следствием всего этого, прежде всего, выступают на правоприменительном уровне ключевые проблемы правильной квалификации уголовных преступлений, которые непосредственно посягают на жизнь и здоровье личности, определения соответствующих критериев отграничения как от смежных, так и от сходных составов преступлений, а также адекватизации наказания и других мер уголовно-правового характера. Кроме того, на примере ст. 110.1 УК РФ мы смогли убедиться в том, что несмотря на большую проделанную процессуалистами работу в сфере законодательного закрепления уголовной ответственности за преступления против жизни и здоровья личности, в настоящее время встречается достаточно много проблем и пробелов, которые негативно сказываются на криминогенной обстановке в стране. На наш взгляд, необходимо более детально проанализировать диспозиции и санкции статей раздела VII УК РФ и внести соответствующие изменения, учитывая современную криминогенную обстановку и требования к снижению преступности в стране.

Список литературы

1. *Авдеев В.А.* Основные направления новеллизации уголовно-правового регулирования охраны жизни и здоровья личности // *Криминалистика*. – 2019. – № 1 (26). – С. 5–10.
2. *Арутюнов А.А.* Преступления против жизни и здоровья. – М.: МГПУ, 2018. – 140 с.
3. *Каткова К.В.* Преступления против жизни и здоровья: проблемы квалификации // *Наука через призму времени*. – 2019. – № 4 (25). – С. 71–74.
4. *Кожухарик Д.Н.* Развитие уголовного законодательства об ответственности за причинение смерти по неосторожности // *Российский следователь*. – 2017. – № 14. – С. 27–29.
5. *Михайлова И.А., Максименко А.В., Числов А.И.* Некоторые вопросы совершенствования норм российского уголовного законодательства о преступлениях против жизни и здоровья (опыт сравнительного анализа) // *Вестник Сибирского юридического института МВД России*. – 2019. – № 1 (34). – С. 50–56.
6. *Рыжкова А.К.* Преступления прошлых лет против жизни и здоровья: современное состояние проблемы их раскрытия // *Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России*. – 2020. – № 1 (85). – С. 158–163.

References

1. *Avdeev V.A.* Osnovnye napravleniya novellizacii ugovolno-pravovogo regulirovaniya ohrany zhizni i zdorov'ya lichnosti // *Kriminalistika*. – 2019. – № 1 (26). – S. 5–10.
2. *Arutyunov A.A.* Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya. – M.: MGPU, 2018. – 140 s.
3. *Katkova K.V.* Prestupleniya protiv zhizni i zdorov'ya: problemy kvalifikacii // *Nauka cherez prizmu vremeni*. – 2019. – № 4 (25). – S. 71–74.
4. *Kozhuharik D.N.* Razvitie ugovolnogo zakonodatel'stva ob otvetstvennosti za prichinenie smerti po neostorozhnosti // *Rossijskij sledovatel'*. – 2017. – № 14. – S. 27–29.
5. *Mihajlova I.A., Maksimenko A.V., Chislov A.I.* Nekotorye voprosy sovershenstvovaniya norm rossijskogo ugovolnogo zakonodatel'stva o prestupleniyah protiv zhizni i zdorov'ya (opyt sravnitel'nogo analiza) // *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2019. – № 1 (34). – S. 50–56.
6. *Ryzhkova A.K.* Prestupleniya proshlyh let protiv zhizni i zdorov'ya: sovremennoe sostoyanie problemy ih raskrytiya // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii*. – 2020. – № 1 (85). – S. 158–163.

УДК 343

ЕСТЬ ЛИ СМЫСЛ ДЛЯ ОБВИНЯЕМОГО (ПОДОЗРЕВАЕМОГО), ПОДСУДИМОГО ПРИЗНАВАТЬ ВИНУ В СОВЕРШЕНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В КОНТЕКСТЕ ДЕЙСТВУЮЩЕГО УГОЛОВНОГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РФ?

Середнев Владимир Анатольевич,

преподаватель факультета экономики и права, кафедры права, философии и социальных дисциплин,
e-mail: naganov1910@mail.ru,

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, филиал в г. Арзамасе

По мнению автора, на сегодняшний день как институт «явки с повинной», так и «признания вины» в совершении преступления в полной мере не могут обеспечить интересы обвиняемых (подозреваемых), подсудимых. Предлагается внести законодательные корректировки: в ст. 15 УК РФ, где указать срок наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния, который не может быть превышен в случае имевшей место «явки с повинной». В пункт «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ, после слов «добытого в результате преступления», добавить: «влияет на назначение срока наказания в соответствии со ст. 15 УК РФ». Исходя из определения доказательства, указанного в ч. 1 ст. 74 УПК РФ, рассматривать «явку с повинной» не только как повод к возбуждению уголовного дела, но и сведения, подлежащие доказыванию по уголовному делу. В часть 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств внести: «явка с повинной, после возбуждения уголовного дела». Сущность «признания вины» необходимо отразить в ч. 1 ст. 314 УПК РФ, после слов «заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и» дополнить фразу словами: «признания им вины».

Ключевые слова: признание вины, явка с повинной, доказательства, подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, суд

DOES IT MAKE SENSE FOR THE ACCUSED (SUSPECT), DEFENDANT TO ADMIT GUILT IN COMMITTING A CRIME IN THE CONTEXT OF THE CURRENT CRIMINAL AND CRIMINAL PROCEDURE LEGISLATION OF THE RUSSIAN FEDERATION?

Serednev V.A.,

lecturer at the faculty of economics and law, department of law, philosophy and social disciplines,
e-mail: naganov1910@mail.ru,

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, branch in Arzamas

According to the author, today, both the institute of “confession” and “confession of guilt” in the commission of a crime cannot fully ensure the interests of the accused (suspected), defendants. It is proposed to make legislative adjustments: in Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation, where to indicate the term of punishment, depending on the nature and degree of public danger of the act, which cannot be exceeded in the event of a “confession”. In clause “i” part 1 of article 61 of the Criminal Code of the Russian Federation, after the words “obtained as a result of a crime”, add: “affects the appointment of a sentence in accordance with Art. 15 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Based on the definition of evidence specified in Part 1 of Article 74 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, to consider “a confession” not only as a reason to initiate a criminal case, but also information subject to proving in a criminal case. Part 2 of Art. 74 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, as evidence, add – “a confession, after the initiation of a criminal case”. The essence of the “confession of guilt” must be reflected in Part 1 of Art. 314 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, after the words “declare their agreement with the charges brought against him and”, add the phrase “confession of guilt”.

Keywords: confession of guilt, confession, evidence, suspect, accused, defendant, court

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-65-73

В уголовно-процессуальном законодательстве (Уголовно-процессуальном кодексе РФ, далее УПК – РФ)¹ формально указывается, что признание вины в совершении преступления является «скромными» доказательствами в совершении лицом преступления. Эта логическая посылка исходит из двух источников: первый – ч. 2 ст. 77 УПК РФ, где указывается, что «признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств». Второй – позиция в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»², где речь так же идет о том, что признание подсудимым своей вины, если оно не подтверждено совокупностью других собранных по делу доказательств, не может служить основанием для постановления обвинительного приговора.

Тем не менее, на практике дела могут обстоять с точностью до наоборот, признание вины обвиняемым (подозреваемым) в совершении преступления уже на стадии предварительного расследования является «царицей доказательств» [5]. Необходимо понимать, что признание вины, не подкрепленное другими доказательствами по уголовному делу, не только порождает предвзятое отношение судей в судебных инстанциях к подсудимому, но и отрицательно влияет на их внутреннее убеждение при принятии какого-либо процессуального решения или вынесения приговора. Именно поэтому происходит парадоксальная ситуация, например, на стадии предварительного расследования, когда, оказывается, защитник бывает больше нужен не обвиняемому, а следователю, поскольку судебной практикой устанавливается, что признание вины в присутствии защитника является неопровержимым доказательством, соответственно, отказываться от признательных показаний в суде бесперспективно для обвиняемого и его защитника. Особо подчеркнем, что в случаях отказа от первоначальных показаний, в которых лицо признавало свою вину, сторона защиты должна придумать причину, по которой, как она считает, первоначальные показания были ложные (принуждение к даче признательных показаний, заблуждение, самооговор и т.д.). Какие видятся в перспективе последствия отказа от показаний, в которых лицо признавало свою вину в совершении преступления? Во-первых, при допросе обвиняемого и получении от него признательных показаний следователь фиксирует данные показания согласно уголовно-процессуальной процедуре (ст. 173 УПК РФ), в порядке, установленном ст. 189 УПК РФ. Во-вторых, в случае отказа обвиняемого от показаний суд должен провести проверку с целью выяснения причин отказа. В ходе проверки судом не только сопоставляются первоначальные показания обвиняемого с его новыми показаниями, соответственно, не оглашаются ранее данные показания подсудимого (п. 4 Пленума № 55), но и проверки показаний на месте, очные ставки и т.д. При этом подсудимый должен объяснить, почему его новые показания противоречат материалам уголовного дела. В-третьих, согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре»³, суд, сопоставляя показания подсудимого с имеющимися в уголовном деле доказательствами, определяет, какие показания (ранее данные или новые) соответствуют имеющимся в уголовном деле доказательствам. Поэтому защита должна знать и предвидеть, что если нет фундаментальной опоры на имеющиеся в деле доказательства, то менять показания не имеет смысла. Кроме того, в литературе верно отмечается, что на практике большое значение суд придает тем показаниям обвиняемого, которые были даны им на стадии предварительного расследования. При этом полномочия защитника, который участвовал вместе с обвиняемым (подозреваемым) в следственных действиях, к сожалению, в большинстве случаев используются против подсудимого (в ущерб ему), если он меняет в суде данные ранее им показания. В этих случаях суд в приговоре использует в качестве доказательств данные подсудимым первоначальные показания, естественно, ссылаясь на то, что при допросе в ходе расследования уголовного дела присутствовал защитник, и у суда нет оснований не доверять первоначальным доказательствам [13, с. 5–8].

Следует отметить, что признание вины обвиняемым (подозреваемым) не только не содержится в перечне смягчающих обстоятельств, которые указаны в ч. 1 ст. 61 УК РФ⁴, но и вообще конкретно не

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020).

² Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

³ Пункт 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29.11.2016 № 55 «О судебном приговоре».

⁴ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.10.2020).

упоминается в УК РФ в качестве смягчающих обстоятельств. Согласно же ч. 2 ст. 61 УК РФ указывается, что при назначении наказания могут учитываться в качестве смягчающих обстоятельства, которые не указаны в ч. 1 данной статьи, но какие это обстоятельства, не разъясняется. То есть нужно понимать, что признание вины – это какие-то иные, абстрактные смягчающие обстоятельства. Соответственно, обязан ли суд учитывать некие «иные», неизвестные смягчающие обстоятельства? Мы полагаем, что у суда есть право учитывать, например, предложенные сторонами какие-либо обстоятельства, смягчающие вину подсудимого (в соответствии с ч. 2 ст. 61 УК РФ перечень обстоятельств, смягчающих наказание, не является исчерпывающим), но это не является обязанностью суда, поскольку в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»⁵ указывается, что в качестве обстоятельства, смягчающего наказание, *суд вправе* признать признание вины, в том числе и частичное, раскаяние в содеянном, наличие несовершеннолетних детей при условии, что виновный принимает участие в их воспитании, материальном содержании, и преступление не совершено в отношении их, наличие на иждивении виновного престарелых лиц и т.д. Кроме того, возвращаясь к судебной практике, можно констатировать, что суд всегда указывает (если это имело место) в приговоре, что *«суд при назначении наказания учитывает признание вины»*.

Но самое главное, проблема заключается в том, чтобы установить, каким образом для обвиняемого (подсудимого) его признание вины повлияет на назначенное ему наказание (на сколько и каким образом уменьшится или изменится срок наказания). С имеющейся законодательной базой в контексте признания вины мы никогда не поймем и не узнаем, какое было бы наказание подсудимому, если бы он не признал вину в совершении преступления. Думается, что, возможно, наказание могло быть таким же, что и при признании подсудимым вины, так как нет конкретных законодательных обоснований в обратном.

Если вести речь об институте особого порядка судебного разбирательства, в частности, о досудебном соглашении, о сотрудничестве (далее – ДСоС), которое заключается между стороной защиты и стороной обвинения (п. 61 ст. 5 УПК РФ), содержанием которого является готовность к сотрудничеству со следствием обвиняемого (подозреваемого), вследствие чего он получает более мягкую форму наказания, то должен логично возникать вопрос, связанный с доказыванием по уголовным делам, а конкретно – с исключением из судебного разбирательства полноценной процедуры исследования доказательств. Соответственно, особо нужно подчеркнуть, что, как и при любой правовой сделке, независимо от ее формы (устная, письменная, нотариальная), представляющей собой волевой акт, в котором каждый из участников как с той, так и с другой стороны, преследует свой законный интерес (чаще не законный, а личный, который далек от законности), что является естественным, исходя из природы человека [14, с. 63]. В связи с этим верно указывал профессор О.Я. Баев, что любые личные интересы, будь то самого обвиняемого или подсудимого, или адвоката как стороны защиты, например, при ДСоС в уголовном процессе, представляют собой желание и цель минимизации наказания, которое может грозить обвиняемому за совершенное им преступление, а при определенных обстоятельствах вообще освободить от уголовной ответственности [3, с. 44]. Данная позиция и стремления более отчетливо видны в организационно-правовом механизме оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) при работе с агентурным аппаратом, в том смысле, что не всегда понятна доля добровольной воли лица, которое выражает желание оказывать сотрудничество субъектам, осуществляющим ОРД. Поскольку обвиняемым или подозреваемым в большей степени может руководить не чувство вины за совершенное им преступление, а желание смягчить себе наказание, например, за предоставление важной оперативной информации правоохранительным органам [18, с. 56, 57].

Необходимо отметить, надлежащего уголовно-процессуального доказывания по уголовному делу в рамках ДСоС не проводится, на что указывает исследованная нами литература. Например, ранее, когда еще не существовал законодательно институт ДСоС, предлагались в ходе расследования преступлений в качестве склонения и стимулирования обвиняемых к даче признательных показаний различные «тактические приемы». К данным приемам можно отнести: квалификация преступления по более

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» // СПС «Консультант Плюс».

«мягкой» норме уголовного права, а не по норме, в случае отказа лица дать признательные показания; не вменять большую часть эпизодов преступной деятельности лицу за признание вины по одному эпизоду или малой части эпизодов [3, с. 53].

В УПК РФ, по нашему мнению, показания обвиняемого (ст. 77 УПК РФ) должны пониматься как сведения об обстоятельствах, которые должны подлежать доказыванию по уголовному делу, поэтому мы солидарны с такими авторами, как Н.А. Соловьев, В.Н. Перекрестов, которые указывают на то, что не имеет доказательственного значения отдельное вычленение из показаний обвиняемого его позиции по предъявленному обвинению, связанной с признанием им своей вины, поскольку факт признания вины не может являться доказательством, и в данном случае возможно вести речь о юридическом факте, от которого может зависеть выбор как формы предварительного расследования, так и формы судебного разбирательства. Соответственно, выраженное в процессуальной форме признание вины лица в совершении преступления и его отношение к предъявленному обвинению, а затем ходатайство о проведении судебного разбирательства в особом порядке есть ни что иное, как юридический факт, именно поэтому должны применяться не нормы доказательственного права, а механизм, регулирующий процедуру разрешения уголовного дела (особый порядок судебного разбирательства, ДСоС) [21, с. 226]. Соответственно, можно сказать о том, что признание вины лицом имеет особое правовое значение, а именно освобождает не только потерпевшего как заинтересованную сторону в исходе уголовного дела, но и государство от необходимости доказывания по уголовному делу, что влечет вынесение процессуального решения, которое удовлетворяет лиц, в пользу которых была признана вина.

Поскольку в особом порядке судебного разбирательства не происходит надлежащее исследование доказательств, то суд делает выводы об обоснованности и доказанности обвинения на основе материалов предварительного расследования (ч. 5 ст. 316 УПК РФ). Поэтому в связи с этим в литературе верно анализируется мысль о смысле признания подсудимым своей вины, если только в совещательной комнате после изучения материалов уголовного дела судья делает вывод об истинности признания вины подсудимым [24, с. 95, 96]. По нашему мнению, существует основополагающий принцип уголовного процесса – презумпция невиновности, в контексте которой выводы суда о виновности лица должны опираться на достаточную совокупность законным образом полученных доказательств (в контексте ст. 85 УПК РФ). Тем более у обвиняемого имеются два основных способа защиты, не запрещенных уголовно-процессуальным законодательством: пассивный способ защиты – отказ от дачи показаний (например, ст. 51 Конституции РФ); активный способ защиты – отрицание причастности к преступлению (обвиняемый не предупреждается об уголовной ответственности за дачу ложных показаний). Соответственно, органы предварительного расследования должны доказывать вину обвиняемого [16, с. 57].

Пленум Верховного Суда РФ в своем Постановлении указывает, что «признание вины подсудимым имеет, по-видимому, познавательное-информационное значение для суда...»⁶, с чем мы полностью согласны. В контексте указанного Верховным Судом РФ следует особо подчеркнуть, что признание лица вины в совершении преступления наиболее важно для ОРД, с ее принципами и мировоззренческим основанием существования деятельности и, более того, отношения к данному виду государственной деятельности со стороны общества [17, с. 63–72; 19, с. 44–47], а также для пенитенциарных учреждений в контексте раскрытия преступлений в местах лишения свободы [15, с. 102, 103]. Кроме того, по нашему убеждению, основанием для проведения особого порядка судебного разбирательства является не согласие с предъявленным обвинением, а признание вины обвиняемым [16, с. 57], это тонкое, но очень важное отличие. При согласии с предъявленным обвинением в отличие от признания вины обвиняемым отсутствует личностный, волевой, субъективно-психологический элемент лица, в котором он лично от себя, со своим психологическим восприятием и отношением к своему деянию, показывает, в чем он виновен. Согласие с предъявленным обвинением есть не что иное, как соглашение обвиняемого с теми доказательствами, на основе которых в отношении него выдвинули обвинение. То есть, другими словами, обвиняемый как бы рассуждает: «Да, следователь расследовал уголовное дело, наверное, правильно и на основании собранных в уголовном деле доказательств я соглашаюсь с предъявленным мне

⁶ Определение Верховного Суда РФ от 22.11.2006 № 50-о06-20 // СПС «Консультант Плюс».

обвинением, все доказательства в уголовном деле относимы, правомерны, логически последовательны, но я свою вину не признаю, так как данного преступления не совершал».

Отдельной строкой отметим институт «явки с повинной», который, на наш взгляд, имеет много общего с «признанием вины», но в то же время входит в театр дискуссий относительно своей правовой сущности. Но, тем не менее, считаем необходимым отметить, что признание вины в совершении преступления может облекаться в такую процессуальную форму, как «явка с повинной» [2, с. 106; 9, с. 537–539; 26, с. 219].

Согласно ч. 1 ст. 142 УПК РФ заявление о явке с повинной – это добровольное сообщение лица о совершенном им преступлении. Если преступление не раскрыто, то заявление о явке с повинной, сделанное правоохранительным органам как в письменном, так и в устном виде, есть личное, добровольное желание, без какого-либо принуждения со стороны третьих лиц. При этом лицо, сделавшее явку с повинной, имело реальную возможность не только не сообщать в правоохранительные органы о совершенном преступлении, но и скрыться от данных органов, без каких-либо правовых последствий для себя, т.е. избежать уголовной ответственности. Более того, о заявленном в явке с повинной преступлении может быть вообще неизвестно правоохранительным органам. Но, несмотря на вышеуказанные обстоятельства, лицо явилось в правоохранительные органы и заявило о совершенном преступлении. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58, п. 29 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» отмечено, что «... явка с повинной имеет место, которая в силу пункта “и” части 1 статьи 61 УК РФ является обстоятельством, смягчающим наказание, тогда, когда лицо в устном или письменном виде добровольно сообщило органу, осуществляющему уголовное преследование, о совершенном им или с его участием преступлении. Не может признаваться добровольным заявление о преступлении, сделанное лицом в связи с его задержанием по подозрению в совершении этого преступления... Добровольное сообщение лица о совершенном им или с его участием преступлении признается явкой с повинной и в том случае, когда лицо в дальнейшем в ходе предварительного расследования или в судебном заседании не подтвердило сообщенные им сведения...»⁷.

Ряд ученых считают явку с повинной доказательством [7, с. 121–125; 28, с. 17] или доказательством вины [10, с. 35, 36]. Другие ученые считают, что явка с повинной не имеет доказательственного значения, а является лишь поводом к возбуждению уголовного дела, при этом указывая на то, что явка с повинной способна стать доказательством лишь обстоятельств, влияющих на степень и характер ответственности обвиняемого [6, с. 6]. Ю.К. Орлов полагал, что явка с повинной вообще доказательством не является, и она не может использоваться как «иной документ» [23, с. 245], и он не одинок в своем мнении, такой же позиции придерживаются авторы Т.А. Фролова и С.А. Кобзева [25, с. 31]. Но, вопреки различным научным концепциям, в судебной практике имеются прецеденты, когда явка с повинной рассматривается как доказательство виновности подсудимого⁸. Проблема еще в том, что институт «явки с повинной» имеет в контексте законодательства двойственную (дуалистическую) природу, а именно: в уголовном процессе – повод к возбуждению уголовного дела, а в уголовном праве – смягчающее обстоятельство.

Думается, что позиция о доказательном характере явки с повинной в настоящее время спорная, ибо законодатель обязательно отразил бы в УПК РФ тот факт, что доказательствами являются сведения, полученные от лица, явившегося с повинной до возбуждения уголовного дела и в дальнейшем привлеченного к уголовной ответственности. Законодатель же предусмотрел только два вида доказательств, связанных с лицом, совершившим преступление: показания подозреваемого и показания обвиняемого (п. 1 ст. 74, ст. 76–77 УПК РФ), подозреваемый и обвиняемый появляются только после возбуждения уголовного дела. Следовательно, с точки зрения законодателя «явка с повинной» в настоящее время доказательством не является. По мнению некоторых авторов, при явке с повинной необходимо полное и правдивое признание вины в совершенном преступлении [27, с. 17]. Действительно, в большинстве случаев это так и есть, но вполне вероятны случаи, когда лицо является с повинной, но вину свою мо-

⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 (ред. от 18.12.2018) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания».

⁸ Пункт 10 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 ноября 2016 г. № 55 «О судебном приговоре» // СПС «КонсультантПлюс».

жет признавать частично, никакой алогичности в этом нет [20, с. 118]. По мнению В.В. Ярцева, явка с повинной предполагает и чистосердечное (деятельное) раскаяние лица, явившегося с повинной [28, с. 17]. С позиции же УПК РФ полного и правдивого признания вины при явке с повинной не требуется, так же как не требуется и чистосердечного раскаяния. Как бы то ни было, явка с повинной – это юридический термин, который обязывает суд быть мягче и снисходительнее к подсудимому [1, с. 14–19]. Аккумулируя анализ феномена «явки с повинной», мы считаем, что, несмотря на спорный вопрос признания доказательством «явки с повинной», можно точно утверждать, что она является способом признания лицом вины в совершении противоправного деяния, пусть даже специфическим признанием вины, как указывает В.К. Коломеец [12, с. 36], или даже, как В.Ф. Васюков, – «формализованное признание в содеянном» [4, с. 20]. Тем не менее, мы не одиноки в своем мнении [11, с. 103; 23, с. 148].

На основании вышеизложенного, учитывая то, что институт «явки с повинной» имеет дуалистическую природу, то есть имеет контекст материального права и процессуального, считаем необходимым внести конкретику в механизм использования данного института в рамках правового поля. Во-первых, внести изменения в ст. 15 УК РФ («Категория преступлений»), где конкретно указать, какой срок наказания в зависимости от характера и степени общественной опасности деяния не может быть превышен в случае имевший место «явки с повинной» (т.е. речь идет о сроке наказания, естественно, меньше того, который может быть в отсутствие «явки с повинной»). То есть, в данном случае, имеет место аналогия с ч. 7 ст. 316 УПК РФ («Порядок проведения судебного заседания, постановления приговора или прекращения уголовного дела»), где указывается, что, если судья придет к выводу, что обвинение, с которым согласился подсудимый, обоснованно, подтверждается доказательствами, собранными по уголовному делу, то он постановляет обвинительный приговор и назначает подсудимому наказание, которое не может превышать две трети максимального срока или размера наиболее строгого вида наказания, предусмотренного за совершенное преступление. Во-вторых, в п. «и» ч. 1 ст. 61 УК РФ («Обстоятельства, смягчающие наказание»), после слов «добытого в результате преступления» добавить следующее содержание: «влияет на назначение срока наказания в соответствии со ст. 15 УК РФ». В-третьих, поскольку доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых уполномоченными субъектами устанавливается наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а «явка с повинной» является не только поводом к возбуждению уголовного дела, но сведениями, подлежащим доказыванию, логично и разумно было бы в ч. 2 ст. 74 УПК РФ в качестве доказательств внести: «явка с повинной, после возбуждения уголовного дела». Так как «явка с повинной» должна и может иметь доказательственное значение только при соблюдении процессуально-правового режима ее получения и оформления [2, с. 107].

Кроме того, поскольку в содержание признания обвиняемым вины входят не только субъективные признаки состава преступления (содеянного), но и прямым образом обвинение как совокупность юридических и фактических обстоятельств дела [8, с. 343–347], то, на наш взгляд, феномен «признания вины» должен быть отражен в действующем уголовно-процессуальном законодательстве следующим образом: необходимо в ч. 1 ст. 314 УПК РФ «Основания применения особого порядка принятия судебного решения») после слов «...заявить о согласии с предъявленным ему обвинением и» дополнить фразу словами: «признания им вины...», далее по тексту нормы.

Список литературы

1. *Азаренок Н.В., Слободчикова А.Д.* Некоторые вопросы использования явки с повинной в доказывании по уголовным делам // *Адвокатская практика*. – 2018. – № 2. – С. 14–19.
2. *Арсенова Н.В.* Признание вины, полученное при проверке сообщения о преступлении, как доказательство по уголовному делу // *Алтайский юридический вестник*. – 2018. – № 4 (24). – С. 105–110.
3. *Баев О.Я.* Досудебное соглашение о сотрудничестве: правовые и криминалистические проблемы, возможные направления их разрешения: монография. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. – 208 с.
4. *Васюков В.Ф.* Явка с повинной как повод возбуждения уголовного дела // *Наука и практика*. – 2015. – № 3. – С. 20.
5. *Вышинский А.Я.* Теория судебных доказательств в советском праве. – М.: Книга по требованию, 2013. – 220 с.

6. Григорьева Н.В. Исключение из разбирательства дела недопустимых доказательств // Российская юстиция. – 1995. – № 11. – С. 5–7.
7. Гричаниченко А.В. Особенности принятия и оформления явки с повинной // Уголовное право. – 2017. – № 1. – С. 121–125.
8. Дулова А.И. К вопросу о необходимости признания вины обвиняемым для рассмотрения уголовного дела в особом порядке // Современные проблемы правотворчества и правоприменения: материалы Всероссийской студенческой научно-практической конференции / отв. ред. С.И. Сулова, А.П. Ушакова. – Иркутск, 2017. – С. 343–347.
9. Жданова А.В., Бормотова Л.В. Признание лицом своей вины в совершении преступления в форме заявления о явке с повинной и его процессуально-правовые последствия // Современные информационные технологии в науке, образовании и практике: материалы X Всероссийской научно-практической конференции. – Оренбург, 2012. – С. 537–539.
10. Журавлева Е. Явка с повинной в судебной практике // Уголовное право. – 2007. – № 5. – С. 35–37.
11. Касаткина С.А. Признание обвиняемого: монография. – М., 2010. – 117 с.
12. Коломеец В.К. Явка с повинной: новая трактовка // Российская юстиция. – 1997. – № 10. – С. 36.
13. Морщакова Т.Г. Об актуальности теории решений в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. – 2011. – № 2. – С. 5–8.
14. Середнев В.А. К вопросу понятия предмета досудебного соглашения о сотрудничестве в аспекте уголовно-процессуального доказывания // Вестник Ярославского государственного университета имени П.Г. Демидова. Серия: Гуманитарные науки. – 2018. – № 3 (45). – С. 63–66.
15. Середнев В.А. К идее новых целей уголовного наказания // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. – 2020. – № 1–2 (102–103). – С. 163–169.
16. Середнев В.А. Основание проведения особого порядка судебного разбирательства: признание вины или согласие с предъявленным обвинением? // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2018. – Т. 5, № 1. – С. 54–58.
17. Середнев В.А. Правовая культура оперативно-разыскной деятельности в контексте отношения общества к данному виду государственной деятельности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. – 2020. – № 1 (24). – С. 63–72.
18. Середнев В.А. Тактика приобретения агентурного аппарата субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность // Научный аспект. – 2013. – № 1. – С. 48–67.
19. Середнев В.А. Философско-мировоззренческие идеи (основания) оперативно-разыскной деятельности // ГлаголЪ правосудия. – 2020. – № 1 (23). – С. 44–47.
20. Смолькова И.В. Является ли явка с повинной признанием обвиняемым своей вины? // Судебная власть и уголовный процесс. – 2017. – № 3. – С. 114–119.
21. Соловьев Н.А., Перекрестов В.Н. Правовое и доказательственное значение признания вины в современном российском уголовном процессе // Вестник Волгоградского университета. Серия 5: Юриспруденция. – 2012. – С. 223–229.
22. Уголовный процесс: учебник для акад. бакалавриата / под ред. А.И. Бастрыкина, А.А. Усачева. – М., 2019. – С. 148.
23. Уголовный процесс: учебник для бакалавров / под ред. Л.А. Воскобитовой. – М., 2018. – 616 с.
24. Федосеева Е.А. Досудебное соглашение о сотрудничестве: монография. – М.: Юрлитинформ, 2016. – 239 с.
25. Фролова Т.А., Кобзева С.М. Особенности признания недопустимыми отдельных доказательств // Уголовный процесс. – 2006. – № 8. – С. 31.
26. Цветкова Т.В. Явка с повинной как форма признания обвиняемым своей вины в совершении преступления // Интеграционные процессы в науке в современных условиях: материалы Международной научно-практической конференции: в 3 ч. – Казань, 2017. – С. 219.
27. Щерба С.П., Савкин А.В. Действенное раскаяние в совершенном преступлении. Значение, правовые последствия и доказывание / под общ. ред. С.П. Щербы. – М., 1997. – С. 110 с.
28. Ярцев Р.В. Явка с повинной как предмет судебной оценки при назначении наказания // Уголовный процесс. – 2008. – № 5. – С. 17–29.

References

1. *Azarenok N.V., Slobodchikova A.D.* Nekotorye voprosy ispol'zovaniya yavki s povinnoj v dokazyvanii po ugovolnym delam // *Advokatskaya praktika*. – 2018. – № 2. – S. 14–19.
2. *Arsenova N.V.* Priznanie viny, poluchennoe pri proverke soobshcheniya o prestuplenii, kak dokazatel'stvo po ugovolnomu delu // *Altajskij juridicheskij vestnik*. – 2018. – № 4 (24). – S. 105–110.
3. *Baev O.Ya.* Dosudebnoe soglasenie o sotrudnichestve: pravovye i kriminalisticheskie problemy, vozmozhnye napravleniya ih razresheniya: monografiya. – M.: Norma: INFRA-M, 2016. – 208 s.
4. *Vasyukov V.F.* Yavka s povinnoj kak povod vozbuzhdeniya ugovolnogo dela // *Nauka i praktika*. – 2015. – № 3. – S. 20.
5. *Vyshinskij A.Ya.* Teoriya sudebnyh dokazatel'stv v sovetskom prave. – M.: Kniga po trebovaniyu, 2013. – 220 s.
6. *Grigor'eva N.V.* Isklyuchenie iz razbiratel'stva dela nedopustimyh dokazatel'stv // *Rossijskaya yusticiya*. – 1995. – № 11. – S. 5–7.
7. *Grichanichenko A.V.* Osobennosti prinyatiya i oformleniya yavki s povinnoj // *Ugovolnoe pravo*. – 2017. – № 1. – S. 121–125.
8. *Dulova A.I.* K voprosu o neobходимости признания вины обвиняемым для рассмотрения уголовного дела в особом порядке // *Sovremennye problemy pravotvorchestva i pravoprimeneniya: materialy Vserossijskoj studencheskoj nauchno-prakticheskoy konferencii / otv. red. S.I. Suslova, A.P. Ushakova*. – Irkutsk, 2017. – S. 343–347.
9. *Zhdanova A.V., Bormotova L.V.* Priznanie licom svoej viny v sovershenii prestupleniya v forme zayavleniya o yavke s povinnoj i ego processual'no-pravovye posledstviya // *Sovremennye informacionnye tekhnologii v nauke, obrazovanii i praktike: materialy X Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii*. – Orenburg, 2012. – S. 537–539.
10. *Zhuravleva E.* Yavka s povinnoj v sudebnoj praktike // *Ugovolnoe pravo*. – 2007. – № 5. – S. 35–37.
11. *Kasatkina S.A.* Priznanie обвиняемого: monografiya. – M., 2010. – 117 s.
12. *Kolomeec V.K.* Yavka s povinnoj: novaya traktovka // *Rossijskaya yusticiya*. – 1997. – № 10. – S. 36.
13. *Morshchakova T.G.* Ob aktual'nosti teorii reshenij v ugovolnom sudoproizvodstve // *Ugovolnoe sudoproizvodstvo*. – 2011. – № 2. – S. 5–8.
14. *Serednev V.A.* K voprosu ponyatiya predmeta dosudebnogo soglaseniya o sotrudnichestve v aspekte ugovolno-processual'nogo dokazyvaniya // *Vestnik Yaroslavsogo gosudarstvennogo universiteta imeni P.G. Demidova. Seriya: Gumanitarnye nauki*. – 2018. – № 3 (45). – S. 63–66.
15. *Serednev V.A.* K idee novyh celej ugovolnogo nakazaniya // *Vestnik Habarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. – 2020. – № 1–2 (102–103). – S. 163–169.
16. *Serednev V.A.* Osnovanie provedeniya osobogo poryadka sudebnogo razbiratel'stva: priznanie viny ili soglasie s pred'yavленным обвинением? // *Vestnik juridicheskogo fakul'teta Yuzhnogo federal'nogo universiteta*. – 2018. – T. 5, № 1. – S. 54–58.
17. *Serednev V.A.* Pravovaya kul'tura operativno-razysknoj deyatel'nosti v kontekste otnosheniya obshchestva k dannomu vidu gosudarstvennoj deyatel'nosti // *Vestnik Samarskoj gumanitarnoj akademii. Seriya: Pravo*. – 2020. – № 1 (24). – S. 63–72.
18. *Serednev V.A.* Taktika priobreteniya agenturnogo apparata sub'ektami, osushchestvlyayushchimi operativno-razysknuyu deyatel'nost' // *Nauchnyj aspekt*. – 2013. – № 1. – S. 48–67.
19. *Serednev V.A.* Filosofsko-mirovozzrencheskie idei (osnovaniya) operativno-razysknoj deyatel'nosti // *Glagol» pravosudiya*. – 2020. – № 1 (23). – S. 44–47.
20. *Smol'kova I.V.* Yavlyaetsya li yavka s povinnoj priznaniem обвиняемым svoej viny? // *Sudebnaya vlast' i ugovolnyj process*. – 2017. – № 3. – S. 114–119.
21. *Solov'ev N.A., Perekrstov V.N.* Pravovoe i dokazatel'stvennoe znachenie priznaniya viny v sovremennom rossijskom ugovolnom processe // *Vestnik Volgogradskogo universiteta. Seriya 5: Yurisprudenciya*. – 2012. – S. 223–229.
22. *Ugovolnyj process: uchebnik dlya akad. bakalavriata / pod red. A.I. Bastrykina, A.A. Usacheva*. – M., 2019. – S. 148.
23. *Ugovolnyj process: uchebnik dlya bakalavrov / pod red. L.A. Voskobitovoj*. – M., 2018. – 616 s.

24. *Fedoseeva E.A.* Dosudebnoe soglashenie o sotrudnichestve: monografiya. – М.: Yurlitinform, 2016. – 239 s.
25. *Frolova T.A., Kobzeva S.M.* Osobennosti priznaniya nedopustimymi ot del'nyh dokazatel'stv // Ugolovnyj process. – 2006. – № 8. – S. 31.
26. *Cvetkova T.V.* Yavka s povinnoj kak forma priznaniya obvinyaemym svoej viny v sovershenii prestupleniya // Integracionnye processy v nauke v sovremennyh usloviyah: materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 3 ch. – Kazan', 2017. – S. 219.
27. *Shcherba S.P., Savkin A.V.* Deyatel'noe raskayanie v sovershenom prestuplenii. Znachenie, pravovye posledstviya i dokazyvanie / pod obshch. red. S.P. Shcherby. – М., 1997. – S. 110 s.
28. *Yarcev R.V.* Yavka s povinnoj kak predmet sudebnoj ocenki pri naznachenii nakazaniya // Ugolovnyj process. – 2008. – № 5. – S. 17–29.

УДК 343.9

ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ КОРРУПЦИОННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ИСПРАВИТЕЛЬНЫХ УЧРЕЖДЕНИЯХ УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Кривошеев Сергей Владимирович,

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и процесса,

e-mail: 9262625339@mail.ru,

Московский университет им. С.Ю. Витте, г. Москва

В статье разъясняются понятия коррупции, коррупционного преступления, коррупционной преступности. Рассматриваются особенности проявления коррупции в уголовно-исполнительной системе, изучаются особенности совершения коррупционных преступлений в пенитенциарных учреждениях, определение которых позволяет выработать эффективные меры предупреждения данного негативного явления.

Ключевые слова: коррупция, коррупционное преступление, исправительное учреждение, уголовно-исполнительная система

FEATURES OF COMMITTING CORRUPTION CRIMES IN CORRECTIONAL INSTITUTIONS OF THE PENITENTIARY SYSTEM

Krivosheev S.V.,

candidate of legal sciences, associate professor of the department of criminal law and procedure,

e-mail: 9262625339@mail.ru,

Moscow Witte University, Moscow

This scientific paper explains the concepts of corruption, corruption crime, corruption crime. The features of corruption in the penal system are considered, the ways of committing corruption crimes in penitentiary institutions are studied, the definition of which allows us to develop effective measures to prevent this negative phenomenon.

Keywords: corruption, corruption crime, correctional institution, penal enforcement system

DOI 10.21777/2587-9472-2020-2-74-78

Борьба с проявлением коррупции является одной из актуальнейших проблем в деятельности Российского государства на протяжении всей нашей истории. С момента принятия 25.12.2008 года Федерального закона № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» начинается современный этап противодействия данному явлению, пронизывающему практически все сферы жизни общества и государства.

Что же такое коррупционное преступление? Несмотря на то, что законодатель в одноименном законе разъяснил понятие «коррупция», существуют различные точки зрения на понятия «коррупция», «коррупционное преступление», «коррупционная преступность».

Так, по мнению зарубежных правоведов, коррупция представляет собой явление, выражающееся в уклонении специальных субъектов от выполнения возложенных на них официальных обязанностей и полномочий, а также государственных функций в целях удовлетворения личных, семейных или групповых интересов с целью обогащения и повышения своего как должностного, так и социального статуса [7, с. 149]. Подобного взгляда на коррупцию придерживаются и некоторые российские ученые. Так, А.И. Долгова определяет коррупцию как социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих и на этой основе корыстным использованием ими в личных либо узкогрупповых, корпоративных интересах официальных служебных полномочий, связанных с ними авторитета и возможностей [6]. П.А. Кабанов полагает, что коррупция – социальное явление, характеризующееся корыстным использованием лицом, являющимся представителем органа государственной власти и управления, своего служебного положения для личного обогащения [3, с. 7]. Про-

фессор В.Д. Малков определяет, что коррупция представляет собой социальное явление, характеризующееся подкупом – продажностью государственных и иных служащих, принятием ими материальных и нематериальных благ и преимуществ за деяния, которые могут быть выполнены с использованием официального статуса данных субъектов, связанных с этим статусом авторитета, возможностей, связей [5, с. 325]. К.М. Кириллов определяет коррупционную преступность как совокупность преступлений, совершенных специальными субъектами, использующими свои должностные или служебные полномочия для противоправного извлечения личных выгод или выгод для третьих лиц вопреки интересам службы, а также других лиц, общества или государства в целом [4]. По мнению М.В. Артемьевой, коррупционная преступность – это целостная и относительно массовая совокупность преступлений, посягающих на авторитет государственной службы или в органах муниципального самоуправления, выражающихся в незаконном получении преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, либо в предоставлении лицам таких преимуществ, а также совокупность самих этих лиц [1]. Б.А. Саатова указывает, что коррупционное преступление – это корыстное ненасильственное преступление, связанное с незаконным использованием должностного (служебного) положения или особого статуса физического лица, позволяющего оказывать влияние на проведение каких-либо общественных мероприятий [8].

В настоящее время в законе не дается определения коррупционного преступления, также возникают вопросы: а какие именно противоправные деяния, предусмотренные Уголовным кодексом РФ, считать коррупционными? В уголовном законе нет отдельной главы, в которой содержались бы данные преступные проявления, они находятся в разных местах (например, ст. 290, 291, 159 УК РФ и др.) и их объединяет одно обстоятельство – это использование своего служебного положения.

По нашему мнению, коррупционное преступление следует определить как противоправное, виновное деяние, запрещенное уголовным законом, совершенное в сфере государственной или муниципальной деятельности, при исполнении служебных обязанностей должностным лицом.

Коррупционные правонарушения затрагивают все сферы государственной деятельности, не является исключением и деятельность пенитенциарных учреждений. Коррупция в уголовно-исполнительной системе выявляется на всех уровнях управления Федеральной службы исполнения наказания РФ.

Так, например, 14 июля 2017 года был вынесен обвинительный приговор Замоскворецким судом г. Москвы по ч. 4 ст. 159 и ч. 3 ст. 285 УК РФ в отношении бывшего директора ФСИН А. Реймера, бывшего заместителя директора ФСИН Н. Криволапова, и бывшего директора ФГУП «Центр инженерно-технического обеспечения и связи ФСИН» В. Определенова, в соответствии с которым всем осужденным были назначены реальные сроки лишения свободы с отбыванием наказания в исправительных учреждениях¹.

Остановимся более подробно на характеристике коррупционных преступлений, совершаемых непосредственно в учреждениях, исполняющих уголовные наказания: исправительных колониях, тюрьмах, следственных изоляторах.

Одной из особенностей указанных противоправных деяний является возможность их совершения различными субъектами, в том числе и не являющимися сотрудниками уголовно-исполнительной системы, например, это могут быть следователи, оперативные работники других правоохранительных органов, посещающие осужденных, лиц, содержащихся под стражей, и проводящие с ними различные следственные и оперативно-розыскные мероприятия. Данные лица могут доставить за определенное вознаграждение в исправительное учреждение различные запрещенные предметы, например, алкоголь, предметы мобильной связи, наркотические вещества и др.

Но это, скорее, исключение из правил, основным субъектом совершения коррупционных преступлений в уголовно-исполнительной системе является ее сотрудник, то есть лицо, занимающее определенную должность в данной организации.

Рассмотрим основные сферы и способы совершения коррупционных противоправных деяний сотрудниками пенитенциарных учреждений.

¹ История уголовного дела экс-директора ФСИН Александра Реймера [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.tass.ru/info/7830481> (дата обращения: 18.03.2020).

В учреждениях, исполняющих наказания, коррупционными являются две сферы правоотношений: непосредственно связанные с исполнением наказания (отношения сотрудник – осужденный или его родственник) и сопутствующие, в основном это касается должностных преступлений в сфере госзакупок или освоения бюджетных средств. Для предотвращения последних у руководства учреждений, исполняющих наказания, максимально изъяли данные полномочия, делегировав часть из них в территориальные органы управления ФСИН.

Одним из главных коррупционных направлений деятельности при исполнении наказания является порядок предоставления условно-досрочного освобождения осужденным, отбывающим наказание в виде лишения свободы. Несмотря на то, что данное право осужденного возникает вне зависимости от желания администрации и предоставляется по решению суда, у сотрудников исправительного учреждения существует обязанность предоставлять в суд характеристику на осужденного. В соответствии с ч. 4.1 ст. 79 УК РФ суд обязан учитывать поведение осужденного в период отбывания наказания, его отношение к труду и учебе, а также имеющиеся поощрения и взыскания. Для получения положительной характеристики осужденные или их родственники готовы вступать в коррупционные отношения, а иногда сами сотрудники исправительных учреждений провоцируют данные противоправные правоотношения.

Также в соответствии со ст. 78 УИК РФ осужденные, отбывающие наказание в исправительных колониях общего или строгого режимов, могут быть переведены для дальнейшего отбывания наказания в колонию-поселение, из тюрьмы – в исправительную колонию, из исправительной колонии особого режима – в исправительную колонию строгого режима, то есть в исправительное учреждение с более «мягким» режимом отбывания наказания. В данном случае законодатель также предоставляет возможность для коррупционного поведения, употребляя термин «положительно характеризующиеся осужденные», то есть использует оценочное понятие, которое формулируется администрацией исправительного учреждения.

В соответствии со ст. 80 УК РФ осужденные могут воспользоваться правом изменения вида наказания в зависимости от тяжести преступления, за которое они осуждены. Вид наказания меняется по решению суда, но опять же суд, помимо всего прочего, учитывает поведение осужденного в период отбывания наказания в виде лишения свободы, то есть основывается на мнении администрации.

Для реализации указанных законных прав осужденных им необходимо, помимо наступления временных периодов, также положительно характеризоваться, то есть не иметь дисциплинарных взысканий за нарушения режима отбывания наказания. Порядок привлечения к дисциплинарной ответственности подробно описан в УИК РФ и предоставляет возможность для коррупционного маневра представителям уголовно-исполнительной системы. Также порядок применения различных мер поощрения (которые необходимы для оценивания положительной характеристики осужденного), предусмотренных ст. 113 УИК РФ, подразумевает возможность для коррупционного поведения персонала учреждения, например, это касается возможности получения дополнительной посылки или передачи, предоставления дополнительного свидания, досрочного снятия наложенного взыскания (особенно актуально, когда необходимо готовить документы для суда о предоставлении к условно-досрочному освобождению), возможность для лиц, отбывающих наказание в колонии-поселении, проведения выходных или праздничных дней за пределами исправительного учреждения.

При отбывании наказания в исправительном учреждении так же существует возможность для совершения коррупционных правонарушений. Так, в соответствии с действующим законодательством в исправительных учреждениях действует три вида условий отбывания наказания: обычные (где содержится основная масса осужденных, в данные условия распределяются осужденные по прибытию в учреждение), облегченные и строгие. Так вот, при переводе из одних условий отбывания наказания в другие основным фактором является оценка поведения конкретного осужденного администрацией исправительного учреждения (перевод осуществляется на основании приказа начальника учреждения), соблюдение им норм УИК РФ, Правил внутреннего распорядка ИУ, отношение к труду и воспитательной работе.

Иногда, в практической деятельности, встречаются случаи коррупционного поведения сотрудников УИС в порядке привлечения осужденных к труду. Не секрет, что не всем осужденным

в исправительных учреждениях хватает работы, несмотря на обязанность трудиться, в этих случаях сотрудники администрации в исправительных учреждениях сами выбирают из осужденных желающих трудоустроиться, исходя из их трудового опыта, имеющейся профессии, образования и других факторов.

Коррупционной составляющей деятельности пенитенциарных учреждений также является доставка запрещенных предметов осужденным. Нередко персонал, вступая в преступный сговор с осужденными, за определенное вознаграждение осуществляет доставку различных запрещенных предметов: мобильных телефонов, сим-карт, алкогольной продукции, наркотических средств и др.

Для предотвращения коррупционных правонарушений существуют различные предупреждающие меры, одно из них – это предоставление сведений о доходах и расходах. Так, в 2019 году на основании сведений о доходах, предоставленных сотрудниками УИС, проведено 1438 проверок их достоверности, по результатам которых к юридической ответственности привлечено 706 сотрудников УИС, в том числе 7 уволены в связи с утратой доверия [2].

Таким образом, следует отметить, что, несмотря на продолжающуюся работу по противодействию коррупционных преступлений, они по-прежнему имеют место. Совершение сотрудником правоохранительного органа преступления всегда опасно, так как данное лицо является представителем власти, вдвойне оно опасно по отношению к сфере исполнения наказания, так как дискредитируется сама суть реализации наказания: сотрудник исправительного учреждения – сам преступник. Негативно это влияет и на атмосферу исправительного учреждения, в результате чего неконтролируемое совершение коррупционных деяний может привести к тяжким последствиям, например, нападению на персонал, массовым беспорядкам. Так, в 2012 году в исправительной колонии № 6 Челябинской области одной из причин массовых беспорядков осужденных явились именно коррупционные правонарушения со стороны некоторых представителей администрации исправительного учреждения, итогом которых стало, помимо прочего, и привлечение некоторых сотрудников, включая начальника исправительного учреждения, к уголовной ответственности².

Список литературы

1. *Артемяева М.В.* Коррупция и коррупционные преступления // Юридическая наука. – 2011. – № 1. – С. 43–47.
2. *Зобнов В.* О нарушениях требований антикоррупционного законодательства Российской Федерации, выявленных в территориальных органах ФСИН России // Преступление и наказание. – 2020. – 11. – С. 15.
3. *Кабанов П.А.* Коррупция и взяточничество в России: исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты. – Нижнекамск: ИПЦ «Гузель», 1995. – С. 7.
4. *Кириллов К.М.* Понятие коррупции и коррупционной преступности: доктринально-правовой подход // Вестник РУК. – 2017. – № 1 (27). – С. 108–110.
5. Криминология: учебник для вузов / под ред. В.Д. Малкова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юстицинформ, 2006. – 528 с.
6. Криминология: учебник для юрид. вузов / под общ. ред. А.И. Долговой. – М.: Норма, 2005. – 912 с.
7. *Михайлов Л.В.* Борьба с коррупцией в США (80-е годы) // Вопросы истории. – 1994. – № 5. – С. 149.
8. *Саатова Б.А.* Коррупционное преступление // Молодой ученый. – 2017. – № 23 (157). – С. 209–211.

References

1. *Artem'eva M.V.* Korrupciya i korrupcionnye prestupleniya // Yuridicheskaya nauka. – 2011. – № 1. – S. 43–47.
2. *Zobnov V.* O narusheniyah trebovanij antikorrupcionnogo zakonodatel'stva Rossijskoj Federacii, vyyavlennyh v territorial'nyh organah FSIN Rossii // Prestuplenie i nakazanie. – 2020. – 11. – S. 15.
3. *Kabanov P.A.* Korrupciya i vzyatochnichestvo v Rossii: istoricheskie, kriminologicheskie i ugolovno-pravovye aspekty. – Nizhnekamsk: IPC «Guzel'», 1995. – S. 7.

² Организаторам самого громкого тюремного бунта вынесли приговор в Челябинске [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.chel.kp.ru/daily/26819.7/3855365> (дата обращения: 18.03.2020).

4. *Kirillov K.M.* Ponyatie korrupcii i korrupcionnoj prestupnosti: doktrinal'no-pravovoj podhod // Vestnik RUK. – 2017. – № 1 (27). – S. 108–110.
5. *Kriminologiya: uchebnik dlya vuzov / pod red. V.D. Malkova.* – 2-e izd., pererab. i dop. – M.: Yusticinform, 2006. – 528 s.
6. *Kriminologiya: uchebnik dlya jurid. vuzov / pod obshch. red. A.I. Dolgovej.* – M.: Norma, 2005. – 912 s.
7. *Mihajlov L.V.* Bor'ba s korrupciej v SSHA (80-e gody) // Voprosy istorii. – 1994. – № 5. – S. 149.
8. *Saatova B.A.* Korrupcionnoe prestuplenie // Molodoj uchenyj. – 2017. – № 23 (157). – S. 209–211.

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 2 (24)' 2020

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор

Демиденко В.К.

Компьютерная верстка

Савеличев М.Ю.

Электронное издание.

Подписано в тираж 24.06.2021.

Печ. л. 9,87. Усл.-печ. л. 9,25. Уч.-изд. л. 7,73.

Объем 2,2 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 20-0126.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.